

Траян Уба.

По ту сторону Венского леса.

Роман

ОТ АВТОРА

Я написал эту книгу в память о румынских и советских воинах, которые в совместной борьбе со злейшим врагом человечества — гитлеризмом — отдали самое дорогое — жизнь.

Я был одним из очевидцев великой битвы и написал эту книгу по велению сердца.

С искренностью непосредственного участника я попытался рассказать о пережитом. Вымысел ни в чем не исказил того, что было тогда главным.

В то время я был младшим лейтенантом и командовал батареей легкой зенитной артиллерии. На фронте мы постоянно чувствовали помощь, которую оказывали нам советские танки, самолеты, «катюши», и были благодарны за эту помощь нашим друзьям с красной звездой на пилотках.

С нетерпением я ждал встречи с ними. Мне хотелось сказать им спасибо, обнять их, посидеть с ними, чокнуться стаканом румынской цуйки.

Но встреча эта откладывалась со дня на день, с часу на час. Мы воевали плечом к плечу, на одном фронте, на одном участке, но близко друг друга не знали. Мы видели, как наша боевая дружба дает конкретные результаты в нашем каждодневном наступлении. Мы знали, что наш полк, наша дивизия, наш корпус взаимодействуют с соединениями советских войск. Яснее всего это чувствовалось на командном пункте полка и в штабе дивизии. От связного мы узнавали, что там снова побывал советский генерал и группа офицеров советского штаба. Склонившись над картой, они обсуждали вместе с нашим генералом план нового наступления.

Советские и румынские войска взаимодействовали в составе крупных соединений, как этого требуют законы войны. Мы же видели результаты этого взаимодействия в бою, когда при атаке какой-нибудь высоты или населенного пункта наши русские братья оказывали нам поддержку. В боях на Тырнаве, в Тыргу-Муреше, во всех крупных сражениях поддержка советской авиации, артиллерии и танков открывала путь атакам наших рот, батальонов и полков.

И вот однажды ночью, около Клужа, в самом сердце еще не до конца освобожденного Ардяла, я обнял первого советского воина — лейтенанта Мишу Назарова. Но мы не чокнулись флягами с цуйкой или водкой, не говорили друг другу комплиментов, не произносили речей. Мы сидели в воронке, полной воды, дождь лил как из ведра, вокруг плясали разрывы артиллерийских снарядов. И мы оба ругались, проклиная каждый на своем языке тяжелое положение, в которое попали.

Решили атаковать в ту же ночь. Доложили об этом по телефону своим командирам. Сначала я по-румынски нашему командиру, который коротко ответил:

«Хорошо, младший лейтенант». Потом Миша по-русски — своему.

«Хорошо, товарищ лейтенант», — ответили и ему.

И с тех пор наша дружба перестала быть чем-то абстрактным. Она стала реальностью, она была здесь, в этой траншее, где мы воевали рядом, плечом к плечу, и наши мысли, и наши сердца были вместе.

С тех пор, с конца сентября 1944 года и до Дня Победы, Миша Назаров и его товарищи всюду были с нами.

Мы больше не завидовали тем, кто разрабатывал в штабе совместные операции; мы на деле знали, что такое взаимодействие советских и румынских войск.

Здесь, у себя в траншее, где пули свистели над головой, мы чувствовали его сердцем. Стиснув зубы, мы вместе с русскими парнями везли хоронить младшего лейтенанта Кожехару и младшего лейтенанта Ивана Ализаренко; а потом после боя на высоте 808 мы

обнимались с Костей Сафроновым и удивлялись, как громко стучат наши сердца.

С Костей Сафроновым я познакомился в боях под Будапештом. Мы встречали вместе Новый год. В новогоднюю ночь мы пробрались в узенькую улочку позади театра. Румынский сержант с косами, вьющимися по плечам, санитарка-доброволец Елена Кирица, подарила Косте Сафронову подснежник, выросший в саду театра.

Через несколько дней они оба погибли в бою на проспекте Хунгария.

Когда расцветают подснежники, я втыкаю в петлицу маленький букетик в память о дружбе между румынским сержантом Еленой Кирица и советским старшиной Костей Сафроновым.

Я написал эту книгу и в их память.

Каждый раз, когда приближается празднование Дня Победы, меня со всех сторон обступают воспоминания.

Я склоняюсь над моим фронтовым дневником, перелистываю страницы, а со двора доносится звонкий голос трехлетнего сынишки: «Папа-а, папа-а!»

Да, мой дорогой, я слышу тебя. Я слышу тебя и всех тех, кто родился в эту солнечную эпоху, кто не видел пуль и смерти, траншей и казематов. Мой родной, ты еще не знаешь, что пережили мы. В саду, в котором ты сейчас играешь с плюшевым медвежонком, много лет назад, 24 августа 1944 года, гитлеровские бомбы, сброшенные с самолета, разорвали в клочки маленькую девочку. В воронке остались только сандаляк и нога куклы.

Многие советские и румынские воины отдали жизнь за победу над гитлеровским зверем.

Мы победили. Принося огромные жертвы, с безграничной отвагой, мы шли по зову партии, на жизнь и на смерть породнившись с советскими бойцами.

Вот почему, когда приближается великий праздник Дня Победы, меня со всех сторон обступают воспоминания.

Я склоняюсь над своим фронтовым дневником, мысленно разговариваю с Мишей Назаровым, Ваней Карташевым и многими другими друзьями. А в это время мой еще ничего не ведающий сынишка играет в саду с плюшевым медвежонком.

Дорогой мой, играй спокойно! Пусть спокойно играют все дети!

Мы бережем вашу счастливую жизнь и свято храним память о тех, кто остался там, на полях сражений, для того, чтобы все дети на земле могли играть спокойно.

Траян Уба.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Передо мной — новая карта Европы. Я смотрю на дорогу, которая идет от Бухареста в Брно, а оттуда в Прагу; она проходит по долине реки Прахова, переваливает через Карпаты, пересекает реки Муреш и Тырнаву, Крит и Тиссу, Дунай у Будапешта и Вены и снова ползет в горы — Татры.

Какая длинная дорога! Больше двух тысяч километров! Чтобы проделать этот путь на поезде, пришлось бы потратить несколько дней и ночей. А сколько нужно времени, чтобы пройти его в зной и холод пешком с винтовкой и ранцем за плечами, то шагая по пыли и снегу, то карабкаясь по крутым склонам гор, то преодолевая впласть бурные реки!

Мы прошли эту дорогу за восемь месяцев и семнадцать дней — с 23 августа 1944 по 9 мая 1945 года.

В пути останавливались редко. Только когда фашисты сопротивлялись особенно упорно. Два-три дня ожесточенных боев — и мы выбивали противника из траншей, тесня его все дальше на запад, туда, откуда он пришел.

Это был наш путь к победе!

Но не всем удалось пройти его до конца. Могилы вдоль дороги — вечное напоминание о Великой Битве против фашизма.

В пятнадцати румынских дивизиях не было ни одной роты, ни одного взвода, которые

не заплатили бы кровью за победу над врагом.

В Бэнясе погиб капрал Роман; в Илиенях, у города Сфынтул-Георге, на кладбище Героев среди сотен пандуров¹, рядом с лейтенантами Буртикала и Айленей, похоронен сержант Епуре Георге; в Оарбе де Муреш — могила капитана Панаита, в Ораде — полковника Бузояну и советского майора Щербы. В Будапеште сложил голову старший сержант Айоаней, в Татрах — ефрейтор Станку, в Дол Пиале — лейтенанты-танкисты Георге и Василаке, в Брно — ефрейтор Бужор, он погиб накануне победы. Я знал этих людей. Мы шли к победе вместе, по-братски деля табак, радость и горе.

Рядом с ними заснули вечным сном тысячи других героев, отдавших, как и они, самое дорогое — Жизнь, за то, чтобы наша Родина стала свободной!

Шли годы... На месте руин выросли новые города, прекраснее прежних. Тракторы перепахали поля сражений. Только воспоминания остались нетронутыми и останутся такими в наших сердцах и мыслях навсегда.

И если ты, читатель, встретишь у дороги крест над могилой и увидишь высеченное на камне имя героя, остановись и склони голову. Подумай о том, кто лежит в этой могиле, он отдал жизнь за свободу, солнце, цветы, горы и реки родного края. Он завещал все это тебе, человек!

I. В КВАРТАЛЕ ДЖУЛЕШТИ

1944 год!... Весна пришла в Бухарест раньше, чем обычно. И в чистом воздухе парка Чишмиджиу, и в букетиках подснежников, которые продавали за несколько лей смуглые цветочницы, и в глазах школьниц — во всем чувствовалось ее дыхание.

Для солдат 101-й зенитной батареи весна началась в конце марта. Именно тогда зацвели абрикосы в саду Кулицэ Лэптару. Да, вы еще не знаете, кто такой Лэптару! Бывший пастух, Лэптару добился чести быть одним из поставщиков молока² королевскому двору. Карьера его началась еще в Первую мировую войну, когда в декабре 1916 года войска Макензена заняли Бухарест, а в небе над городом впервые появился немецкий «цеппелин», вызвавший среди жителей страшную панику. Многие бежали. Удрал и Кулицэ, прихватив с собой все стадо села Рошу, которое он пас в окрестностях Бухареста. Никто не знает, чем он занимался всю войну, но после войны Лэптару стал большим человеком. Он скупил землю между улицами Табла Буций и Ательереле ной, построил кирпичный завод с тридцатиметровой трубой и прекрасный особняк. Людям сначала было невдомек, откуда взялось все это богатство, но потом стало известно, что Лэптару крупный спекулянт, с которым считаются даже министры. Владения его все время расширялись, увеличивались стада коров, все больше чабанов, доярок, конюхов, кирпичников работали на его земле, и все больше слуг обслуживали его персону и особняк в Джулештях.

После смерти Лэптару его дочь и наследница мамзель Джика благодаря своему приданому смогла выйти замуж за молодого лейтенанта Моцяну. Его ожидала блестящая карьера. В 1943 году полковник Моцяну вышел в отставку, решив посвятить себя политике. Для начала он стал префектом в Кэлэраши, а затем заместителем министра национальной экономики. Щедрый человек был Моцяну! Проезжая по улицам Джулешти в министерской машине, он не жалел улыбок для каждого встречного. А вечером он не жалел денег на приемы в честь... Ну, конечно, не каждого встречного, а министра или атташе. А награда — всего-навсего маленькая закорючка, подпись, разрешавшая невинную сделку щедрого

¹ Пандуры — солдаты и офицеры румынской добровольческой дивизии имени Тудора Владимиреску, сформированной во время Второй мировой войны на территории Советского Союза по инициативе румынских патриотов. — Прим. ред.

² Лэптару — по-русски молочник.

хозяина, после которой на его счету в банке появлялись новые миллионы.

Госпожа Джика, которой уже было за сорок, брала уроки немецкого языка и музыки. Но какого труда ей это стоило! Она еще помнила запах обожженного кирпича и коровников и больше разбиралась в приготовлении сметаны, чем в нотах. Но теперь молочные фермы были в запустении, завод остановлен, рабочие выброшены на улицу. Господин полковник уже не нуждался в скудном доходе от кирпичного завода и молочного хозяйства. «Завод может принести прибыль позже, — говорил он. — Сейчас же, во время войны, кирпич совершенно не ценится и на него нет спроса».

Это было действительно так. Только зенитчики, расположившиеся во владениях Лэптару, брали иногда одну-две тачки кирпича, чтобы выложить переходы между бараками, утонувшими в грязи.

Когда батарея прибыла в Джулешти и зенитчики стали устанавливать свои орудия рядом с домом Лэптару, госпожа Джика страшно рассердилась. Как посмел военный министр нарушить неприкосновенность ее владений, послать сюда этих мужиков с пушками! Но господин Моцяну решил, что и из этого малоприятного обстоятельства можно извлечь выгоду. Он пригласил на обед командира батареи.

В полночь младший лейтенант Сасу вернулся пьяный и поднял батарею по тревоге.

— Ну, — сказал он солдатам, с трудом выговаривая слова, — нам здорово повезло. Мы будем охранять заместителя министра, а он уж позаботится о нас. Он приятель маршала Антонеску. Так вот: с завтрашнего дня ежедневно высылать наряд для работы на кухне у жены господина Моцяну. Понятно?

Итак, солдаты встретили весну, копая грядки в саду у Лэптару. Вскоре на грядках появились лук, чеснок, шпинат и редиска. Овощи первого урожая корзинами грузили на машины. В каждой корзине лежала визитная карточка, старательно написанная младшим лейтенантом или госпожой министершей: «Барону фон Киллингеру»³, «Почетному члену благотворительного общества госпоже Марии Антонеску», «Госпоже Н. Малакса»⁴ и т.д.

По вечерам же младший лейтенант надевал парадную форму и направлялся в особняк. Дежурное отделение тем временем приносило на батарею несколько корзинок с зеленью.

Иногда эту мирную жизнь нарушали воздушные тревоги. Сотни прожекторов бороздили звездное небо. Зенитчики вели огонь по самолетам, попадавшим в лучи прожекторов. Потом наступал отбой. Орудия замолкали и становились похожими на застывших в неподвижной позе жирафов.

Уходил в депо последний трамвай, и глубокое, тягостное молчание опускалось на город. Только время от времени в ночной тишине раздавались тяжелые вздохи паровоза: это шел на Восточный фронт эшелон с людьми и снарядами.

Иногда среди ночи на улице появлялась машина сигуранцы⁵. Она останавливалась у какой-либо бедной лачуги, заселенной рабочими-железнодорожниками. Агенты хватали и увозили мужчин, женщин, стариков, юношей. Лаяли разбуженные собаки, крестились перепуганные соседи. Они были бессильны что-либо сделать. Слухи об арестах доходили и до батареи.

— Так и надо этой большевистской сволочи, — рычал младший лейтенант Сасу. И, грозя кому-то револьвером, добавлял: — Попался бы мне в руки какой-нибудь коммунист, я бы ему показал!

Однажды весенний воздух прорезал резкий, тревожный вой сотен сирен. Из дивизиона вызвали к телефону командира батареи. Священной, посланный за младшим лейтенантом,

³ Посол фашистской Германии в Бухаресте. — Прим. ред.

⁴ Крупный румынский фабрикант. — Прим. ред.

⁵ Охранное отделение в капиталистической Румынии. — Прим. ред.

застал его в довольно живописной позе: после очередной пьянки Сасу лежал на кровати с женщиной, обхватившей его руками за шею. В комнате стоял тяжелый спертый воздух, пропитанный табачным дымом и винными парами.

В этот день сирены выли уже второй раз: несколькими часами раньше была объявлена учебная тревога.

Жители квартала привыкли к подобным тревогам; они спокойно шли по улицам и не думали прятаться в убежища. Рабочие Трияжа и Гривицы, как обычно, отправились на поле Кулицэ Лэптару.

Испугавшаяся было вначале госпожа Джика, услышав, что тревога опять учебная, успокоилась и принялась с завидным усердием распекать своих слуг. Город жил обычной жизнью. Из трактира Вишана доносились звуки цыганского романса.

Солдаты снимали с орудий чехлы, проверяли работу механизмов, подносили снаряды. Командир орудия — капрал Роман осматривал ствол, проверял наводку и пересчитывал снаряды.

Вчера вечером Роман был в увольнении. Он жил в Бэнясе, и младший лейтенант, если бывал в хорошем настроении, отпускал его раз в неделю к жене. Роман возвращался из дому угрюмым и молчаливым, все валялось у него из рук. Правда, уже на другой день обязанности командира орудия отвлекали его от тяжелых дум, он снова делался добрым, веселым, глаза его загорались, и морщины на лбу разглаживались.

Однажды ефрейтор Тудор спросил Романа, почему он всегда возвращается из дому таким грустным. Капрал пристально посмотрел на него и ответил со злостью:

— Потому что нельзя больше так жить, понимаешь? Мария с утра до ночи работает в прислугах, гнет спину на хозяина, ее отцу урезали пенсию. Денег не хватает даже на хлеб. А в подвале у госпожи Джики лежат ящики шоколада и шампанского. Разве это справедливо?

Тудор не успел ответить. К орудию Романа подбежал запыхавшийся телефонист Лука, цыган из Буфти.

— Братцы, где младший лейтенант, вы его разбудили?

— Конечно, разбудили, но он небось никак с девицей расстаться не может. Да что мы не проводили учебных тревог без него?

— Черт возьми, по-моему, на этот раз тревога настоящая. Из дивизиона сообщили, что над Крайовой прошла волна самолетов. Говорят, они летят сюда...

Наконец появился младший лейтенант. Услышав тревожный разговор солдат, он повернулся и пошел в барак, к телефону.

«Что, если правда?... Если это действительно американские бомбардировщики?! Тогда шутки плохи». Мурашки поползли по спине Тудора. Он слышал, что американские самолеты натворили дел в Будапеште, Белграде и Софии.

Из барака вышел младший лейтенант, белый как мел. Он посмотрел вокруг невидящими глазами и бросился к дому Лэптару.

Телефонист Лука хотел его спросить о чем-то, но не успел. Крестясь и шепча: «Святая Мадонна, смилуйся над женой и мальчишкой, внуши им, что они должны убежать в поле...», Лука вошел в помещение телефонной станции.

Роман закусил губу и огляделся. Отсюда, сверху, с площадок орудий, были хорошо видны Китила, Могошоая и Бэняса. За многоэтажными домами в центре города виднелось несколько наиболее высоких зданий: центральная телефонная станция, здание управления железных дорог, военная академия...

Солнце, необычайно жаркое для начала апреля, спокойно совершало свой путь в бескрайней синеве. По небу плыла стая аистов, взмахивая крыльями, как веслами; на телефонных проводах расположилась компания веселых ласточек.

На улице, как раз против батареи, замер без движения трамвай. Здесь же столпились гимназисты возле девушки с перекинутыми за спину косами. Еще вчера девушка была гимназисткой, сдавала экзамены, переживала, а сегодня все страхи и волнения остались позади: ее включили в списки окончивших гимназию.

— Куда же ты теперь хочешь поступить, Иляна? — спрашивал один из гимназистов.

— Не знаю, я еще об этом не думала. Мне нравится медицина, но я слышала, что место в институт продается за сто тысяч лей, а то и дороже. А потом если я и начну учиться, то не смогу купить ни одного учебника. Ведь мама своей метлой много не зарабатывает. А ведь и за лекции надо платить.

Тудор хорошо знал Иляну Врабие. Они выросли в Джулештях, не раз вместе лазили за гнездами краснохвостки, бродили летними вечерами вдоль железнодорожного полотна, считая вагоны скорых поездов, которые стрелой летели к Китиле. Учился Тудор плохо. Да и что толку было стараться? Все равно, когда он окончил четыре класса гимназии, отец сказал ему, что учиться в гимназии ему больше не придется, а экзамены он может сдать экстерном. Отец работал плотником, и его заработка не хватало даже на еду. Тудор поступил на кирпичный завод Лэптару за пятьсот лей. Иляна в то время перешла в третий класс, и они вместе сидели вечерами над книгами. Их никто не тревожил: мать Иляны работала ночной уборщицей вагонов. Иляна жила на улице Фрасин, в доме, который сдавала госпожа Джика. Тудор тоже снимал комнату в одном из ее домов. Человек предприимчивый, Лэптару построил множество лачуг, в которых ютились такие же, как они, бедняки.

Когда Тудору исполнилось девятнадцать лет и он готовился сдать экзамены за седьмой класс, его призвали в армию. Учеба была прервана, потеряны три года. А Иляна уже сдала на звание бакалавра. И надо же было случиться, что батарея, в которой служил Тудор, была направлена как раз сюда, в Джулешти, где он родился, где прошло его детство, где он впервые почувствовал трепет от прикосновения руки девушки. Этой девушкой была Иляна. Стоя у орудия, он слышал, как она оживленно рассказывала о последних экзаменах, и с нетерпением ждал вечера, когда он сможет с ней встретиться, принести ей пучок свежей редиски с огородов Лэптару и поздравить с успешным окончанием гимназии.

Лука вышел из барака еще более взволнованный. Приставив ладонь к глазам, он долго смотрел в небо.

Роман тихонько окликнул его:

— Что нового, Лука?

— Они уже прошли Питешти, господин капрал. Сейчас, наверное, будет жарко. Вот-вот сообщат. Если они пролетят над Титу, то будут здесь. Если же пройдут над Тырговиште, значит, мы спасены: они полетят на Плоешти.

Он вытер пот со лба и добавил сокрушенно:

— А господин младший лейтенант все не идет. Дивизион требует, чтобы он доложил, сколько у нас снарядов.

— Так доложи сам, чудак. Подсчитай. Двести снарядов на орудие помножить на три. Итого шестьсот, — посоветовал Роман, наблюдая за небом.

Из дома Лэптару показался младший лейтенант Сасу. Он нервно пощелкивал суставами пальцев. Отозвав Тудора, Сасу приказал ему немедленно проводить мамзель Лили из его комнаты на улицу Ательереле ной.

— Извинись за меня и скажи, что я не могу проводить ее сам. Пусть уходит как можно скорее, скоро начнется бомбежка. Проводи ее тихонько, чтобы госпожа министерша ничего не заметила; она страшно сердится. Понять не могу, откуда, черт подери, она все узнает...

Вдруг издалека, с линии окружной железной дороги, послышались залпы крупнокалиберных зенитных орудий.

— Ну ее к чертям, беги к орудию, — передумал офицер и рывкнул на всю батарею: — По местам!

Словно притянутые магнитом, стволы мгновенно повернулись в направлении Китилы.

Телефонист Лука снова показался на пороге и доложил на этот раз спокойным четким голосом:

— Господин младший лейтенант, с КП дивизиона сообщают: «Самолеты идут на высоте четырех тысяч метров, батарее огонь вести самостоятельно!»

Офицер кивнул и быстро вбежал по ступенькам на площадку первого орудия. Расчеты

второго и третьего орудий напряженно смотрели вдаль.

Вдруг гулко задрожала земля.

— К бою! — рывкнул Сасу.

Вдали поднялось огромное облако дыма. Тудор сразу же понял, что это могло быть: пробуют поставить дымовую завесу над городом.

Взрывы раздавались все ближе и ближе. Тудор посмотрел в бинокль и замер от ужаса: рушились, как игрушечные, многоэтажные здания, валились тополя и клены, фонтаны земли и пыли поднимались в воздух. И этот страшный смерч шел от Китилы к ним. Только теперь он понял всю трагедию происходящего. Огромное облако дыма подымалось все выше и выше, оно разрасталось на несколько километров вправо и влево от железнодорожной линии между Китилой и Северным вокзалом. Бомбы сокрушали все: дома, вагоны, с корнем выворачивали деревья. Казалось, наступил конец света. Как сквозь сон, донесся до него голос дальномерщика сержанта Илиуца:

— Курс 280! Дальность 8000... 7500... 7000... 6500...

В небе появились едва заметные точки. Летели бомбардировщики. Они казались серебряными рыбами, плывущими по морю к устью Дуная, чтобы метать там икру. Только «икра» этих рыб весила тонны и несла с собой смерть. Самолеты были видны уже отчетливо, и теперь они стали похожи на прожорливых акул, вышедших на охоту.

Смерть надвигалась с головокружительной быстротой. Самолеты шли на высоте 4500 метров...

— Батарея! Огонь!...

Капрал Роман поднял руку. Наводчик ефрейтор Айленей нажал на педаль. Из ствола вылетел снаряд, потом еще и еще. Тудор посылал их один за другим в ненасытное чрево орудия.

Вдруг небо озарило ослепительное пламя. Сначала был сбит один бомбардировщик, потом другой, вспыхнув, как факел, стал быстро падать за Могошоайей. От горящего самолета отделилось несколько белых зонтиков. Экипаж спасался на парашютах.

Что случилось потом, Тудор плохо помнит. Его будто схватил кто-то за горло и сбросил с площадки. Он пролетел несколько метров, чувствуя тяжелый отвратительный запах серы. В ушах стоял пронзительный свистящий звук. Сейчас он разобьется о землю. Тудор инстинктивно вытянул руки, поджал под себя ноги — совсем как во время прыжка с трамплина в воду. И он действительно упал в воду. Почувствовал резкую боль в плече. «Может, я умер и прибыл на тот свет? Откуда взялась река, ведь я только что был у орудия? Ах да, над нами прошел ливень из сотен бомб по пятьсот килограммов каждая. Уж, конечно, ни от меня, ни от моего орудия ничего не осталось. Прощай, Ильяна! Так и не успел я поздравить тебя с окончанием гимназии. И свежей редиски ты сегодня не получишь. Прощай!...» Вода в горле, в носу, в ушах. Он тонет! Тудор взмахнул руками, вздохнул полной грудью и поплыл к ближайшему берегу. Теперь он все понял. Взрывной волной его отбросило в одну из ям в песчаном карьере, где Лэптару разводил рыб. В том самом песчаном карьере, откуда десятки лет добывали песок для кирпичного завода. Тудор плакал и смеялся от радости: он жив, жив! Он плыл к берегу, к батарее. Но батареи больше не было! Исчезли бараки. На их месте валялись обломки пианино, разбитый бочонок, из которого струйкой лилось красное, как кровь, вино. Невдалеке лежал отброшенный взрывом трамвайный вагон. Вокруг — кучи мусора и щебня. Дом госпожи Джики рассыпался, будто был сделан из песка; трактир Вишана пылал, второе орудие вместе с лафетом отбросило далеко в сторону. Остальные два, накренившись набок, все так же смотрели в небо, затянутое дымом взрывов.

Остался только тополь у ворот, да и то вершина его срезана осколками снарядов, а листья сожжены. Трамвайные столбы вместе с проводами выворочены, отброшены в сторону, изломанные рельсы перемешались с песком, землей и обломками вагонов. На улице, у разрушенных зданий, лежат трупы женщин, стариков и детей.

Стрелки уличных часов застыли, показывая 14.30.

Дальномерщик Илиуц, телефонист Лука и капрал Роман перевязывали раненых. Солдаты молча озирались, стараясь понять, что же произошло.

Через несколько часов, под вечер, была проведена переключка батареи. Из семидесяти артиллеристов в строю осталось лишь сорок. Двадцать были ранены и отправлены в госпиталь, а десять погибших уложены в ряд на перепаханном бомбами поле. Всю вторую половину дня до позднего вечера оставшиеся в живых собирали трупы в поле, на улицах, во дворах и домах. Пять автомашин батареи, чудом уцелевшие от бомбежки (шоферы укрыли их в одном из заброшенных карьеров), увозили погибших домой. А неопознанных — их было несколько сотен — похоронили в общей братской могиле на кладбище около стадиона Джулешти.

На следующий же день перепуганная насмерть госпожа Джика и господин Моцяну погрузили остатки своего имущества на четыре грузовика, принадлежащих батарее, и уехали подальше от города. С тех пор никто их больше не видел. Сасу не знал, куда себя деть от досады. Вечерами он сидел на груде развалин, жадно затягиваясь сигареткой.

Иляну Тудор отыскал с трудом только на третий день в госпитале Витинг. У нее был нервный шок. Во время бомбежки она побежала через весь город на станцию Гривица-товарная, где работала ее мать. Старушка укрылась в убежище. Дом Иляны, как и большинство домов квартала, был разрушен. Тудор не сказал ей об этом, но Ияна догадалась сама. Он гладил ее золотистые волосы, милое лицо с веснушками. В одной руке она сжимала измятый клочок бумаги: это было свидетельство о том, что гимназистка Врание получила звание бакалавра со средним баллом 9,00.

Пустынно стало в Джулештях. Даже кошки и собаки и те пропали. Только псы Лэптару — Корбя и Азор — остались верны своему дому, они тоскливо выли каждую ночь, не понимая, откуда пришло такое несчастье.

Снова были установлены на позиции орудия батареи. Вместо разрушенной бомбежкой колокольни ориентиром стала служить труба кирпичного завода.

Личный состав батареи пополнился новобранцами. Во второе орудие пришел солдат Безня. На старых солдат он смотрел с восхищением: это они сбили четырехмоторную «акулу» и прошли сквозь ад 4 апреля.

Капрал Роман похлопал его по-дружески по плечу и, улыбаясь, тихо сказал:

— Ничего, солдат, скоро все переменится! Вот увидишь, скоро что-то произойдет! И тогда среди этих развалин мы посеем семена новой жизни. Загорится еще наша звездочка. Как та, про которую в песне поется, — И он негромким, но чистым голосом запел:

Любимая всем сердцем
Звезда, душа родная...

II. ИЗ ЗАПИСОК ЕФРЕЙТОРА ТУДОРА

Дни тянутся мучительно медленно. Беспокойные мысли, непрерывные бомбежки. Трое суток американцы не давали нам покоя. 5, 6 и 7 мая Бухарест пылал, как факел. Бомбы сожгли Трияж, Гривицу, Крынгаш и Реджию. Взрывы разворотили могилы. Трупы гниют прямо под открытым небом. Мы ходим, завязав носы тряпками, смоченными в лаванде. Спим теперь в палатках. Водонапорная башня не работает. На наше счастье, в двух километрах от батареи есть колодцы. Носим воду в брезентовых ведрах. Кажется, о нас забыли. Продовольствием никто не снабжает. Целый месяц питаемся дохлятиной. После каждой бомбежки находим в поле трупы убитых коров и лошадей. Овощей у нас вдоволь. На огороде Лэптару уже зацвела картошка. Когда запасы мяса кончились, стали снабжаться за счет прудов и озер. Сержант Наста смастерил вершу. Он вылавливает каждый день по десять — пятнадцать килограммов окуней. Повар ранен. Готовит нам Ияна. Питается она вместе с

нами. А по вечерам относит своей матери котелок жареной рыбы и кусок мамалыги.

Иляна осталась со своей матерью в городе. Мать по-прежнему работает на железной дороге. Большинство министерств, госпиталей, школ и других учреждений успели эвакуироваться в Бэрэган, Банат и Ардял. Но сейчас железнодорожное сообщение с Северного вокзала прервано. Тысячи людей, оставшихся без крова, уходят под вечер за город, в поле, таща на спине подушки и одеяла. Там они ночуют. Другие бесконечной вереницей с чемоданами, узлами, с детскими колясками тянутся по направлению к Китиле. Оттуда уходят два поезда в день, но куда идут эти поезда — никто не знает.

Отец эвакуировался с Бухарестским авиазаводом в Блаж. Туда же уехала и мама. Я о них ничего не знаю. Почта не работает.

Вечерами Иляна как настоящая хозяйка составляет меню на следующий день.

Продуктов не хватает. Вот уже целый месяц мы пьем по утрам горький отвар из жженого ячменя. О хлебе и не мечтаем. Как-то солдаты нашли среди разрушенных бомбами вагонов в Трияже несколько мешков кукурузной муки. Это нас поддержало некоторое время.

Младший лейтенант Сасу нашел в подвале господина министра около сотни бутылок шампанского и перетащил их к себе в комнату. Однажды вечером, когда Сасу, как всегда, был вдребезги пьян, Роман привел в палатку какого-то человека. Вместо одной ноги у него был протез. Роман представил его как своего двоюродного брата. Человек уселся посреди палатки и сочувственно произнес:

— Плохи ваши дела, братцы, а?

Что тут скажешь? Мы и сами знали, что дела наши действительно неважные.

— Видите, у меня нет ноги. Я потерял ее три года назад, в Одессе. Чего нам там было нужно — не знаю. Одесса опять у русских. А сколько наших молодых парней погибло неизвестно за что! Их трупами усеян путь от самой Волги.

Иляна тоже зашла в палатку. Она уселась рядом со мной и смотрела на меня так, будто мы не виделись бог знает сколько времени.

До глубокой ночи брат Романа рассказывал нам, что ему пришлось пережить на Восточном фронте. Немцы бросили его, раненного, на поле боя — они подбирали только своих. Он потерял много крови, когда его спас один из наших. Два года он провалялся по госпиталям. Потом его выписали с деревяшкой вместо ноги.

Перед нашими глазами вставали события гораздо страшнее и трагичнее, чем те, что мы пережили здесь, в Джулештях, на батарее. А пришелец все говорил и говорил... Глаза его горели, как угли, слова хлестали и жгли.

«...А когда я вернулся домой, что дали мне господа? Возможность просить милостыню. Они мне повесили на грудь железки, чтобы я их носил и гордился, но разве ими будешь сыт! Вот мы едим дохлятину, а у немцев в двух шагах от нас целые склады продовольствия. У них сотни вагонов сахара, миллионы банок консервов, и все это наше, румынское. Дали им это не вы и не я, а антонески и моцяны, которые нажили миллионы. А откуда они все это взяли? Украли, украли то, что заработано нашим горбом. Они продали страну, они продали горы и реки, но нас, братья, продать нельзя. И теперь, черт возьми, они нам ответят за все. Недолго еще им удастся обманывать нас...»

Я перестал что-либо понимать. Так, значит, все, что нам вдалбливали в головы, неправда? Погибшие герои, выходит, вовсе не герои? А по радио нам все время кричат о доблести, о героизме, о гении маршала Антонеску, о мудром короле — «первом солдате страны», об отечестве и румынской нации... За что же мы страдаем, умираем, во имя чего воюем?

Гость встал. Роман хотел дать ему кусок мамалыги и котелок похлебки, но он отказался:

— Вам и так не хватает... А вскоре понадобятся все ваши силы, чтобы разбить врага.

И, волоча ногу, он вышел вместе с Романом. Иляна тоже встала и пошла за ними, даже не попрощавшись со мной. Я увидел в щель палатки, как она взяла капрала за руку и все трое скрылись во тьме.

Будто змея ужалила меня в сердце. Ведь меня она никогда не брала за руку. А я так часто мечтал об этом! Я не сомкнул глаз всю ночь. Я ждал Романа, но он не вернулся. Мне казалось, я вижу, как Роман сжимает ее в своих объятиях, целует, ласкает... Я гнал от себя эти ревнивые мысли, но они упрямо лезли мне в голову.

Да, брат Романа был прав. Кругом ложь. Меня обманывает Антонеску, мне лжет радио, газеты, песни, теперь меня обманывает и Иляна. Иляна! Но разве она меня обманула? Ведь мы с ней только друзья детства. Я никогда не осмеливался даже намекнуть ей о своем чувстве. Правда, я посвящал ей стихи, но о них не знает никто, кроме меня.

Роман вернулся незадолго до подъема. Вид у него был усталый, под глазами легли темные круги. Он молча вошел в палатку, снял ремень с пистолетом, взял зеркало, мыло, бритву, вышел, посвистывая, сел около орудия и стал бриться. Я наблюдал за ним исподтишка. Что же в нем нашла Иляна? Подумать только, они пробыли вдвоем до утра! Как она могла терпеть его колючую бороду? Наивная, юная школьница и женатый солдат! А может быть, она и не знает, что у Романа есть жена?

На следующий день Иляна не пришла. Обед показался мне горьким. К картофельной похлебке я даже не притронулся.

Иляна не пришла и на третий, и на четвертый день.

Сасу спросил нас, что с ней случилось. Роман ответил, что она поступила работать на железную дорогу.

— Жаль, — усмехнулся Сасу. — Лучше бы я ей сам платил. Она могла бы пригодиться не только для кухни... Миленькая девчонка... — И Сасу разочарованно прищелкнул языком, будто речь шла о бутылке хорошего вина. Мне хотелось дать ему по морде: как он смеет говорить так об Иляне!

Роман уходил теперь каждый вечер после отбоя и возвращался перед самым подъемом. Все думали, что его отпускают ночевать домой к жене в Бэнясу. Он уходил в девять вечера и возвращался в пять утра. По крайней мере два часа капрал должен бы тратить на дорогу до дому: ведь трамваи ходили только в центре, да и то редко. «Из восьми часов он четыре — в дороге; счастливая жена у Романа», — рассуждали ребята. Капрал спал после обеда часа по три. В это время младшему лейтенанту было не до батареи — к нему приходила его постоянная гостья — мамзель Лили. О ночных похождениях Романа Сасу ничего не было известно. И только я один знал, что Роман не всегда ходит домой.

Однажды ночью, когда капрал ушел с батареи, я пробрался через сад к полотну железной дороги, а потом повернул на улицу Фрасин. Роман был уже там и стоял против дома, где жила теперь Иляна. Я спрятался за большой акацией. Роман ходил как ни в чем не бывало и посвистывал. Вскоре появилась Иляна. Они огляделись по сторонам и пошли рядом в сторону железнодорожных мастерских.

Наконец я увидел их вместе своими собственными глазами. Теперь мне все стало ясно.

Я повернул назад, к батарее. Колени дрожали, ноги заплетались, как у пьяного, в ушах звенело.

На душе было нестерпимо тяжело. «Да, все лгут: и Антонеску, и радио, и Иляна!... Но тогда где же правда? И что такое правда на этом свете? Правда только то, что мы глупцы, всю жизнь пресмыкаемся и гибнем, сами не зная за что...»

— Стой, кто идет?

От неожиданности я вздрогнул. Я шел по тропинке и наткнулся прямо на часового. Узнав меня, он быстро зашептал:

— Давай беги скорей — поверка идет. Десять минут назад объявили тревогу.

Я сразу пришел в себя и, прокравшись мимо палаток, успел встать в строй как раз в тот момент, когда младший лейтенант Сасу отдавал рапорт майору Фронеску, командиру дивизиона.

Но майор заметил меня, вызвал из строя и сделал замечание младшему лейтенанту за отсутствие дисциплины во время тревоги. Фронеску пригрозил Сасу даже арестом за то, что он не умеет держать в руках своих подчиненных.

— Где ты был, сукин сын? — набросился на меня майор Фронеску.

— Я, я... я... я ходил по нужде, господин майор.

— И не слышал сигнала тревоги?

— Слышал... но... но мне было очень нужно...

— Нужно? И ты думаешь, вражеские самолеты станут тебя дожидаться? Марш на место, болван!

Я повернулся, чтобы встать в строй. В этот момент майор пнул меня сапогом с такой силой, что мне показалось, будто он переломил мне позвоночник. От боли у меня потемнело в глазах. Мне захотелось схватить винтовку и разрядить ее в голову этого негодяя. Я уже год прослужил в армии, но такое со мной было впервые. До меня, как из другого мира, доносились слова майора, который перешел теперь к восхвалению короля и маршала.

— ...И знайте, ребята, что только с верой в Бога и в короля мы сможем побить большевиков. В этом Господне испытание нашей веры. Большевики снова у нашей границы. Но милостивый Бог нас не оставит. Он послал нам на землю своего апостола — истинного румына — господина маршала Антонеску...

А мне невольно пришли на память слова человека, которого приводил к нам Роман: «Ложь... кругом ложь... Но долго они нас не смогут обманывать, правда скоро восторжествует!»

В первую же ночь после этого смотра Сасу пять раз поднимал нас по тревоге. Он словно помешался. До сих пор мы считали его просто пьяницей и бабником, а он оказался еще и настоящим зверем. С пеной у рта он кидался на нас, кричал, ругался, грозил пистолетом. «Сволочи, мерзавцы, скоты, чтобы я из-за вас испортил свою карьеру? Ну, подождите, я вам покажу!»

После каждой тревоги он оставлял нас в покое лишь на полчаса. Мы раздевались, вытягивались на своих матрацах, но едва закрывали глаза, как снова объявлялась тревога.

Успокоился он только к пяти часам. Как раз в это время и вернулся капрал Роман.

Вот тут-то все и узнали, что Романа никто не отпускал в увольнение. Все эти вечера капрал отлучался самовольно. Теперь все раскрылось. Офицер жестоко избил Романа. Из щели палатки мы видели, как

Сасу топтал его ногами, бил хлыстом по голове, по глазам, по рукам. Роман молчал. Он принимал удары спокойно, не защищаясь.

В палатку он вернулся чуть живой. Никто не проронил ни слова. Только скрежет зубов выдавал глубокую ненависть к тому, кто мог безнаказанно избивать нас до полусмерти.

Я как-то сразу забыл, что Роман и Ияна больно ранили мое сердце. Я подошел к нему, протянул сигарету, и мы молча закурили. Вскоре выглянуло солнце. Все спали. Я почувствовал, что меня что-то сблизило с Романом. Скорее всего то, что нас обоих жестоко унизили. Мы вышли из палатки.

— Знаешь, и меня избил майор... — И я рассказал ему все по порядку: как выслеживал его на улице Фрасин, как страдал из-за Ияны, как опоздал в строй.

Роман улыбнулся. Он испытующе посмотрел на меня.

— А почему ты в первый же вечер не выдал меня младшему лейтенанту?

— Что ты, я об этом даже не думал. Мне хотелось только узнать правду. Слишком уж много лжи вокруг нас. И знаешь, твой двоюродный брат, которого ты как-то вечером приводил сюда, во многом прав.

Роман внимательно слушал меня, и на его распухшем, с синими подтеками лице появилась улыбка.

— Да, мой двоюродный брат прав. Многие нашли там, на фронте, правду.

— Но в чем же она, эта правда?

— Она в каждом из нас: в тебе, во мне. Я ее нашел. Мне помог мой брат.

— Я тоже хочу знать правду. Кругом ложь, и мне тошно от нее.

— Боюсь, что ты все равно будешь сомневаться.

— Почему?

— Но ты же усомнился во мне и Иляне.

— Разве вы с Иляной не любите друг друга?

— Нет, любим. Мы люди, знающие правду, не можем не любить друг друга. Именно в этом наша сила, понимаешь?

— Ничего не понимаю. Ты мне ответь прямо: любите вы друг друга или нет?

— Да, любим, но не так, как ты думаешь. Иляна больше не может приходить сюда, но всеми своими мыслями она с тобой, дуралей, так же, как я с Марией, в Бэнясе. Но я тоже не имел права проводить эти ночи дома. Мы готовимся к встрече великой правды, которая скоро должна прийти. Иляна спрашивает тебя, хочешь ли ты ее видеть? До сих пор я не мог тебе этого сказать.

— Хочу ли я ее видеть? Скажи мне где, когда?

Роман опять пристально посмотрел на меня, обвел глазами палатку — кругом все спали. Я услышал его тихий голос:

— Теперь видеть Иляну — дело сложное, дружище. Это очень опасно.

— Ну, не опаснее, чем при бомбежке.

— Как сказать.

— С кем же я должен бороться?

— С теми, о ком говорил мой брат. Нас много, но скоро будет еще больше! И вести нашу борьбу гораздо труднее, чем стрелять из пушек.

Я вспомнил отца. И он каждый раз, когда приходил поздно вечером домой, говорил матери: «Скоро нас будет много, и мы будем сильны». А мать ставила ему на стол тарелку с фасолью и кротко отвечала: «Только будь осторожен, дорогой. Господа, они сильные и злые». Отец улыбался, с любовью глядя на нее. Как-то раз, когда они говорили об этом, отец заметил, что я его слушаю, прервал разговор и ласково сказал: «Ты уже поел, Тудор?» — «Поел, папа». — «Тогда почему же ты не идешь спать? Давай быстро ложись в постель; ты еще мал, чтобы знать о таких вещах!»

— Да, да, нас тысячи, Тудор, а скоро нас будет во сто раз больше, — продолжал Роман.

— А Иляна, господин капрал, что она сказала? Когда можно ее увидеть?

— О том, что ты ее увидишь, не должен знать никто, что бы ни случилось. Даже твои товарищи. Понимаешь?

— Кажется, начинаю понимать.

— Вот видишь, ты узнал, что я не хожу домой. Вина моя и Иляны, что ты нас видел. А если бы нас видел кто-нибудь другой? Мог бы разболтать, и все стало бы известно. Могло бы пострадать наше дело.

— А что вы хотите сделать?

— Узнаешь, если решишься быть с нами, с Иляной.

— Я хочу быть там, где Иляна. Теперь я ей верю. Ты не говори ей, что я в ней сомневался.

Роман пожал мне руку.

— Это хорошо, Тудор. Ну а теперь давай поспим немного. Еще неизвестно, надолго ли нас оставили в покое самолеты. И всегда помни — нас тысячи, Тудор. Везде, где есть угнетенные, есть и наши друзья.

Я снова вспомнил отца. То же самое он говорил маме: «Всюду, где есть несчастные люди, есть и ростки справедливости, правды».

Спать я не мог. Перед глазами стоял образ отца. Значит, он знал правду уже давно. Он боролся за нее.

Рядом со мной кто-то зашевелился.

— Ты что, не спишь, Тудор?

Я вздрогнул. Неужели я говорил вслух?! Я узнал голос Илиуца, дальномерщика.

— Нет, никак не могу уснуть.

— А-а-а, — зевнул Илиуц, повернулся на другой бок и захрапел.

Я облегченно вздохнул. И опять мысли об отце овладели мной. Мать, каково ей было

бедной! Ведь она знала, какие опасности подстерегали отца все эти годы. Почему же мне об этом ничего не говорили, почему я не узнал об этом раньше? Но как они могли рассказать об этом мне, мальчишке, совсем не знающему жизни. Что я делал?! Гонял мяч на пустыре да писал тайком стишки Иляне (с третьего класса гимназии мы все писали стихи — это было в моде) и без конца мечтал... То я плавал на подводной лодке «Доке» на Черном море, то участвовал в операциях гангстеров Аль Капоне. Глупые мечты... А кроме этого? Ничего! Что я делал до сегодняшнего дня? Был писарем на кирпичном заводе «Лэптару и К^о» и не сумел даже кончить гимназию, в то время как отец, Иляна, капрал Роман и многие другие жили, твердо зная, в чем правда жизни, и боролись за нее.

Ах, отец, почему ты все время считал меня ребенком?

Он был такой, как десять лет назад. Мы с Иляной, взяв его за руки, идем к мастерским на улице Табла Буций. Отец там работал. У проходной он целует нас и дает деньги, чтобы мы купили конфет. Он хочет что-то еще сказать, но сирена торопит и зовет его. Ох и сильно же она воет, эта сирена! Как будто что-то испортилось, и ее не могут выключить. «Почему ты ее не остановишь, Василе Роайтэ?»⁶ — кричит отец, стоя у ворот. И тысячи рабочих, которые тотчас собрались во дворе, кричат вместе с ним: «Василе Роайтэ, где ты, Василе Роайтэ?» Мы с Иляной, зажав в руках несколько монеток, бежим по улице, чтобы купить леденцов. А сирена все воет...

Тут я проснулся. Роман изо всех сил тряс меня, пытаюсь разбудить. Солдаты торопливо одевались, не глядя совали ноги в ботинки и уже на ходу надевали каски. Опять учебная тревога! Я быстро вскочил. Жутко выли десятки сирен Гривицы, Трияжа, депо, Реджии, Китилы, станции Бухарест-товарная и Северного вокзала. Где-то вдалеке ухала артиллерия — то было вступление к мрачной симфонии.

Не успели мы подбежать к орудиям, как прямо над нами совсем низко и на больших скоростях пронеслись истребители. Это были американские «лайтнинги», развивающие скорость до 500 километров в час. Я узнал их по двойному фюзеляжу.

Они появились над Бухарестом внезапно. В то время еще не было усовершенствованных установок обнаружения, и поэтому их не перехватили на границе.

Американские самолеты вылетали из итальянского города Фоджа и шли через Адриатическое море, поднимаясь на высоту 8000 метров. На этой высоте они беспрепятственно пролетали над Югославией, пересекали румынскую границу и бесшумно, приглушив моторы, подкрадывались к намеченной цели. Но на этот раз они снизились, не долетев 60 километров до цели. Их обнаружил пост наблюдения в Титу. Только тогда был дан сигнал воздушной тревоги в Бухаресте. Поэтому мы несколько не удивились, когда под жалобный вой сирен прямо над нами появилось не менее сотни «лайтнингов», обстреливавших нас из пулеметов. Они шли на бреющем полете, и тяжелые зенитные орудия могли вести огонь только наугад. В таких случаях самыми эффективными были малокалиберные автоматические пушки, которые были у нас.

Самолеты прошли над нами, и теперь мы ждали, что они снова вернуться. Наша авиация попала в критическое положение. Базирующиеся на аэродроме Китилы истребители не успели подняться в воздух и не могли вступить в бой, так как у американских самолетов было преимущество в высоте. Одна из эскадрилий, безрассудно поднявшаяся в воздух, тотчас же была изрешечена пулями и снарядами.

В воздухе оказался только один отряд румынской истребительной авиации из Попешти-Леордени. Самолеты, выполняя обычный учебный полет, летели на высоте тысяча метров. Такое преимущество в высоте дало им возможность атаковать сверху американские самолеты. Для американцев это было большой неожиданностью. Несколько самолетов упало на землю на наших глазах.

⁶ Василе Роайтэ — герой румынского рабочего класса. Во время февральских событий 1933 г. Василе Роайтэ был убит жандармами, в то время как он сиреной железнодорожных мастерских Гривицы подавал сигнал к забастовке. — Прим. ред.

Американцы не понимали, откуда идет гибель, и теряли все новые и новые самолеты. И только спустя несколько минут (которые так много значат в воздушном бою!) они смогли наконец вырваться. Но теперь они были рассеяны и стали еще более уязвимы. Некоторым удалось набрать высоту, но тут на помощь истребителям из Попешти-Леордени подоспели самолеты из Пиперы и Ботеней... Я никогда не видел так много акробатически сложных фигур высшего пилотажа. Петли, бочки, перевороты... все это было, как на воздушном параде, а не в бою. Мы наблюдали за боем издалека, и самолеты казались нам серебристыми ласточками, резвящимися в лучах солнца.

Но это была игра со смертью, игра, которая обрывалась после первой же попавшей в цель пулеметной очереди.

Как только начался воздушный бой, тяжелая зенитная артиллерия замолчала: легко было сбить и свои самолеты.

Зато малокалиберные зенитки беспрепятственно обстреливали самолеты противника, оказавшиеся на небольшой высоте.

Вот мы увидели, что один из «лайтнингов» опустился так низко, что едва-едва не задел верхушки Деревьев. Уйдя от преследования, он выжидал удобный момент, чтобы снова вступить в бой.

После первого налета батарея была замаскирована со всей тщательностью. Люди и орудия слились в единое целое в напряженном ожидании.

Залп трех орудий раздался без всякой команды. И три сверкающие молнии встретились в стальном брюхе «лайтнинга». Самолет вздрогнул, словно подбитая на лету птица, и накренился. Мотор начал работать беспорядочно, с перебоями. Самолет уходил от нас, пытаясь набрать высоту, но было ясно, что он вот-вот упадет. Мы затаили дыхание. Зенитная батарея в Котроченях встретила его огнем, и «лайтнинг» снова повернул в нашу сторону. Подпустив его ближе, наша батарея дала еще несколько залпов. Теряя высоту, самолет стал спускаться и приземлился где-то за кирпичным заводом Лэптару. От волнения мы не могли проронить ни слова. Но вот раздался голос сержанта Насты:

— Батарея, слушай мою команду! Сержант Илиуц, вы знаете английский язык, возьмите с собой Тудора и посмотрите, что делает «мистер». Если он жив, тащите его быстро сюда.

Когда мы направились к самолету, из укрытия госпожи Джики появился младший лейтенант Сасу вместе с мамзель Лили. Он был бледен как полотно и нервно курил. Я почувствовал отвращение. Вдобавок ко всему Сасу оказался и трусом.

Мы перебежали с Илиуцем через сад, перепрыгнули через окопы, обогнули печи кирпичного завода и невдалеке увидели уткнувшуюся в землю стальную птицу. Мы старались подойти к самолету незаметно. Нельзя было предугадать, что нас ожидает. «Осторожность — мать мудрости» — вспомнил я латинское изречение, пожалуй единственное, которое сохранилось у меня в памяти после школы.

И оно нам как раз пригодилось: нас встретили автоматной очередью. Мы ответили тем же. Но в тот же момент послышался дрожащий перепуганный голос:

— Are you Rumanians?⁷

— Yes, we are Rumanians!⁸

— Он нас спрашивает, румыны ли мы, я ответил, что да, — прошептал мне Илиуц.

Я очень удивился, когда увидел верзилу в майке и коротких штанах, стоявшего с поднятыми руками у самолета.

— Иди же, Илиуц, ты ведь знаешь язык. А я тебя буду прикрывать автоматом. Может быть, в самолете сидит еще кто-нибудь.

⁷ Вы румыны? (англ.)

⁸ Да, мы румыны! (англ.).

Илиуц подошел к самолету, заглянул в кабину и, в удивлении почесав затылок, махнул мне рукой. Я подбежал.

Долговязый, длинноносый американец успокоился, убедившись, что его взяли в плен солдаты и что он не попал в руки населения. Он боялся, что мирное население может растерзать его.

— Ах вот как, мистер! Тебе страшно? А зачем стрелял в мирное население?! Или это у вас как спорт? Может, вам надоело заниматься гольфом?

— Oh, yes!⁹ — ответил мне верзила, конечно, не поняв ни слова из того, что я ему сказал.

Второй американец лежал в кабине мертвый. Грудь его была залита кровью.

И вдруг долговязый опять начал дрожать, зубы его стучали, как от холода. Из деревни Рошу бежали крестьяне с косами и топорами.

— Знаешь что, Тудор, — быстро сообразил Илиуц. — Я доставлю пленного на батарею, а ты оставайся тут, пока не подойдет кто-нибудь из начальства. Смотри, чтоб крестьяне не приняли тебя за американца и случайно не пристукнули.

Крестьян мне нечего было бояться. Пока они подходили, я внимательно осмотрел кабину самолета. Мертвый был затянут ремнями, вероятно, он хотел выпрыгнуть с парашютом, но не успел. Рядом лежал парашют взятого в плен американца. Парашют был из чудесного белого шелка.

Я свернул его и спрятал в бурьяне. Из него может получиться прекрасное подвенечное платье для Иляны.

Подбежали крестьяне. Они окружили самолет. Некоторые попробовали срезать резину с колес, чтобы сделать себе опинки¹⁰.

— Зачем резать, ребята? Снимайте целиком. Да поскорее сматывайтесь, пока не прибыла комиссия, и помните солдата Тудора.

Крестьяне не заставили себя упрашивать. Не успел я оглянуться, как колес у самолета уже не было.

Вскоре после ухода крестьян появился майор Фронеску. Он был очень доволен и, улыбаясь, пожал мне руку. Майор заглянул внутрь кабины и вдруг нахмурился. «Наверное, он не любит мертвецов», — подумал я.

— Он убит, господин майор.

— Вижу, вижу, ну где же, черт побери, парашют пленного, кто его взял?

— Знаете, господин майор, тут были крестьяне, они народ любопытный; вот я его и спрятал, чтобы не стащили.

Майор удивленно посмотрел на меня, засмеялся и, хлопнув меня по плечу, сказал:

— Bravo, солдат. Я тебя представлю к награде. Получишь медаль «За отвагу и веру». Как тебя зовут?

— Солдат Тудор Улмяну!

— Ну хорошо, тащи парашют, я его должен передать по команде. Или нет, лучше отнеси его ко мне в дивизион, а я останусь здесь. Сейчас должна прибыть комиссия.

Так и пропало подвенечное платье для Иляны!... Я отнес парашют в дивизион. Комиссия представила господина майора к награждению орденом «Михай Витязу», а младшего лейтенанта Сасу — к ордену «Железный крест». Нам зачитали приказ. Они награждались за доблесть, проявленную в борьбе с самолетами противника!

Это было в середине августа 1944 года.

Никогда с тех пор, как я себя помню, не было так тихо в Джулештях. Редко попадались

⁹ О да! (англ.).

¹⁰ Крестьянская обувь из сыромятной кожи.

одинокое прохожие. Повсюду, как огромные раны, зияли воронки. Улиц не было, лишь чудом сохранившаяся труба кирпичного завода Лэптару возвышалась над пустырем, да по ту сторону шоссе мастерские Гривицы смотрели уцелевшими окнами на восход солнца. Оно вставало огненно-красное, жаркое! С надеждой смотрели на него почерневшие от горя люди. Каждый день они хоронили кого-нибудь из близких. Вот и сейчас они возвращались с кладбища, неся в руках маленькие глиняные горшочки, полные дымящегося ладана. Время от времени из-под обломков вытаскивали изуродованные трупы. Иногда откапывали целые семьи, а из одного обрушившегося бомбоубежища было извлечено сразу 25 погибших!

Вот почему стало так тихо в Джулештях.

Уже целый месяц с Восточного фронта не было никаких известий. Сообщения по радио и в газетах с каждым днем становились все более лаконичными.

Мы, зенитчики, жили на отшибе, под Бухарестом, словно потерпевшие кораблекрушение на необитаемом острове. Может быть, поэтому нас никто не проверял, и Сасу больше не мучил нас тревогами. Правда, время от времени мы связывались по телефону с дивизионом майора Фронеску, стоявшим в деревне Рошу. Но и это нам не всегда удавалось, потому что каждая бомбардировка на два-три дня выводила из строя телефонную линию.

Каждый из нас занимался, чем хотел. Сасу развлекался с мамзель Лили, приходившей к нему каждый вечер пешком из города. Вдвоем они попивали шампанское из подвала госпожи Джики. Сержант Наста и Олтенаку чинили рыболовные снасти, ловили рыбу. Сержант Илиуц читал «Даму с камелиями», он нашел книгу в ящике, закинутом к нам взрывной волной бог весть откуда.

Спустя три дня после того как был сбит «лайтнинг», нас вместе с Романом назначили в наряд. Мы должны были патрулировать в первую смену у железной дороги. Наста утвердил список. Сасу не занимался теперь такими пустяками!

И вот тогда-то у будки номер два в Трияже я наконец увидел Иляну. Рядом с ней стоял двоюродный брат Романа. Иляна первая протянула мне руку. Рука у нее маленькая, теплая, и мне хотелось держать ее долго-долго. Она была все в том же черном платье с белым воротничком — форма гимназии имени Аурела Влайку. Все осталось в ней прежним: и ясные, чуть раскосые, как у китайки, глаза, и вьющиеся волосы, заплетенные в спадающие на плечи косы, и лицо с милыми веснушками, и тонкая, как тростинка, фигура. Она потянула меня за руку и с гордостью представила своему спутнику:

— Это Тудор, сын дядюшки Марина, о котором я вам говорила, товарищ Георге.

Георге посмотрел на меня так же, как Роман в то памятное утро. Он усмехнулся, до хруста стиснул мне руку и хлопнул меня по плечу.

— Ого, значит, ты сын Марина Улмяну? Где же сейчас твой отец?

— В Блаже, он эвакуировался с авиазаводом, товарищ Георге. Я думаю, мой отец коммунист, и я тоже хочу...

Георге нахмурился, строго посмотрел на Романа и Иляну и резко сказал:

— Нет, это не сын Марина Улмяну.

— Да что вы, товарищ Георге, мы еще маленькими вместе...

Георге прервал Иляну.

— Сын Марина не может быть болтуном, у которого язык опережает мысли. — И, повернувшись ко мне, добавил: — Вот что, парень, надо взвешивать свои слова. И не только слова, но и поступки. Если неоперившийся птенец безрассудно выпрыгивает из гнезда, он или разбивается, или попадает в когти ястреба. Понял меня?

Да, я понял. Я забыл то, что мне сказал Роман: «Об этом не должен знать никто. Даже друзья».

Это было мне первым уроком. Я шел по пути к правде. Но дорога к ней должна быть пока скрыта от чужих глаз так же, как на войне скрывается подготовка к атаке. Но только когда идешь в атаку, у тебя есть винтовка, орудия, танки, самолеты. Здесь же твое оружие — разум и сердце. Надо быть осторожным! Молчи, молчи и еще раз молчи! Прежде чем

что-нибудь сказать, знай, с кем ты делишься своей тайной.

— Ты что это, язык проглотил? — по-прежнему сурово спросил Георге. Но взгляд Георге потеплел, стал дружелюбным.

— Я на всю жизнь запомню этот урок, товарищ Георге. Я заговорил о своем отце, потому что считаю вас его братом. Вы ведь очень хорошо знаете друг Друга.

— А если придет кто-нибудь еще и тоже скажет, что знает твоего отца? И если это будет волк из сигуранцы, а? Пропадешь ты тогда, как ягненок.

— Ну, так от волка же пахнет за версту.

— Напрасно ты так думаешь. Я видывал волков, которые, надев овечью шкуру, обманывали самых опытных пастухов.

Как много я понял в этот вечер! Как труден путь тех, кто уже много лет борется за правду, путь Георге, отца и многих, многих других во всей стране. Я содрогнулся при мысли, что отца в любую минуту могут схватить, что он постоянно в опасности. Так вот почему ни отец, ни мать не хотели мне ничего говорить!

— Ну что, скажешь, тяжело, да? Может, тебе страшно, Тудор, может быть, только тоска по Иляне привела тебя сюда?

Да что он, смеется надо мной, что ли? Нет, этот человек с лицом, изборожденным морщинами, с густыми бровями, трезвым и острым умом, умел читать мысли людей. Да, действительно на какое-то мгновение меня охватило сомнение. Мне стало страшно за мать. Каждый день она с тревогой ждала отца, в то время как я предавался пустым мечтам. Ежедневно до поздней ночи она неподвижно смотрела в окно. Придет ли? И только когда слышала скрип входной двери, она оживала, снова становилась прежней. Быстро снимала с плиты чугунок, наливала похлебку в глиняную миску, а когда шаги слышались совсем близко, начинала петь нежным глуховатым голосом:

«Из груди я сердце вырвать бы хотела.
В нем кручина злая навсегда засела!»

— Да, товарищ Георге, меня привела сюда и тоска по Иляне. Но не только она. Я хочу правды. Я знаю теперь, где ее искать.

— Ну, так как же, ты решился?

— Да, тысячу раз да! Клянусь своей матерью.

Мне казалось, что мои слова недостаточно убедительны. Мне хотелось поклясться и моей любовью к Иляне, и землей, по которой я хожу, и своим сердцем. Но тут заговорил Георге:

— Хорошо, что ты так любишь свою мать. Она у тебя святая женщина. Все матери святые. И тот, кто любит свою мать, будет любить и жену, и жизнь. Но в жизни мало любить, надо уметь еще и ненавидеть. Если ты знаешь, что такое любовь, ты должен знать, что такое и ненависть. Ненависть — сестра любви. Чем больше ты любишь, тем сильнее должен ненавидеть. Иначе нельзя сберечь свою любовь. Мы должны ненавидеть фашистов. И румынских, и немецких. Вам, солдатам, еще придется иметь дело с немцами, понимаешь?

— ?!

— Не понимаешь? Скоро советские войска перейдут в наступление и будут здесь, в Бухаресте. Но вам нельзя сидеть сложа руки. Вы должны быть готовы выступить по нашему сигналу. Может случиться, что господа офицеры и генералы не захотят повернуть оружие против немцев. Тогда вы, солдаты, должны сделать это сами. И это наш единственный путь. Вы, молодежь, даже не представляете себе, какие события ожидают нас. Свобода стучится в ворота нашей страны. Все будет для народа. Мы широко распахнем для него все двери и закроем их перед бандитами из правительства и грабителями-помещиками.

Георге вынул из кармана старые поржавевшие часы.

— Как бежит время, — удивился он. — Я должен уже быть на станции Бухарест-товарная... — и сразу осекся. — Видишь, вот и я проговорился. Но ты забудь, что

слышал.

— Я ничего не слышал, товарищ Георге.

— Хорошо, Тудор. Ну, Иляна, пошли.

Потом, повернувшись ко мне, он добавил шутливо:

— Я надеюсь, что ты не будешь теперь следить за ней. Особенно когда она идет с таким стариком, как я...

— Ну, конечно, нет, товарищ Георге, но я хотел бы ей сказать кое-что наедине.

— Ого! Я вижу, ты кое-чему научился за сегодняшнюю встречу. Ну, Роман, пойдём. Вы нас догоните у будки номер один. Только не забудьте обо всем на свете, оставшись одни. Чтoб нам не пришлось вас звать.

Я подождал, пока они отойдут. Иляна молчала. Из-за туч выглянула луна. Иляна стояла, запрокинув голову, и в ее волосах сиял серебряный отблеск луны. Я подошел и обнял ее за плечи. Она не шелохнулась, не повернула головы. Раньше я бы не посмел прикоснуться к Иляне. Но сегодня что-то придало мне уверенности. Я взял ее за руку и притянул к себе. Мы сели у железнодорожного полотна. И только тогда она посмотрела на меня, прижалась к моему плечу и, надвинув мне пилотку на глаза, тихонько засмеялась.

— Так что ж ты, глупыш, следишь за мной?

— Почему глупыш?

Я разозлился и слегка дернул ее за косу.

— Глупыш! Иначе тебя не назовешь.

— Так, значит, я глупый? Конечно, глупый, раз все время думаю о тебе. С тех пор когда мы вместе лазили в сад к Лэптару за персиками и я защищал тебя от собак.

Иляна хохочет. У нее белые как жемчуг зубы. Когда она смеется, я забываю обо всем. Хочется все время смотреть на нее, смотреть без конца.

— Нет, не потому. Я люблю вспоминать наше детство, хотя оно и было не очень радостным.

— Так почему же?

— Потому что ты ничего не понимаешь... Или не хочешь понять...

— Чего?

— Иногда слова становятся лишними.

Я чувствовал ее жаркое дыхание, ее голова нежно легла на мое плечо, а побледневшие губы вздрагивали в едва заметной улыбке. Я посмотрел на небо. Луна и звезды, спуститесь же на землю, чтобы посмотреть на Иляну! Будьте свидетелями нашего первого поцелуя! Я наклонился и робко коснулся губ Иляны. На какое-то мгновение мне показалось, что я вовсе не целую ее, и я боялся, что, очнувшись, не найду Иляны. Но Иляна протягивала мне свои губы и ловила мои, которые до сих пор не могли даже сказать, как я ее люблю.

В эту августовскую ночь среди дымящихся развалин, на окраине Бухареста, где днем еще гуляла смерть, я впервые поцеловал девушку. Мы были молоды. Ни девятнадцать лет нужды, ни бомбы не могли искалечить наши души.

Потом, когда мы с Романом молча шли в Джулешти, я чувствовал, как мне дороги сейчас эти звезды, луна, росистая трава и особенно мой товарищ по наряду, капрал Роман, товарищ капрал Роман.

На следующий день под вечер рядом с нами разместилась тяжелая зенитная батарея немцев, прибывшая из Болгарии. Сначала появился «фольксваген». Гауптман, сидевший в нем, приказал позвать младшего лейтенанта Сасу. Сасу сел к нему в машину, и они вместе объездили вдоль и поперек все поле Лэптару. Облюбовали небольшой холм, возвышающийся между двумя озерами. По свистку гауптмана появился караван грузовиков с немцами. Грузовики тащили 88-мм орудия.

Мы увидели, как Сасу, козырнув гауптману, побежал в нашу сторону. Приблизившись, заорал:

— Батарея, внимание, каждому взять по лопате и в строй! Идем в расположение

немецкой батареи господина гауптмана Штробля!

Так мы оказались в гостях у немцев. Всю ночь мы готовили им позиции для орудий, и всю ночь гауптман Штробль по-немецки кричал на Сасу, а Сасу по-румынски — на нас.

Мы копали до изнеможения, а немцы приводили себя в порядок: отряхивались от дорожной пыли, чистились, брились и пели «Лили Марлен».

Ночь была светлая, лунная, и поэтому, если кто-нибудь из нас останавливался на минуту передохнуть, фельдфебель, наблюдавший за нами, грозил нам пистолетом. Можно было подумать, что мы каторжники.

Сержант Наста, видя, что мы еле ворочаем лопатами, решил нас подбодрить.

— Эй, братцы, вы что, копать разучились? А по мне все одно, что копать в саду госпожи Джики, что У «Друзей-союзников». Не все ли равно, на какого хозяина работать?

Капрал Олтенаку, крестьянин из-под Рымника, зло сплюнул и проворчал:

— Вот то-то и есть, что на хозяина! До армии я гнул спину в поместье Дунэрян, а теперь вот приходится работать на брата-фрица!

— Избави Бог от такого брата! — сердито бросил Безня.

К полуночи работа была окончена.

Мы думали, что теперь пойдем к себе. Но тут на немецкие позиции явился наш повар с чугуном и котелками. Значит, нам дадут немного передохнуть и снова заставят работать.

Ужинали мы отдельно от немцев. У нас была похлебка из травы, картофеля и кукурузной муки, а у братьев-фрицев — жареные цыплята с белым хлебом, так что можно сказать, что наш ужин состоял из двух блюд: картофельной похлебки и запаха жареных цыплят.

Сержант Илиуц, батарейный дальномерщик и философ, съев всю похлебку, перекрестился, поблагодарил Бога и неизвестно почему начал декламировать:

Жалко бедного румына.
Тяжела его судьбина.
Он надеяться не смеет
На улыбку вешних дней.
Он чужой в стране своей.

Каким нищим и до боли чужим почувствовал я себя в эту минуту на земле, где прошло мое детство. И не потому, что мы ели жидкую похлебку, а немцы жареных цыплят, но потому, что понял, как безнаказанно могут они нас унижить. Слепленные высокопарными речами о крестовом походе, о нации и трехцветном флаге, мы были для них просто рабами. Нет, не развеивается румынское знамя, унижена румынская нация! Повсюду только фашисты и свастика, смерть и руины! И там, где в детстве я любовался первой весенней травой и играл в «казаков-разбойников», теперь хозяйничают фашисты.

— Повар, собирай котелки. Ужин окончен. Батарея продолжает работу, — распорядился Сасу, прожевывая на ходу куриное мясо — ведь он ужинал с гауптманом Штроблем. С этой минуты я возненавидел его еще сильнее. А устав требует уважать, любить своих начальников! Начальник приказывает, и ты отвечаешь: «Ясно! Слушаю!» И никому нет дела до твоих мыслей и чувств, никому они не нужны.

Только под утро мы кончили копать ходы сообщения между орудиями. Немцы, поставив часовых, давно уже спали в палатках на резиновых матрацах. Мы собрали свои инструменты и начали строиться. Тут я услышал голос Романа, который до этого не проронил ни слова:

— Так нам и надо, завтра они прикажут выносить за ними ночные горшки...

Слова его падали как удары тяжелого молота.

— Разве мы виноваты? — возразил Безня.

— А кто же еще? Уж не папа ли римский? Долго ли мы будем терпеть эти издевательства? — возмутился Олтенаку.

«Еще один с нами», — подумал я.

Роман подмигнул мне, как будто угадав мои мысли.

— Нечего над нами издеваться. Не было такого приказа, чтобы мы за них копали. Что у них рук нету, что ли?

Сасу почувствовал волнение солдат и заговорил тихо, слащавым голосом, чтобы стоящий рядом с ним гауптман Штробль ничего не понял.

— Ну да, приказа не было, мы без всяких распоряжений показали нашему союзнику свое гостеприимство. Господин капитан Штробль благодарит нас за помощь. А теперь бросьте болтать и, когда подам команду, покажите ему свою выправку. Пусть знает, что мы кое-что умеем.

Но по команде мы построились медленно, вяло. И не потому, что не хотели показать немецкому капитану, что мы это делаем не хуже немцев. Просто мы очень устали и еле волочили ноги.

Сасу расвирепел: для восстановления дисциплины он приказал нам пятьдесят раз лечь и встать. Мы отказались повиниться, чего никогда еще не было в истории батареи. Офицер растерялся. Он обернулся к гауптману, но тот уже вошел в палатку.

подавив гнев, Сасу процедил угрожающе сквозь зубы:

— Хорошо! Я вам это припомню! — и затем отдал команду: — Вольно! На батарею, шагом марш!

По дороге сержант Илиуц заметил, что быть гостеприимным хозяином не значит терпеть от гостя унижения и оскорбления.

Сасу заговорил о нашей бедной стране, которая нуждается в помощи, о союзе с Гитлером и так далее...

— А ты со своей ученостью что-то слишком дальновиден, — бросил он Илиуцу.

— Ну а как же, ведь я же дальномерщик и должен различать врага раньше всех. Неплохо было бы, если бы все были дальномерщиками.

Сасу грозно посмотрел на сержанта, покрутил хлыстом в воздухе и приказал остановиться, так как мы уже вошли во двор батареи.

— Нале-е-е-во!

Строй повернулся лицом к офицеру. Мы подравнялись и остались в положении «смирно». Сасу смахнул хлыстом с сапога комочек земли, сделал несколько шагов перед строем и, остановившись против Илиуца, со всего размаху несколько раз ударил его по щеке.

— Это тебе за твою философию насчет «дальновидности». Твое счастье, что у меня нет другого специалиста, а то бы я расстрелял тебя тут же, как собаку. А я-то думал, раз ты окончил политехнический институт в Германии, ты будешь служить примером для остальных.

Илиуц поправил очки и спокойно посмотрел на Сасу. Младший лейтенант испытующе оглядел нас, как бы спрашивая, нет ли еще у кого-нибудь желания поговорить. Но солдаты угрюмо молчали. Это было затишье перед бурей.

С этого момента пропасть между батареей и Сасу стала еще глубже. Если раньше солдаты, говоря друг с другом, только шепотом упоминали его имя, то теперь они возмущались открыто. И только когда Сасу проходил по расположению батареи в сопровождении гауптмана, все замолкали и отводили в сторону полные ненависти глаза.

С этой же ночи внешнюю караульную службу начала нести немецкая батарея. И нам с Романом стало очень трудно связываться с Иляной и Георге. Роман дважды пытался выбраться через сад, но всюду были немецкие посты, и он возвращался обратно.

С наступлением вечера никто не имел права ходить около наших позиций. Рабочие из Гривицы были вынуждены обходить стороной расположение батареи. А как-то вечером вернули даже нашего связного, когда он шел в дивизион. Теперь увольнительную подписывал не только Сасу, но и гауптман.

Из всей батареи лишь Сасу ходил свободно, где хотел, один или с мамзель Лили. Они

часто прогуливались под руку по шоссе в Джулештях, а затем направлялись на квартиру к Сасу, расположенную через дорогу от батареи.

Однажды гауптман галантно остановил их и спросил документы Лили. Сасу представил ему свою знакомую, и гауптман, возвращая документы, приложился к ее руке.

На следующий день мамзель Лили пришла вместе со своей приятельницей. Их встречали Сасу и гауптман.

Всю ночь хлопали пробки от бутылок с шампанским в доме на улице Ательереле ной. Время от времени пьяные песни и пронзительный смех нарушали мертвую тишину квартала Джулешти. Иногда среди шума можно было ясно различить выкрики немецкого офицера: «Хайль Гитлер» или «Прозит».

Уже два дня отделение телефонистов под командой ефрейтора Луки возилось с прокладкой нового телефонного провода. В первый день с наступлением темноты немецкий патруль заставил их прекратить работу. Из дивизиона майора Фронеску доложили об этом немецкому командованию, и гауптман получил приказ: разрешить румынским телефонистам работать и ночью. Таким образом, Роман смог пробраться на станцию Бухарест-товарная.

В этот день сержант Илиуц ушел с поручением в штаб зенитной артиллерии, находившийся в парке Карол. Он вернулся только под вечер и сразу же направился к дому Сасу, чтоб доложить ему о выполнении приказа. Но часовой, который выставлялся у дома каждый раз, когда у Сасу были гости, не разрешил ему войти. Илиуц настаивал, и часовой вошел в дом. Вернувшись, он сказал, что сержанту Илиуцу приказано доложить о выполнении задания на следующий день во время переклички.

Когда Илиуц возвращался к палаткам, его встретил сержант Наста:

— Что нового, сержант?

— Да что ж нового, Наста, вот был в городе, узнал, что отменили все отпуска и увольнения.

— Да что ты? С каких пор?

— Со вчерашнего дня, двадцать первого августа. Кажется, что-то случилось на фронте в Молдавии.

— Черт возьми, да как же это так без увольнений?

Сержант Наста в нашей батарее был единственным зенитчиком, который на протяжении двух месяцев отказывался от еженедельной увольнительной. Впрочем, с тех пор как в городе начались бомбежки, все меньше и меньше солдат стали уходить из Джулешти. Лишь те, у кого родные жили недалеко от Бухареста, отпрашивались на один день, чтобы сходить в свое село и повидаться с близкими. А что смотреть? Горе и голод? Пепел и руины от бомб, сброшенных наугад с американских самолетов? Не удивительно, что, вернувшись из увольнения, «счастливики», увидевшие свое село и свои семьи, становились задумчивыми и печальными.

Солдаты из Баната, Ардяла, Молдовы, Олтении, Добруджи довольствовались двухчасовой прогулкой по кварталу. Они заходили в какой-нибудь трактир, чтобы пропить последний грош, или подсаживались к соседнему столику, где сидели рабочие. И чего только они не узнавали здесь! Как? Прогнать бояр и отдать землю крестьянам? Ведь об этом можно только мечтать. И солдат недоверчиво качал головой. Когда же рабочие, перебивая друг друга, начинали ругать правительство, Антонеску, солдат вставал, испуганно оглядываясь по сторонам и, пролепетав: «Уже поздно, я должен идти. Долг есть долг», шел к двери.

— Эй, браток, стой! Какой долг? Долг перед богачами?! Я тоже так говорил, когда был солдатом, а потом целые годы гнул спину на фабрике, когда же мы стали требовать, чтобы к нам относились, как к людям, а не как к рабочему скоту, хозяева вызывали солдат, чтобы они стреляли в нас, в рабочих. Не стреляйте больше в своих, ребята, не стреляйте!

Сержант Наста никуда не ходил. В воскресенье он спокойно ложился спать, считая, сколько дней осталось до конца месяца, когда он получит, как обычно, четырехдневный отпуск. Тогда он побывает в Турде и повидается со своей сестрой, которая сейчас живет там. Он был у нее последний раз в июне и опоздал на целый день. К счастью, Сасу с утра уехал на

совещание офицеров дивизиона и вернулся только ночью совершенно пьяный. Наста же давно спал, голодный, грязный, разбитый от усталости. Он опоздал на свой поезд и вернулся на товарном с двумя пересадками: в Брашове и в Плоешти. Так он объяснил свое опоздание Илиуцу.

Все в батарее знали о том, что Наста опоздал на целые сутки, но молчали. Сасу ни о чем не догадывался, а то бы не миновать сержанту военного трибунала.

Между тем Илиуц продолжал выкладывать новости:

— Ну, так вот, вхожу я в парк Карол. Народу, братец, полно, как листьев на дереве, будто нет ни войны, ни бомбежек. Зато облава за облавой. Полицейские, шпики, жандармы цепью окружают толпу и у всех проверяют документы. Пустили слух, будто сброшенные на парашютах большевики собираются взорвать Бухарест. На самом же деле ищут дезертиров с Восточного фронта. Но они не такие дураки, чтобы гулять в парке Карол. Кто знает, где они прячутся, несчастные. Я их не осуждаю: было б за что умирать, а то за фашистов! Все равно все рушится.

— Ах, Наста, а какие там девушки, — продолжал Илиуц, — как весенние цветы на лугу; а какие на них платья! А парни, черт бы их побрал... каждый с двумя-тремя девушками. Некоторые совсем мальчишки, молоко на губах не обсохло, а иные как мы, а вот в армии не служат! На этих-то облав не делали. Полицейские даже пожимали им руку, а потом находили в ладони сотни лей. Чего другого, а денег у этих молодчиков хватает. Они приезжают и уезжают на машинах. Ресторан на берегу озера кишит, как муравейник. И в парке, на озере, лодки, лебеди, музыка гремит, танцы. Понимаешь, браток?

Но Наста слушал невнимательно. Что же Илиуц ничего не говорит об отпусках? Сержант нетерпеливо перебил его:

— Ну ладно, ладно, Бог с ними, с этими молодчиками, с их машинами, ресторанами, лебедями. Хватит об этом. Расскажи лучше, что ты узнал в штабе.

— Почему это мне кончать про парк? Ведь командование тоже там. У них современные бомбоубежища со всеми удобствами и даже с лифтами, им не о чем волноваться. На улице страшная жара, а там внизу такая прохлада, как в винных погребах с рейнскими винами в Шарлоттенбурге. Я ведь там учился. Ну да ладно, слушай. Прихожу я в штаб полка, подаю табель отпусков и увольнений, полковник посмотрел на него и разорвал на мелкие кусочки. Затем говорит мне:

— Что ж это, сержант? Разве ваша батарея не знает, что со вчерашнего дня по всей армии запрещены всякие отпуска?

— Нет, господин полковник!

— А чем же там занимается младший лейтенант Сасу?

— Не знаю, — говорю я, а самого так и подмывает сказать: «Пьет шампанское с гауптманом и с дамами пик и трэф...» Вот и все, Наста. Ясно? Отпуска отменили!

— Хорошо, но ведь ты говорил, что их отменили из-за каких-то событий на фронте в Молдавии.

— Да, правда, я ведь тебе еще не все сказал. По всему Молдавскому фронту сегодня с утра поднялись в воздух сотни советских самолетов! Двинулись тысячи танков. А ночью немцы будто бы оставили Яссы. Скоро тут такое начнется... Так что ты очень скоро будешь в Турде. Я в свой дальномер далеко вижу.

Наста глубоко вздохнул.

— Скорее бы прийти в Ардял да повидать своих в Клуже.

— Как в Клуже? Ведь ты же собирался в Турду? Так было написано и в табеле.

— Ну да, в Турду, потому что там у меня сестра и шурина, а я и сам из Бондицы, из-под Клужа. Там мои родители. Как ты думаешь, сержант, если придут советские войска, будет мир?

Илиуц снимает очки, дышит на них, протирает носовым платком, опять надевает и смотрит на всех собравшихся в палатке.

— Когда-нибудь, конечно, будет. Поживем — увидим. Я слышал, что наше

правительство добивается в Каире, в Египте, перемирия с американцами.

— Почему же в Египте, а не здесь, в Бухаресте? — удивленно спрашивает Олтенаку.

— Потому что здесь гитлеровцы. Разве они позволят нам заключить перемирие? Думаете, наденут ранцы и уйдут так же, как пришли? Плохо вы их знаете. Я-то за четыре года хорошо их узнал. Ведь они хотели меня заставить служить в их армии.

— Может, это было бы и лучше, ты бы не попал в Джулешти под бомбежки.

— Как бы ни был черств хлеб, он всегда вкусен на родине, Олтенаку. И потом, разве ты не слышал, что в Германии еще почище дела творятся?

Наста нервно тербит пуговицу на рубашке, затем свертывает толстую самокрутку и жадно затягивается. Мы все ждем, что еще скажет Илиуц, но он только бормочет:

— Черт его знает, что теперь будет. Если прорвут фронт, многое может случиться. Кажется, придется нам еще повозиться с нашими соседями-фрицами...

— А что они нам? Если будет мир или перемирие, они уйдут в Германию. Не так ли?

— Нет, Олтенаку. Плохо ты их знаешь. Они расправятся с нами, если узнают, что мы добиваемся перемирия.

Наста бросил окуроч и растер его ботинком.

— Я бы стрелял по ним без всякой жалости, — сказал он, вытирая рукавом вспотевший лоб. Я их заставил бы рыть траншеи, так же как они заставляли меня. А потом они выкопают сами себе могилу.

— А я бы им сам вырыл могилу, ей-богу, вырыл бы, — вмешался Безня, хранивший до этого полное молчание.

— Посмотрел бы я тогда на Сасу, — задумчиво сказал Илиуц и вдруг замолчал.

Послышались чьи-то шаги. Илиуц вошел в палатку и увидел Романа и ефрейтора Луку. У Романа за спиной висел барабан, а Лука нес бухту. Роман чему-то радостно улыбался, а Лука вздрагивал и гневно раздувал ноздри.

— Ну их к дьяволу, чтобы я стал еще этим заниматься, — сказал он, бросив бухту на землю. — Если бы нас кто-нибудь поймал, нам бы не поздоровилось. Каково это, ребята, целый вечер зря тянуть провод только для того, чтобы господин капрал мог полюбезничать со своей милой.

— Что это значит, капрал Роман? — строго спросил сержант Наста.

— Ничего, господин сержант. Просто с тех пор как патрулируют фрицы, я никак не могу повидаться со своей женой. Она пришла, бедная, пешком из Бэнясы на станцию Бухарест-товарная... Разве я мог не повидать ее! Я попросил Луку, чтобы он взял меня в свою группу телефонистов. И мы тянули провод до станции. Три раза наталкивались на немецкие патрули. Без провода разве нам удалось бы пройти!

Наста смягчился. Он сам скучает по дому. Особенно теперь, когда все отпуска отменили.

— Хорошо, что немцы не застучали вас. Младший лейтенант ничего не должен знать об этом. А как же с проводом до дивизиона?

— До завтрашнего дня остальная часть взвода дотянет его туда, господин сержант.

Никому не хотелось ложиться спать. Я с нетерпением ожидал возвращения Романа. Но Роман не обращал на меня никакого внимания. Он подсел к Насте.

— Знаете, завтра мы снова договорились встретиться с женой там же.

— Да ты что, с ума сошел? Сейчас такое время, что твоей жене лучше сидеть дома, а не ходить на свидания. Вот Илиуц сказал нам, что в Молдавии...

— В Молдавии советские войска начали наступление. Вчера они взяли Яссы, сегодня — Роман. А другая их армия громит фрицев в дельте Дуная.

— Откуда ты знаешь?

— Слышал. Да и жена рассказывала. Она проходила мимо дворца, возле него толпы народа, машины с министрами, генералами, гитлеровскими офицерами; говорят, что король

и Антонеску вызвали к себе Маниу и Братиану¹¹.

Это было действительно новостью. Все в палатке слушали разинув рты. Значит, началось! Дворец зашатался! Каждый старался представить себе, что там творится. Король и Антонеску собрали министров, столько лет правивших страной, и спрашивают: что же теперь делать? Но министры в черных фраках, словно могильщики, охают: «Не знаем, теперь мы ничего не знаем. Подождем известий из Каира, попросим американцев выбросить миллион парашютистов; надо сдать им. Лучше отдать им Прахову со всеми нефтяными вышками, горы с их богатствами, железные дороги, все, что они захотят, чем допустить, чтобы сюда пришли русские...»

Но дело в том, что советские войска уже подходят к Бухаресту, к королевскому дворцу. Молдавский фронт уже не существует. Многие румынские полки бросили оружие, и солдаты разбрелись по домам. Говорят, что в Пьятра-Нямц разбежались все офицеры, солдаты остались без командиров. А когда подошла Советская Армия, нашим солдатам указали только место, куда складывать оружие. Потом русский генерал приказал: «Домой!» Это русское слово облетело весь Молдавский фронт. Его знают теперь все румынские солдаты. И, несмотря на угрозы гитлеровцев, они послушались советского генерала. «Домой! Домой!» По всем дорогам и тропинкам Молдавии шли румынские солдаты. На мосту через Бузэу гитлеровцы остановили их, чтобы направить на Плоешти. Но румыны перехитрили их; ночью они бросили все, переправились вброд через реку и разошлись по домам.

В ту же ночь солдаты 101-й зенитной батареи, стоявшей в Джулештях, с замиранием сердца слушали новости, принесенные Романом.

— Роман, завтра вечером опять пойдешь на свидание, — сказал сержант Наста. — Может случиться, что не сегодня-завтра что-нибудь произойдет, а мы и знать ничего не будем.

Роман выслушал Насту, взял под козырек и, обрадовавшись полученному приказу, продолжал:

— Мне кажется, что немцы держатся настороже, может быть, они что-нибудь пронюхали. Видите, как они усилили патрули вокруг Трияжа, Гривицы и Северного вокзала. Помните моего двоюродного брата — он приходил сюда месяц назад? Теперь он работает сторожем на станции Бухарест-товарная. Я с ним тоже разговаривал. Он сказал, что король серьезно поспорил вчера вечером с Антонеску. Ведь король вместе со всем правительством, либералами, царанистами и генералами стоит за американцев. Ну что ж, они хотят лишь сменить хозяина. А Антонеску продолжает держаться за Гитлера. Только народ уже сыт по горло. По всему Бухаресту рабочие требуют заключения перемирия с Советским Союзом. Они хотят воевать против фашистов. Мой двоюродный брат сказал, чтобы мы смотрели в оба за немецкой батареей, что рядом с нами. Сегодня или завтра, когда придет время, мы должны разделаться с ними...

Пронзительный свисток паровоза разрывает тишину ночи. Наста встает, расправляет рубашку, подтягивает пояс.

— Чудеса, братцы, подумать только, как все повернулось, нам даже во сне не снилось ничего подобного. Ну ладно, уже поздно. Лука, иди проверь телефонную связь с дивизионом. А я позабочусь о немецкой батарее, надо нам усилить наряд. Остальные — отдыхать. Отбой!

Я лег, вытянувшись на соломенном матрасе, и вдруг услышал шепот Романа:

— Иляна чуть было не попала. Из сигуранцы пришли два шпики, все перевернули у нее в конторе и нашли там сводки командования Советской Армии за последнюю неделю. К счастью, она в это время была на Северном вокзале с поручением. Шпики позвонили по телефону на вокзал и велели ее задержать. А она уже пять минут, как ушла отсюда и

¹¹ Маниу — лидер национал-либеральной партии; Братиану — лидер национал-царанистской партии. Обе эти партии защищали интересы румынской буржуазии. — Прим. ред.

отправилась обратно на Товарную. Шпики стали ждать ее на Товарной. Но товарищ Георге — ведь он там работает сторожем — узнал об этом от одного своего товарища и, когда увидел подходившую Иляну, издали подал ей знак об опасности. Иляна быстро поднялась на мост Гранд и исчезла. И только вечером товарищ Георге смог поговорить с ней.

Иляна сказала, что в эти дни она уже не сможет с нами увидеться, и просила передать тебе привет. Она уезжает на другой конец Бухареста, в Отопени, с новым заданием. Завтра вечером я снова увижу товарища Георге. Ты тоже пойдешь со мной.

В палатку вошел Наста. Роман замолчал. Спать мне не хотелось. Я думал о дворце, где господа и бояре метались, как крысы, в предчувствии гибельного для них пожара, о солдатах, вереницей тянувшихся по всей Молдавии, о продвижении Советской Армии, о немцах, которые были здесь рядом, на батарее. Но больше всего я думал о своей Иляне, хрупкой, маленькой школьнице, которая ходит рядом со смертью, чаще, чем мы — бойцы. И меня очень мучило то, что я ее, вероятно, долго не увижу.

День 23 августа выдался ясным. Кругом — тишина. Немного грустная тишина города, по которому прошли огонь и разрушение. Мы встали позже, чем обычно. Вот уже неделя, как у нас кончился ячмень, и мы не пьем по утрам горький кофе.

Капрал Олтенаку вынул из заботливо поставленных с вечера сетей килограммов десять мелкого карпа. Из дивизиона нам прислали два мешка кукурузной муки, и наш стол выглядел вполне прилично. К тому же у нас было еще немного растительного масла и помидоры с огурцами. Мы приготовили роскошный салат и обильно полили его уксусом, оставшимся в подвале трактира, разрушенного бомбой.

Однажды вечером Лука, проверяя провод, связывающий нас с дивизионом, заметил, что подвал этого трактира наполовину залит вином, которое вытекло из разбитых бутылок. Вино прокисло, но немцы все-таки черпали его ведрами и пили вовсю, подслащивая мармеладом.

Утром мы почистили все орудия, подсчитали боеприпасы, подмели двор.

Сасу появился на батарее только к обеду. Он был чисто выбрит, сапоги его сияли. Он прохаживался между орудий и беззаботно насвистывал. Попробовал из нашего котла ухи, одобрил ее и потребовал, чтоб ему принесли в комнату мамалыги, рыбы и салата. Он заставил Олтенаку вынуть снова сети и поджарить ему десятка два рыбешек. Потом пошел к соседям, на немецкую батарею. Немецкий часовой по всем правилам отдал ему честь.

Мы уже отвыкли от тревог. Бомбежки становились все реже и реже, а в августе почти совсем прекратились.

После обеда мы чинили и чистили одежду, стирали белье и играли в кости, карты или орлянку.

Этот день показался мне особенно длинным. Я с нетерпением ожидал вечера, ведь вечером я должен встретиться с товарищем Георге. Но вот сумерки окрасили в лиловый цвет разрушенные дома, палатки, орудия.

Гудок мастерских казался таким же усталым, как и рабочие, выходявшие оттуда в этот час. Изнуренные годами непосильного труда, с узелками или пустыми сумочками, в которых они носили еду, мужчины и женщины двигались непрерывным потоком, как древний Дунай. А у Дуная много невидимых водоворотов! Есть они и у этого потока людей, такого спокойного с первого взгляда. Рабочие проходили мимо наших орудий и, улыбаясь, здоровались с нами. Но около немецкой батареи на них на всех вдруг напал приступ кашля.

У главного входа остановился старый капрал, примерно такого же возраста, что и мой отец. Несколько зенитчиков подошли к нему поближе. Он был в грязных залатанных штанах и рубашке, вместо ботинок на нем были изношенные опинки, а на голове рваная, вся в пыли пилотка. Увидев сержанта Насту, он устало произнес: «Здравия желаю» — и, смахнув набежавшую слезу, сказал:

— Я, ребята, жил на улице Арцара — вон на той стороне. Год назад меня взяли из

запаса на Молдавский фронт. Ох, и досталось же нам! Бежали что было сил. Думал два-три дня побыть дома со своей бабой и невесткой, а потом уж явиться в какую-нибудь тыловую часть, чтобы меня не считали дезертиром. Но домой не попал. Нет теперь моего дома. Я трудился двадцать лет, чтобы построить две комнатухи с глиняным полом. А теперь все пошло прахом. От дома не осталось и следа: даже места не найдешь, где он стоял. Кругом только ямы и щебень. А жена с невесткой погибли, их похоронили в общей могиле. И теперь я совсем один на белом свете.

Старик устало прислонился к липе, искалеченной осколками снарядов, и смотрел на нас глазами, полными слез, как бы ища сочувствия и поддержки. Сержант Наста дотронулся до его руки:

— Ты не голоден, папаша?

— Я и сам не знаю, сынок. Три дня ничего не ел, но сыт своим горем... Что скажет сын, когда вернется? Он уже два года в армии. А где — не знаю. Спрашивал о нем всюду, где б ни проходил, но все напрасно. Скажите, что же мне теперь делать, братцы?

— Прежде всего, папаша, поешь и отдохни, ты ведь устал.

— Спасибо, ребятки, спасибо.

Роман налил ему полный котелок ухи. Олтенаку притащил откуда-то бутылку, в которой еще оставалось глотка три абрикосовой водки.

Старик ел не спеша, видимо, стеснялся нас и вскоре опять заговорил:

— Повсюду горе, великое горе. Пять дней я добирался сюда из Молдовы! Немцы охотились за нами, как за зайцами. Матерь божия дала мне силы пройти эту страшную дорогу. Господи, спаси и помилуй! Только бы здесь ко мне не прицепились. Ведь я был возчиком в батальонном обозе. Когда уходил оттуда, с фронта, мне некому было передать повозку с имуществом. Меня встретили русские вот так одного, с имуществом и с лошадьми. Один русский солдат распряг моих коней и говорит: «Иди, дед, домой, для тебя война кончилась». Спасибо, говорю, вижу я — ты добрый человек, но откуда ты знаешь румынский язык? «Я бессарабец». А, тогда другое дело, говорю. Но как же я уйду без приказа? Пока не увижу господина майора, я не уйду и не отдам тебе коней!

Солдат засмеялся, взял коней, привязал их к дереву. и написал мне расписку в том, что он получил повозку и лошадей. «На, держи эту расписку и отдай ее майору, если тебе удастся его найти», — сказал он мне.

Старик опять принялся за еду. Затем, отложив ложку, он вынул из кармана вчетверо сложенный лист бумаги и протянул его нам:

— Вот эта расписка. Теперь меня ни в чем не могут обвинить.

От усталости, еды и выпитой водки старика разморило. Наста предложил ему прилечь в палатке.

— Нет, браток, я посплю на улице, ведь сейчас тепло. Да и вшей у меня хватает.

Солдаты разошлись по палаткам. Все затихло. Одна за другой на небе зажигались звезды. С нетерпением я ожидал часа, когда мы с Романом увидим Георге. Я тоже был в отделении телефонистов. Провод уже протянули до самого дивизиона. Лука проверял работу телефона, а мы с Романом вооружились проводом и катушками.

Сержант Наста пошел на квартиру Сасу, чтобы узнать у него пароль на эту ночь, но вернулся ни с чем, так как офицер был приглашен вместе с Лили на квартиру гауптмана.

У нас оставалось только полчаса, а мы все еще не получили пароль. Мы нервничали. Но тут в расположении батареи появился Георге. Он незаметно пробрался между двумя постами через кукурузное поле.

Наста хотел арестовать его, но дядюшка Георге засмеялся и сказал:

— Не торопись, господин сержант, прежде я тебе скажу, зачем я пришел, давай только войдем в палатку. И скорее позови Романа и Тудора.

Мы были поблизости и вместе с ними вошли в палатку. При тусклом свете фонаря я разглядывал товарища Георге. Он был не брит. Лицо его заметно осунулось, но глаза светились живым огоньком. Георге вынул из-за пояса револьвер и положил его около себя на

матрац. С минуту он прислушивался к ночной тишине, а потом начал говорить:

— Друзья, я пришел к вам от имени Коммунистической партии и рабочих-железнодорожников. Сегодня вечером арестован Антонеску. Королю не оставалось ничего другого, как просить перемирия у Советской Армии. Через несколько минут об этом сообщат по радио. Будет отдан приказ румынской армии немедленно повернуть оружие против гитлеровцев. Понимаете? Время настало, братцы! Так что будьте готовы. Вам нужно взять на себя немецкую батарею. Она нас очень беспокоит. А о разгрузочной платформе и главном немецком складе на станции Бухарест-товарная мы позаботимся сами. Как раз сейчас рабочие получают оружие.

Эти новости опьянили нас, как старое крепкое вино. Сержант Наста встал, подошел к Георге и обнял его.

— Значит, я скоро увижу своих! Сейчас я соберу батарею.

Но Георге остановил Насту, который хотел уже выйти из палатки.

— Спокойно, парень, спокойно. Шум никогда к хорошему не приводит. Собери незаметно батарею. Будьте наготове. А когда услышите звон колоколов и вой сирены — начинайте действовать. Партия ждала и готовилась к этому моменту много лет, а ты не можешь подождать несколько минут.

Не успел Георге кончить, как вой сирены разорвал ночную тишину. Это был призыв к новой жизни после многих лет прозябания и унижений. С 1933 года¹² сирена Гривицы не звучала так весело, призывно и громко. И один за другим гудки Трияжа, Реджии и даже звон церковных колоколов торжественно возвестили о начале новой жизни.

Солдаты еще никогда не слышали такой тревоги. Они не знали точно, что происходит, но уже о многом догадывались. Поднялись все, как один. Никогда еще по тревоге не собирались так быстро. Точно никто ничего не знал, но все предполагали, что за бой их ожидает. Вскоре Лука получил по телефону зашифрованный приказ. Батарея должна быть готова к бою с немцами. Теперь она находится в распоряжении командования столицы.

Квартал Джулешти ожил. Люди высыпали на улицу, собирались группами, делились радостной вестью.

— Так это правда? — спрашивала какая-то женщина с распущенными волосами, одетая в мужское пальто.

— Да, да, конечно, правда, я слышала своими ушами сообщение по радио, — ответили ей на бегу.

Через дорогу от нас из полуразрушенного дома доносились звуки патефона. Знакомая мелодия — «Дунайские волны», но как по-особому звучала она в этот торжественный час! Подошел Георге, обнял Романа. Затем все солдаты стали обниматься, поздравлять друг друга.

— У орудий остаются только двое, — крикнул Наста. — Остальным взять автоматы и гранаты! Трубить сбор!

Мы уже стояли в строю, когда появился Сасу. Он был без фуражки, френч расстегнут, в глазах растерянность.

— Что это значит, сержант Наста? — крикнул он. Солдаты в строю тревожно задвигались. А Наста спокойно повернулся к офицеру и объяснил:

— Колокола возвещают об освобождении нашего народа, господин младший лейтенант! Разве вы не знаете? Антонеску арестован! Мы получили приказ от командования столицы выступить против гитлеровцев.

Сасу будто оглушили. Он ничего не понимал, не мог поверить в слова сержанта и только забормотал:

— Как против? Антонеску арестован? Это, наверное, наверное... ошибка! Этого не может быть! Я сейчас же запрошу дивизион!... — и он направился к телефону.

¹² В феврале 1933 г. развернулись крупные классовые бои рабочего класса Румынии. - Прим. ред.

Сбитые на какое-то мгновение с толку, мы с волнением ждали возвращения Сасу. Товарища Георге не было; он ушел незадолго до прихода офицера, напомнив нам еще раз, что мы должны немедленно обезвредить немецкую батарею.

Илиуц, видя, что младший лейтенант задерживается, пошел за ним и тотчас вернулся, чертыхаясь на чем свет стоит.

— Ребята! Сасу и не думал звонить. Часовой у дверей говорит, что видел, как он бежал к немецкой батарее.

Сержант Наста даже плюнул с досады. Он вытащил револьвер, зарядил его и, затаив потуже ремень, крикнул:

— Батарея, слушай мою команду! Первое отделение — за мной, марш! Сержанту Илиуцу — немедленно открыть огонь по гитлеровской батарее.

И тут я увидел, что рядом со мной в строю стоит Мафтей, старик капрал. Он крепко сжимал в своих огромных руках ствол автомата.

Мы тронулись бесшумно тремя отделениями через сад Лэптару. Никогда мне еще не были так дороги эти места, где прошло мое детство. Мы пробежали мимо кирпичной трубы, обогнули заброшенные печи и оказались у немецкой батареи. Там был переполох. Разбуженные от крепкого сна фашисты торопливо готовились к бою.

Но в эту минуту наши орудия открыли огонь прямой наводкой. Отделение сержанта Насты и два других отделения с флангов начали обстреливать немецкую батарею.

Перепуганные, полуодетые гитлеровцы, беспорядочно отстреливаясь из автоматов, отступали в направлении квартала Крынгаш.

Только одно их орудие открыло яростный огонь по расположению нашей батареи. Мы бросились к нему, но автоматная очередь остановила нас. И тут старый капрал Мафтей, добровольный боец нашей батареи, нагнулся, сорвал кольца с двух гранат и бросился бегом к орудью. Раздалась короткая очередь, и пули впились в землю вокруг старика. Мафтей упал, перевернулся и пополз. Застыв от ужаса, мы наблюдали за ним. Старик все полз и полз, и, когда до вражеского орудия оставалось метров тридцать, он встал и с силой, которую трудно было ожидать от него, швырнул обе гранаты. Гитлеровское орудие замолчало. В тот же миг старика сразила автоматная очередь. Мы заняли расположение немецкой батареи, но нашли там только мертвых фрицев. Лишь в палатке гауптмана мы взяли живым денщика. Он дрожал как в лихорадке, и нам с трудом удалось добиться от него показаний. Оказывается, гауптман вместе с младшим лейтенантом Сасу и оставшимися в живых гитлеровцами отступили к кварталу Крынгаш. Я был страшно зол, что мы упустили двух офицеров. А мне сильнее, чем когда бы то ни было, хотелось, чтобы господин гауптман вырыл самому себе могилу. И чтобы младший лейтенант Сасу, бывший командир 101-й зенитной батареи, помог ему в этом.

Мы заняли фашистские укрытия и установили там три ручных пулемета.

Жертв в батарее не было. Только старый капрал Мафтей остался на поле Лэптару, изрешеченный пулями.

Солдаты выкопали глубокую яму, чтобы ни ветер, ни метель не потревожили его вечного покоя. Старый капрал первым в батарее пал в той справедливой войне, которую мы начали. Он пал в борьбе за правду, которую искал долгие годы.

Сержант Наста наладил связь со своей батареей, с сержантом Илиуцем. В это время зазвонил немецкий телефон. Наста взял трубку. По-немецки попросили к телефону гауптмана.

— Гауптмана? Здесь нет никакого гауптмана, это говорит румынский сержант Наста, понятно?

Тот же голос громко завопил в трубку:

— Rumanen?... Sacramentum!¹³

¹³ Румыны? Проклятье! (нем.)

Больше ничего не было слышно. Телефон замолк.

Затем из дивизиона позвонил майор Фронеску и попросил к телефону командира батареи. Ему доложили, что младший лейтенант Сасу перебежал к немцам и батареей теперь командует сержант Наста. Майор расвирипел, приказал разыскать и арестовать Сасу и начать бой с немцами. Но, услышав, что мы уже заняли позицию немецкой батареи, он стал грозить нам расстрелом за то, что мы действовали без его приказа. Роман, который слушал этот разговор по параллельному проводу, вмешался:

— Но, господин майор, у нас же был приказ.

— От кого, олух? — разозлился еще больше майор.

— Как от кого? От Румынской коммунистической партии.

В эту ночь никто не спал. Бухарест ожил. В слепом, затемненном городе зажигались огни. Одно за другим освещались окна. Ночное небо прорезали десятки прожекторов, их лучи то собирались в пучок, то весело разбегались. Изредка со станции Бухарест-товарная или из Бэнясы доносились пулеметные очереди.

Занималось утро. Первые лучи солнца окрасили воду в пруду Лэптару в кроваво-красный цвет. С востока подул свежий ветер; он принес запах спелой кукурузы и фруктов. Со стороны Бэнясы все еще слышались глухие раскаты канонады, небо озарялось вспышками.

По полотну железной дороги к батарее бежала босая невысокая девушка в цветастом платке.

Сорок человек внимательно следили за ней. От земли поднималась прозрачная пелена тумана. И сквозь туман, как фата моргана, виднелись две босые ноги, белое платье и цветастый платок. Когда слышался отдаленный грохот и шелканье пулеме тов, девушка на минуту останавливалась и затем бежала снова в нашу сторону. Когда она была на расстоянии двух десятков метров, Роман вышел к ней из укрытия. Это была Иляна.

— Иди сюда! Каким ветром тебя занесло к нам?

— Ветром свободы, — ответила Иляна. — Рабочие-железнодорожники посылают вам свой привет. Они восхищены вашей победой над фашистской батареей. Товарищ Георге сам не смог прийти — его вызвали в штаб отрядов патриотической гвардии. Уже сформировано несколько батальонов рабочей гвардии.

Иляна увидела меня. Глаза ее радостно заблестели. А может быть, мне это только показалось?

Мы лежали, выставив автоматы вперед, на край бруствера. Когда Иляна, жалуясь на то, что устала, села рядом со мной, все рассмеялись. Любивший пошутить Олтенаку подтолкнул меня в бок и сказал:

— Так обними же ее — усталость как рукой снимет. За фашистами мы наблюдаем сами!

Я притворился, будто ничего не слышу. Мы смотрели с Иляной на восходящее солнце, на город и вспоминали детство, когда мы на рассвете прибегали друг к другу и рассказывали новые сказки о хабрецах и драконах.

А над Бухарестом, словно королева с золотыми распущенными волосами в короне, сверкающей тысячами драгоценных камней, поднималось солнце. И каждый его луч был лучом надежды, лучом победы.

III. НАЧАЛО ПУТИ

Многие совсем по-другому представляли войну с гитлеровцами. Раз заключено перемирие и Антонеску арестован, думали они, значит, война окончена. Теперь осталось только разоружить и отправить противника в лагеря для военнопленных, а самим готовиться к торжественной встрече советских войск с оркестрами и литаврами. Может быть, поэтому в первый же вечер с окон была снята маскировка и тысячи людей высыпали на улицы. Но радость продолжалась недолго. Уже на рассвете в ясном и чистом небе появились летевшие

на большой высоте горбатые «штукасы». Они безнаказанно кружились над Бухарестом, затем пикировали с молниеносной быстротой и с ожесточением сбрасывали бомбу за бомбой. Немецкие самолеты не встретили никакого отпора; орудия и пулеметы молчали, и хищные горбатые птицы хозяйничали в небе почти все утро. Снова жертвы, снова пожары и разрушения. В городе началась паника. Ходили самые невероятные слухи. Говорили, будто румынская армия продолжает воевать на стороне немцев, что Антонеску бежал к Гитлеру, что в Констанце высажен десант с сотен американских кораблей, что американцы сбросили в Бузэу миллион парашютистов, закрыв русским дорогу через Румынию. Поэтому будто отношения между русскими и американцами прерваны и между ними началась война.

Сержант Наста попытался по телефону связаться с дивизионом, чтобы выяснить обстановку, но дивизион не отвечал. Тогда послали туда на машине Луку, и он, вернувшись, доложил, что дивизиона на старом месте нет и неизвестно, где он сейчас находится.

Часов в семь утра на батарею пришел какой-то младший лейтенант. Он был уже немолод, — видно, призвали из запаса. Командование столицы назначило его на должность командира 101-й батареи вместо дезертировавшего младшего лейтенанта Сасу.

Новый командир приказал всем построиться и, приняв рапорт, подал команду «Вольно». Бойцы сразу почувствовали, что он с «гражданки». Об этом говорила и плохо пригнанная форма, и большие, не по размеру сапоги, и пилотка, едва прикрывавшая полголовы.

— Садитесь, — сказал новый офицер, показывая на траву, и сам тоже сел. — Можно курить.

Солдаты, не обращая внимания на командира, оживленно заговорили между собой, озабоченные новым поворотом политических и военных событий.

Младший лейтенант стал расспрашивать Насту, откуда он родом, какая у него специальность, как зенитчики переносили бомбежку, чья была идея неожиданно атаковать немецкую батарею и о многом, многом другом.

Наста отвечал спокойно, сдержанно, без всяких прикрас. Когда он дошел до атаки на немецкие позиции, озабоченное лицо офицера, изрытое оспой, разгорелось.

Когда Наста кончил рассказывать, сержант Илиуц поднял два пальца, как на уроке в школе, и попросил разрешения говорить.

— Говори, сержант, говори!

— Господин младший лейтенант, мы даже не знаем, как вас зовут, откуда вы и — самое главное — что мы теперь будем делать.

Младший лейтенант усмехнулся и нехотя заговорил о себе.

— Меня зовут Арсу, младший лейтенант запаса Ион Арсу. Десять лет я учительствовал в селе на берегу Дуная. Окончил училище полевой артиллерии, но, что поделаешь, призвали меня в зенитную. Командовать пока не приходилось. Занимался снабжением, охраной складов. А вчера меня вызвали в штаб и вручили приказ. Вот так я и стал командиром вашей батареи.

— Что ж мы будем делать дальше? Неужели все время торчать здесь, в Джулештях? — спросил Роман.

— В штабе мне сказали, что наша батарея придана пехоте.

— Пехоте?... А-а... Это дело рук господина майора Фронеску; он отделался от нас, потому что мы сегодня ночью напали на немцев без его приказа.

— Может быть, — усмехнулся Арсу. — Он с удовольствием передал вас командованию столицы, говоря, что избавляется от бунтовщиков. И так как я тоже считаюсь бунтовщиком, то он избавился заодно и от меня. Но командование столицы знает о вашей доблести. Вас там ценят!

Тудор вскочил с места.

— Как, значит, вы тоже бунтовщик?

— Да как вам сказать? Я всегда был чужой среди кадровых офицеров... Они бы растащили все продовольствие и бензин со складов, если б я им не мешал.

Вот этого-то они мне и не могут простить! Но с вами, я думаю, мы договоримся. У нас один долг — быть готовыми к выполнению приказа. Мне кажется, что здесь мы не задержимся.

В этот момент около живой тростниковой изгороди остановилась легковая машина. Из машины вышли полковник и коренастый генерал. Часовой отдал им честь. Наста первый вскочил и крикнул: «Смирно!» Младший лейтенант Арсу сразу подтянулся, сделал несколько четких шагов и по всем правилам устава начал рапортовать генералу:

— Господин командующий гарнизоном! Сто первая зенитная батарея...

Так вот, значит, кто этот генерал! Командующий столичным гарнизоном.

Генерал принял рапорт и подошел к бойцам. У него было простое лицо, на лбу — три широкие борозды, а вокруг острых орлиных глаз — паутина тонких морщинок. Он остановился в трех шагах от солдат, поднес руку к фуражке, на околыше которой было два ряда дубовых листьев, и сказал громко и отчетливо:

— Здравствуйте, герои.

Ободренные таким приветствием, солдаты дружно гаркнули:

— Здравия желаем...

— Молодцы, ребята! — продолжал генерал. — Вы действовали прекрасно. Жаль только, что упустили этого предателя Сасу. Предателей надо расстреливать на месте. Кто из вас принял на себя командование батареей?

— Я, господин генерал... Сержант Наста Никита!

— Прекрасно, старший сержант. Поздравляю вас с новым званием. А вам, герои, хочу сообщить, что ваша своевременная атака способствовала нарушению связи между частями германской армии в Бухаресте. Это вынудило гитлеровцев отступить к Бэнясе.

Генерал помолчал, обвел взглядом немецкие позиции и затем продолжал:

— Я знаю немцев еще с тысяча девятьсот шестнадцатого года, когда мне довелось воевать против них под Мэрэшешти. Теперь мы снова воюем против них. И вы — первая батарея, которая открыла по ним огонь. Надеюсь, вы и дальше будете так же хорошо их бить. Самолетов у нас маловато, на аэродромах еще хозяйничают враги. Крупнокалиберную артиллерию мы не можем тащить в центр Бухареста, поэтому вам со своими легкими пушками надо немедленно отправиться в Чишмиджиу. Фашистские самолеты беспрепятственно бомбят центр Бухареста. Надеюсь, что через час вы уже сможете дать им отпор.

— Постараемся, господин генерал, — заверил его Наста. — Ведь если мы их прогоним отсюда, то пойдем вышибать их и из Трансильвании, не так ли?

— Непременно, старший сержант!...

— Спасибо, господин генерал. Я же из-под Клужа, и меня ждет там семья!

— Мы пойдем и дальше. Но теперь наша основная задача — выгнать их как можно скорее из Бухареста. А тем временем подойдут и советские войска. Ясно?

— Ясно, господин генерал.

Генерал ласково посмотрел на Насту, затем подошел к нашему новому командиру, развернул план Бухареста и указал на зеленое пятно, где было написано «Парк Чишмиджиу». Разговаривая с Арсу, генерал записывал что-то в свой блокнот.

...Машина уже ушла, а солдаты все стояли по стойке «смирно». С ними еще никогда так не разговаривали генералы.

В полдень четыре машины батареи, огибая воронки от бомб, выехали на Джулештское шоссе. Жители пожимали солдатам руки и шли за ними до самого конца улицы Табла Буций — до кладбища Калвин, помогая вытаскивать пушки из ям.

— Счастливого пути!... Возвращайтесь с победой!... Скорее гоните фашистов.

Одна из четырех машин, доверху нагруженная боеприпасами, вырвалась вперед, так как ей надо было сделать еще один рейс, чтобы забрать оставшиеся снаряды и патроны. С моста Гранд солдатам открылась страшная картина: Северный вокзал совершенно разбит, платформы разворочены, рельсы изогнуты, повсюду валяются перевернутые вагоны, а

дорога на Гривицу и Джулештское шоссе вся завалена щебнем; почти все дома возле вокзала разрушены. На одном этаже видны ванна, детская коляска, разбитая скрипка; на другом — кухонная плита, шкаф, туфля и разбитая кукла. Кто знает, чьи детские ручонки прижимали ее к себе во время взрыва?!

Еще не успела улечься пыль прежних бомбежек, как последовали новые. Гитлеровское командование хотело любой ценой срочно эвакуировать из Бухареста свои отделы, и в первую очередь отдел контрразведки, расположенный в крыле здания военного министерства на улице генерала Марковича, за парком Чишмиджиу.

Но румынская рота, охранявшая министерство, открыла огонь по гитлеровцам как раз в тот момент, когда они грузили на машины архивы. О скольких преступлениях могли бы рассказать эти архивы!

Опасаясь, что документы вывезти не удастся, немецкое командование приказало группе бомбардировщиков поджечь здание военного министерства.

В это время 101-я батарея младшего лейтенанта Арсу по развороченным улицам города примчалась на новое место назначения. Солдаты отцепили орудия и установили их около мостика, перекинутого через пруды в парке Чишмиджиу.

Сержант Илиуц взобрался со своим дальномером на иву, в тени которой еще недавно играли дети: под скамейкой валялось маленькое ведерко с лопаткой.

Не успели артиллеристы зарядить орудия, как новая волна «юнкеров» спикировала на ближайшее к парку крыло военного министерства.

Из разбитого бомбами военного министерства вырвались языки пламени. Несколько человек песком и водой поспешно стали тушить начавшийся пожар. Вскоре появились и пожарные. Но едва они подставили выдвижную лестницу, как Илиуц заметил новую волну самолетов.

— Воздух! Бомбардировщики «юнкеры», направление — северо-восток, курс — сорок пять градусов, высота — две тысячи, дальность — шесть тысяч метров.

Тем временем подносчики сняли с грузовика ящики и поднесли к каждому орудию по десяти штук.

Старший сержант Наста поучал некоторых солдат, и особенно нового подносчика снарядов телефониста Луку.

— Снаряд — это не телефон, чтобы вертеть им, как тебе захочется. Осторожно бери обойму и передавай ее заряжающему, если видишь, что орудие не заряжено. Ясно?

— Ясно, господин старший сержант. Я знаю, ведь я уже, черт возьми, целый год с вами.

— Я тебя для того и учу, чтобы мы впредь не разлучались, чтобы нам не пришлось петь за упокой твоей души. Ведь с этими «юнкерами» шутки плохи. Если хоть на одну секунду опоздаешь зарядить орудие или ошибешься на одну тысячную в расчетах, фриц тут же сбросит тебе на голову бомбу.

Проходивший мимо младший лейтенант Арсу отвел Насту в сторону и прошептал:

— Наста, я не очень-то разбираюсь в этом! Понимаешь? Но вы народ испытанный. Скажи, что мне делать, чтобы не мешать вам?

— Стойте здесь у орудия. Пушка — самое хорошее укрытие. Противник целится обычно именно в нее, но бомба падает всегда в стороне. А я сам буду командовать огнем батареи.

Дальномерщик сообщил снова:

— Дальность — две тысячи.

— Спасибо, философ, — улыбнувшись, поблагодарил его Наста, желая казаться спокойным.

— Да, вам-то хорошо... вы со своими пушками на земле, а мне вот приходится торчать на дереве. Наста, не выпускай самолеты из прицела. Не опозоримся же мы здесь, в парке Чишмиджиу, правда, братцы?

Но солдаты, казалось, не слышали вопроса. Вцепившись в орудия, они напряженно всматривались сквозь листву уцелевших деревьев в раскинувшееся над ними небо.

Младший лейтенант внимательно следил за действиями солдат.

Он видел, что у зенитчиков батареи прекрасная подготовка и они вполне могут действовать самостоятельно. Кроме того, у них опыт недавних боев. В солдатах он не сомневался. Он больше волновался за себя, ведь именно сейчас, в эти минуты, он получит боевое крещение. Надо быть спокойным, хладнокровным. Пусть солдаты видят, что он рядом с ними.

— Батарея, передаю команду старшему сержанту Насте.

— Слушаюсь! — И Наста повернулся лицом к батарее, чтобы видеть все орудия.

В это время ефрейтор Тудор нагнулся, сорвал василек и аккуратно положил его в карман.

— Ты что? Кругом смерть, а ты собираешь цветы, — прошептал Безня.

— Я засушу этот василек в память о парке Чишмиджиу, — ответил Тудор.

Гитлеровские самолеты приближались, они шли двумя волнами, одна за другой.

Наста давал последние указания, наблюдая за движением бомбардировщиков! Среди самолетов первой волны появились клубочки дыма. Какая-то батарея зенитных орудий открыла по ним беглый огонь. Самолеты, застигнутые врасплох, рассеялись и, пытаясь выйти из зоны огня, повернули вправо. Головной самолет второй волны накренился на крыло и с большой скоростью спикировал прямо на Чишмиджиу. Он был встречен ожесточенным огнем. Сверкающие стрелы трассирующих снарядов крошили воздух, устремляясь навстречу бомбардировщику. Однако снаряды прошли под крылом самолета. Наста продолжал командовать:

— Батарея, огонь!...

Ближайший самолет, встреченный ураганом трассирующих снарядов, трусливо вышел из пике, сбросив бомбу далеко от цели. Сильный взрыв, раздавшийся около дворца, окрасил небо в кирпичный цвет. По-видимому, бомба попала в здание.

Несколько пулеметов, расположенных на крыше министерства внутренних дел, преследовали самолет десятками длинных очередей. «Значит, мы не одиноки — в столице много орудий и пулеметов, они не дают врагу хозяйничать в городе», — радостно отметил про себя Наста.

Но бомбардировщики не отказались от намеченной цели. Некоторым из них удалось преодолеть огонь зенитной артиллерии. Бомбы падали все ближе и ближе, и осколки непрерывно свистели над головами солдат. Упал Тудор, раненный осколком. Зенитчики бросились было к нему, но Тудор так закричал на них, будто ему причинила боль не рана, а то, что они так безрассудно оставили свои орудия. Солдаты быстро вернулись на места. Орудия продолжали вести огонь с еще большей яростью.

Вдруг на военное министерство спикировал никем не замеченный самолет и на небольшом расстоянии от земли сбросил бомбу, которая попала в уже пострадавшее крыло здания. По упорству, с каким гитлеровцы продолжали бомбить министерство, было ясно, что они решили любой ценой уничтожить архив своего отдела контрразведки.

Стволы орудий раскалились, но бойцы стреляли непрерывно, посылая снаряд за снарядом, мужественно отражая натиск фашистских самолетов.

Когда один из бомбардировщиков второго эшелона обрушился на здание министерства, три орудия одновременно открыли огонь, выпустив десятки снарядов. Трассирующая струя била прямо в самолет. Самолет вздрогнул и, с пронзительным воем разрезая воздух, начал падать. От него отделилась маленькая черная точка и угрожающе быстро стала расти. И вдруг страшный грохот прокатился над парком. Развороченная земля и песок с дорожек парка встали сплошной стеной. Арсу почувствовал, что ему не хватает воздуха, и потерял сознание. Придя в себя, он заметил, что стоит на коленях. Все тело охватила страшная усталость, как после очень тяжелого марша; ему с трудом удалось встать. Два орудия молчали, их расчеты были оглушены и ослеплены взрывом; Только орудие капрала Романа продолжало вести огонь по поврежденному самолету. Бомбардировщик пылал, и, чем дальше он уходил, тем сильнее пожирал его огонь.

Роман закричал на всю батарею прерывающимся от волнения голосом:

— Сби-ли, братцы! Сби-ли!

Откуда-то из-за решетки парка послышались возбужденные голоса:

— Горит... Смотрите, смотрите, он горит!... Падает, падает!

Языки пламени взвивались, как фиолетовые змеи, а огненное чудовище с глухим треском пожирало все на своем пути.

Опять появились пожарные с выдвижными лестницами и длинными шлангами. Они изо всех сил старались остановить огонь, который уже перекинулся на соседние здания. Вскоре вся улица стала сплошным морем огня.

Тудор сидел на маленькой скамеечке. Рубаха на его плече вся промокла от крови. Младший лейтенант хотел его эвакуировать, но Тудор, скривившись от боли, встал и, стараясь сдержать стон, сказал:

— До свадьбы заживет, господин младший лейтенант... Просто небольшая царапина; придет санитар, вытащит из меня кусочек железа, и все будет в порядке.

Ругаясь на чем свет стоит, с ивы слез сержант Илиуц и начал обшаривать все вокруг. Затем у развороченной клумбы он что-то поднял.

— Ты что, философ?

— Посмотри только, Наста, что наделали эти фрицы: они разбили мои очки. Я только и привез из Германии, что эти две цейсовские линзы! А сколько они у нас украли!

— Но на этот раз они ушли несолоно хлебавши. Пусть еще раз попробуют — мы им насыпем соли на хвост! — успокаивал его Наста.

Уже стемнело, когда солдаты принесли котел с едой, присланной пожарниками. Сквозь листву деревьев было видно, как одна за другой зажигались звезды и наконец показался серп луны.

Тудору уже наложили повязку, и он ел вместе со всеми. Наста весело подмигнул ему. Еда казалась вкусной, как никогда.

Младший лейтенант Арсу закурил сигарету, вынул из планшетки блокнот и написал: «Сегодня, 24 августа, батарея вела ожесточенный бой. Ходатайствовать о награждении капрала Романа, сбившего фашистский бомбардировщик». Он немного подумал и приписал: «И все-таки батарея может действовать еще быстрее и слаженнее».

Кончив есть, Тудор вымыл свой котелок в ближайшем пруду. Рядом с ним стоял Роман и радостно улыбался. Ему обязательно хотелось поговорить с кем-нибудь, особенно после того как он узнал, что «юнkerе» упал на поле Могошоайи. Толкнув Тудора так, что тот чуть было не слетел в воду, он заговорил:

— Кто бы подумал, что мы когда-нибудь будем ужинать в парке Чишмиджиу?!

В тот же вечер 101-я зенитная батарея получила приказ передвинуться ночью на Пьяца Викторией и поступить в распоряжение танкового отряда, расположившегося в районе Триумфальной арки и шоссе Киселева.

События 23 августа 1944 года перевернули все планы гитлеровцев на Балканах. Румынские части вместе с отрядами вооруженных рабочих в ожесточенных боях шаг за шагом выбивали их из Бухареста, и немецкие войска, отступавшие из Греции и Болгарии, вынуждены были обходить город. Было ясно, что оторванные от основных сил эти войска капитулируют, лишь только Советская Армия начнет наступление вдоль Дуная.

В эти последние дни августа для гитлеровской армии, находившейся на Балканах, оставался только один выход: войскам с юга Молдовы и из Добруджи поспешно отступить через Буззу — Урзичени — Плоешти, а войскам, остававшимся до сих пор в Греции и Болгарии, отходить по Дунаю до Будапешта. Немецкие части в Бухаресте должны были любыми средствами продержаться в городе до завершения эвакуации гитлеровцев из Молдовы, Добруджи, Болгарии и Греции.

Но расчеты гитлеровцев не оправдались: на Дунае их встретили мониторы и сторожевые катера румынского военного флота, которым удалось за несколько дней взять под свой контроль всю румынскую часть Дуная. А на остальной территории страны

отдельные гитлеровские части, строительные роты, батальоны обслуживания были окружены, уничтожены или взяты в плен. В селах отступающих фашистов задерживали крестьяне, вооруженные косами, вилами и топорами. Они охраняли дороги, полустанки, железнодорожные переезды и места переправы через реки.

Даже дети принимали участие в разгроме гитлеровской нечисти. Если маленькие разведчики замечали где-нибудь фашистский отряд, они тотчас бежали в деревню и сообщали взрослым.

Озверевшие фашисты по ночам нападали на села, убивали крестьян, жгли дома, забирали домашнюю птицу и, переодевшись в крестьянскую одежду, пробирались на север.

Бухарест оказался в тяжелом положении. У гитлеровцев были сосредоточены здесь регулярные войска, зенитные батареи, танки, самолеты. Поэтому румынское командование столицы должно было действовать решительно и внезапно, чтобы не дать времени противнику прийти в себя и подтянуть подкрепление.

С самого первого часа, когда по радио было объявлено о свержении фашистской диктатуры, плечом к плечу с регулярными румынскими войсками сражались и батальоны рабочей гвардии.

В ночь на 24 августа была очищена от гитлеровцев гостиница Атенеэ Палас, находившиеся там немецкие офицеры арестованы, их документы конфискованы.

На рассвете следующего дня тыловые военные части вышли на окружную железную дорогу и заняли позиции в Попешти-Леордени, в Жилаве и в Домнешти, обеспечивая оборону южных подступов к столице.

Но к северу от Бухареста гитлеровцы еще занимали сильные позиции. Они сосредоточили здесь все войска, заняв шоссе на Плоешти, чтобы дать возможность своим армиям отступить из Молдовы и Добруджи, через долину Праховы.

Налеты на столицу усилились. Самолеты продолжали непрерывно бомбить город, обстреливать из пулеметов улицы. Укрытия были переполнены. Госпиталей не хватало, школы и учреждения превратились в санитарные пункты. Без электричества, без воды и пищи Бухарест упорно сражался, оттесняя немцев все дальше и дальше к окраине города.

В столице было много шпионов, державших связь с немецкими войсками; легионеры, сынки помещиков и банкиров поджигали дома, грабили и терроризировали население. Но число вооруженных рабочих отрядов росло. Рабочие Малаксы, Гривицы, заводов Леметр и «Вулкан» во главе с коммунистами ликвидировали разбойничьи банды и заняли позиции в Бэнясе.

101-я зенитная батарея расположилась на шоссе Жиану, недалеко от памятника авиаторам. Линия фронта начиналась впереди, у фонтана Миорицы, проходя влево к вокзалу Бэняса и дальше к кварталу Новый Бухарест, а вправо — к берегам прудов Тэй и Флоряска.

Младший лейтенант Арсу указал место каждому орудию и отправился в сопровождении солдата Безни на поиски командира бронетанкового отряда.

Орудия, укрытые в цветочных аллеях вдоль шоссе Жиану, отдыхали, опустив вниз стволы; рядом на зеленой траве расположились зенитчики. Сержант Илиуц лежал лицом вверх, закинув руки за голову, и смотрел на небо, на гаснущие звезды. Наступало утро...
Утро 25 августа.

После дневного зноя от прудов тянуло сыростью и прохладой, с поля доносился запах скошенного сена и зрелых яблок. Приближалась осень. Илиуц любил осень. Она ему представлялась красивой девушкой с распущенными золотыми волосами, собирающей в передник дары природы. Такой, как Марика...

Впервые он увидел Марику в селе Епископия Бихора, под Орадей. Он приехал тогда на каникулы домой, окончив первый курс политехнического института в Шарлоттенбурге.

Его отец был одним из самых видных инженеров-химиков в Ораде. Он мечтал о том, что сын его тоже станет инженером. Поэтому в 1939 году, когда Илиуц окончил гимназию, отец отправил его в Германию, чтобы Илиуц получил там специальность инженера.

Приехав через год домой на каникулы, Илиуц познакомился с Марикой. Она работала

учительницей в селе, недалеко от Оради. Когда он встретил ее с полным подолом груш и с корзиной винограда в руке, увидел ее лицо, похожее на спелое яблоко, глаза, синие, как небо, он воскликнул:

— Здравствуй, дочь осени!

— Вы ошибаетесь, я всего-навсего дочь чабана Фери, — засмеялась Марика, протягивая ему гроздь винограда.

Они подружились. Он навещал ее каждый день, и они бродили вместе по холмам, по берегу Криша. Осень улыбалась им гроздьями винограда, запахом нив, прохладной водой реки.

Это была их первая и последняя осень...

С тех пор многое изменилось. Госпожа Илиуц заключена в концентрационный лагерь, так как она была еврейкой, старший Илиуц умер от сердечного приступа.

Молодой студент не вернулся в Орадю. По матери Илиуц был евреем. Если бы об этом стало известно, он тоже попал бы за колючую проволоку. Когда он закончил институт, положение стало еще более серьезным. Все выпускники-иностранцы, получившие образование в Шарлоттенбурге, должны были вступить в вермахт и отправиться на фронт в Россию.

Перед защитой диплома предоставлялся отпуск на 20 дней. Товарищ Илиуца Рэдуникэ, румын из Олтении, пригласил его погостить к себе, в Бухарест, зная, что в Ораде у Илиуца никого не осталось. Илиуц принял приглашение, но, когда истекли 20 дней отпуска, Рэдуникэ вернулся в Шарлоттенбург один. Его друг исчез.

Так молодой Илиуц летом 1943 года оказался в румынской армии. Он явился в один из призывных пунктов Бухареста как беженец из Оради и попросил принять его в армию. Документы у него были в порядке, а о том, что он уклонился от мобилизации в вермахт, рассказывать было необязательно.

Ему предложили поступить в школу офицеров запаса, но он отказался, да к тому же его командир, младший лейтенант Сасу, настаивал на том, чтобы Илиуца оставили у него писарем.

И вот теперь здесь, на шоссе Жиану, растянувшись между цветущими кустами роз, он почувствовал тот же знакомый запах осени. Он невольно прошептал:

— Здравствуй, дочь осени!

— Ты что, философ, со звездами разговариваешь? — спросил Наста.

— Нет, Наста, сам с собой.

— Вот это уж нехорошо, инженер, это значит, что твоя душа переполнена тяжелыми думами и надо поделиться с кем-нибудь, а не разговаривать сам с собой! Так что же тебя тревожит, браток?

— Ничего, я решаю простое уравнение с одним неизвестным.

— ???

— Да, да, с одним неизвестным. И это неизвестное — жизнь, такая, какой она будет!

Наста посмотрел на него долгим взглядом и, повернувшись на другой бок, сказал:

— Прежде всего нам нужно расквитаться с фашистами, а потом уж мы будем искать неизвестное в твоём уравнении. А сейчас — давай спать, видишь, уже рассветает, а днем нам опять, наверное, придется немного повозиться с нашими пушками.

Долго не мог заснуть и Роман. Он думал о доме, о Марии, о родителях. Ведь до них, до Бэнясы, рукой подать. И все-таки он не мог их видеть. Там враг! Подумать только, враг и фронт здесь, в Бухаресте! И батарея стоит на шоссе Жиану! У этого куста роз, может быть, всего три дня назад целовалась какая-нибудь парочка или старики вспоминали под звон колоколов о своей молодости, а сегодня...

Роман вспомнил, сколько раз раньше, возвращаясь домой с работы в гараже, что возле Пьяца Викторией, он всегда обходил скамейки, где целовались парочки. А сколько раз, когда его не видел полицейский, рвал розы, ранил о шипы пальцы, и относил цветы Марии, своей соседке по дому.

Сейчас он тоже сорвет одну! Он понюхал розу, погладил ее рукой и положил в карман гимнастерки. Когда прогонят гитлеровцев из Бэнясы, он откроет дверь своего дома, стиснет в объятиях Марию... Впрочем, нельзя: Мария теперь на седьмом месяце... Ну тогда он просто войдет в дом и даст ей эту розу...

«На вот, Мария, это тебе. Ты жди. А мне надо уходить. Нам еще надо рассчитаться с фрицами, а когда все это кончится, я больше никуда не уйду. И ты больше не будешь служить у хозяев. Заботься о мальчишке — я знаю, что у нас будет сын, мы вырастим его смелым, отдадим в школу и...»

Возле орудий остановился мотоцикл.

— Где командир? — спросил человек, сидевший в коляске.

— Дальше, на первой линии.

— Не знаете ли вы, где находятся зенитчики, прибывшие из Джулешти?

Голос Роману показался знакомым. Он приподнялся, опершись на локоть, и в предрассветном утреннем тумане увидел Георге.

— Товарищ Георге, мы здесь!

— Роман, это ты? Вот хорошо! Тогда ты сам доложишь командиру, мне нужно еще успеть в Попешти-Леордени. Мы ждем приказа. Может быть, придется брать с боя аэропорт.

Наклонившись поближе к Роману, он прошептал:

— Передай вашему новому командиру, что завтра на рассвете к нему придут два батальона вооруженных рабочих, чтобы поддержать вашу атаку.

Ровно в четыре часа из штаба прибыл младший лейтенант Арсу. Батарея была включена в бронеполк, который занял позиции по ту сторону фонтана Миорицы, при въезде в Бэнясу.

Бесшумно перевоза орудия по асфальту, зенитчики установили их рядом с 1-й танковой ротой. К рассвету орудия были замаскированы ветками шиповника, автомашины укрыты в рощице у прудов.

Примерно в то же время подошли и два батальона рабочих — вооруженные винтовками мужчины всех возрастов и несколько женщин. Молча, пригнувшись, они проходили куда-то вперед, туда, где еще с вечера окопалась пехотная часть.

Наступил день. Солнце купалось в чистой воде прудов. На Бэняское шоссе вышло несколько маленьких рыболовов в рубашках и белых штанах. На плечах они несли длинные удочки. Дети остановились у пруда. Но не успели они забросить свои удочки в воду, как появился дозор. Солдаты велели ребятам уйти и передать всем жителям села, чтобы они немедленно ушли в лес, так как скоро начнется атака.

Ребята обрадовались поручению и побежали напрямик, минуя пустынное шоссе. Им вслед раздалось несколько пулеметных очередей; пули с ожесточением впивались в землю, поднимая облако пыли.

Илиуц посмотрел в бинокль и увидел, что с церковной колокольни бил пулемет. Вскоре пулемет замолк, и стало удивительно тихо. От легкого дуновения ветра слегка дрожали ивы и мелкая рябь набегала на прозрачные воды озера.

Приближался час атаки. Задача отряда состояла в том, чтобы захватить аэропорт со всеми находившимися там самолетами и затем овладеть селом.

101-я батарея расположилась вблизи шоссе на выходе из села. Она должна была отразить возможную контратаку противника и обеспечить противовоздушную оборону на своем участке.

С тыла слышалась артиллерийская канонада, и снаряды, пролетев над позицией батареи, стали рваться на поле аэродрома.

Румынские танки выдвинулись вперед. Пехотный полк ждал двадцатого залпа артиллерии. Когда он прогремел, бойцы выскочили из окопов и врассыпную, перебежками стали продвигаться вдоль шоссе и окраины села.

Батальоны рабочей гвардии тоже пошли в атаку, стремясь выйти к аэропорту с южной стороны.

Орудие старшего сержанта Насты быстро выдвинулось вслед за пехотинцами.

Капрал Роман вместе с расчетом вытащил свое орудие на широкую улицу, продолжая поддерживать связь с левым флангом батальонов рабочей гвардии. Дальномерщик Илиуц следовал за младшим лейтенантом, перебегая сторбившись по заросшему бурьяном окопу.

Арсу остановился у горящего дома. От пожарища тянуло едким запахом дыма, а на уцелевшей стене виднелась черная свастика.

Под нажимом первых румынских соединений немцы отступили с линии ресторанов Бордей и Пескэруш.

Илиуц вышел на перекресток двух улиц, внимательно осмотрел в бинокль окрестности, а затем вернулся к младшему лейтенанту и доложил, что ничего не видно.

— Ты инженер? — спросил его вдруг Арсу.

— Да, строитель, — ответил удивленный Илиуц. — А что?

— У тебя будет очень много работы после войны. В одних только Гривице и Джулештях столько разрушений...

Илиуц почувствовал безграничную любовь к этому человеку, который даже не умел как следует прикрепить нашивки младшего лейтенанта на свои погоны. Да и нашивки-то его были сделаны из желтой жести какой-то консервной банки! «Может быть, у него нет чувства гармонии и эстетического вкуса, но зато есть здравый смысл», — подумал Илиуц.

Пулемет противника, находящийся на колокольне, дал очередь по орудью капрала Романа. Другой пулемет, расположившись на крыше дома с железным петухом, отчаянно обстреливал шоссе на Бухарест. Асфальт разлетался в куски.

Орудие Романа дало несколько залпов по колокольне. Пулемет замолк, а колокол от ударов снарядов зазвонил, как к заутрене.

С аэродрома один за другим взлетали фашистские самолеты всех типов. Бомбардировщики в сопровождении «мессершмиттов» пролетели над селом к центру Бухареста. Транспортные самолеты развернулись в направлении к горам. Вокруг них вертелось несколько «фокке-вульфов», прикрывая их от возможного нападения.

Наста яростно выругался, видя, что фашистские самолеты уходят безнаказанно.

Пехота уже достигла середины села, но была остановлена ожесточенным огнем противника. На повороте улицы появилась колонна фашистских танков. Положение становилось критическим. Орудие Насты открыло по противнику огонь, но три немецких танка все же успели проскочить через позиции пехоты.

Четвертый фашистский танк, пораженный бронебойными снарядами, завертелся на месте, как раненый зверь, преградив путь остальным машинам. Несколько танков столкнулись друг с другом. И прежде чем водители успели понять, в чем дело, и объехать поврежденный танк или дать задний ход, Наста выпустил две обоймы бронебойных снарядов, повредив еще один танк. Пехотинцы пришли в себя после небольшого замешательства и пустили в ход противотанковые гранаты. Танки повернули обратно, а вырвавшиеся вперед три машины стали жертвами румынских танков.

С криком «ура!» пехотинцы достигли аэропорта, где снова были остановлены вражеским огнем.

Высоко в небе за боем следил гитлеровский самолет-разведчик. Вероятно, он сообщил своему командованию, что положение становится тяжелым, потому что вскоре над позициями появилась эскадрилья бомбардировщиков. Встреченные огнем трех орудий батареи младшего лейтенанта Арсу, самолеты сбросили бомбы куда попало.

Одна из бомб все же упала вблизи орудия капрала Романа. Взрывной волной людей отбросило в сторону. Роман первый пришел в себя. «Мессер» беспрепятственно шел по курсу, прикрывая бомбардировщик. Роман бросился к орудью вместо раненого наводчика и прильнул к прицелу. Но хищная птица вдруг свернула с курса и пошла прямо на орудие. Значит, фашистский истребитель обнаружил зенитчиков.

Роман нажал на педаль. Светлая дорожка прорезала небо. Первые снаряды перелетели мимо, остальные — попали в цель. Но «мессершмитт» уже успел открыть огонь, и стальной

шквал обрушился на орудие. Несмотря на опасность, Тудор выскочил из окопа, куда его отбросила взрывная волна, и быстро вставил в зарядник новую обойму.

Роман почувствовал себя невероятно усталым, сам еще не понимая почему, но продолжал с прежней силой нажимать на педаль, разряжая обойму, принесенную Тудором.

Смертельно раненный самолет пролетел на высоте нескольких метров, выпустив последнюю очередь по орудию и наводчику. Капрал вздрогнул, хотел приподняться с сиденья орудия, но покачнулся и скатился в окоп. Будто сквозь сон, он услышал, что где-то сзади затрещали ветки и раздался взрыв. «Значит, самолет сбит», — подумал Роман радостно.

Подбежал Тудор. Он склонился над командиром, чтобы расстегнуть ему рубашку. Дрожащие пальцы Тудора нащупали что-то теплое и жидкое, рука стала красной от крови. Он хотел ее спрятать, но Роман взял его за руку, посмотрел и попытался что-то сказать. Тудор разобрал лишь отрывки фразы.

— Вот, Тудор, цветок, возьми его, он совсем красный... Передай его Марии... там, через дорогу, после боя... Скажи, чтоб не забывала меня... И пусть бережет сына...

Бой за аэропорт кончился. Пехотинцы, танкисты, бойцы рабочей гвардии обнимались и поздравляли друг друга с победой: аэропорт был освобожден, было захвачено несколько десятков самолетов.

Над зданием вокзала аэропорта вновь развевалось трехцветное румынское знамя.

Наста и Олтенаку вывезли свои орудия и установили их на территории аэропорта, готовые в любое время отразить новую атаку с воздуха.

Иляна тем временем перевязывала раненых. К ней подошел Георге, командир роты рабочих:

— Товарищ Иляна, если ты закончила, пойдем со мной!

Девушка встала, взяла санитарную сумку и ушла вместе с Георге. Они прошли мимо пылающего дома, пересекли шоссе и направились дальше по пустынной узкой улице. Возле колодца они свернули на другую улицу и остановились у дома под номером десять.

— Войди и посмотри, есть ли там кто-нибудь.

— А кто здесь живет?

— Жена Романа, Мария. Капрал погиб в этом бою, освобождая свое село.

— Как? Что ты говоришь? — испуганно закричала Иляна. — Когда? — Она провела рукой по лбу, как бы силясь понять, что случилось, отступила назад и, заливаясь слезами, всхлипывая как ребенок, сказала:

— Нет, я не могу! Не могу!

Георге по-отечески посмотрел на нее, положил руки на вздрагивающие от рыданий плечи и один вошел во двор. Домик был маленький, аккуратный, в окошках виднелось несколько цветочных горшков. Он дернул дверь, но она была заперта. Тогда он стал стучать, но ему никто не ответил. Георге повернулся и пошел с Иляной искать орудие Романа.

Когда Тудор увидел приближающихся Георге и Иляну, он отвернулся и рукавом вытер глаза.

— Не плачь, солдат, — прозвучал дрогнувший голос Георге. — Героев не оплакивают, их чтут.

По просьбе односельчан тело Романа было оставлено дома, крестьяне сами хотели проводить его в последний путь. Мария не пришла домой и в эту ночь. После Джулештей она искала мужа в парке Чишмиджиу, а потом совсем потеряла его следы. Домой она вернуться не могла, так как село еще было занято гитлеровцами.

Вечером бронепоезд получил приказ двинуться в направлении Плоешти. Впереди шли танки, за ними — длинная колонна грузовиков с мотопехотой, замыкали шествие зенитки 101-й батареи. Орудие Романа было отремонтировано и передано ефрейтору Тудору.

Тудор замешкался у машины, взволнованно слушая шепот Иляны.

— Ты помни, что я тебя буду ждать. Поцелуй же меня. Ничего, что на нас смотрят. Пиши мне хотя бы изредка. Я знаю, времени у тебя будет мало, но все-таки пиши, а я тебе

буду писать часто-часто длинные и хорошие письма!

Бойцы рабочей гвардии провожали солдат бронепоезда, как своих братьев. Три дня они сражались вместе с врагом и выгнали его из самого дорогого для них города — Бухареста!

Вслед уходящей колонне неслось громкое «ура». И среди моря голов Тудор увидел Иляну. Она сорвала с головы косынку и размахивала ею. Ветер трепал ее распущенные волосы. Тудор знал, что впереди лежит далекий, неизвестный и трудный путь, но на душе у него было легко, светло, спокойно; его любимый город, в котором он родился и вырос, в котором выросла и его Ияна, — свободен. И вдруг тоска защемила сердце. Капрал Роман. Он остался здесь навсегда — замечательный человек, настоящий товарищ, прекрасный командир.

IV. НА ОЛТЕ

— А мы все чего-то ждем! Черт возьми, если бы мы шли пешком, мы и то были бы уже в Брашове!

Три дня назад бронепоезд остановился на шоссе перед Плоешти. Батарея находилась в резерве и занимала пустынный, перепаханный снарядами участок поля. По разбитому, усыпанному осколками шоссе уже больше недели не было никакого движения.

Ефрейтор Лука хотел во что бы то ни стало показать товарищам, что он хорошо знает город.

— Вон там, правее ограды, — показывал он пальцем, — где упала бомба, был раньше ресторанчик Матаки. Мы часто приходили туда. Мать Божия, какие у нас там бывали пирушки! Мы здорово зарабатывали на лужении посуды. Что греха таить, свинца клали больше чем следовало, но нам все сходило с рук.

— Ах вы, мерзавцы, — вскипел Безня, — так вот почему у меня болело под ложечкой всякий раз, когда я пил на Пасху вино из луженого ведра.

— А кто тебе велел пить вино на Пасху? Водки у тебя, что ли, не было? Или ты некрещеный? Я хоть и цыган, но церковные праздники встречаю как положено. У нас в Буфте такой порядок: выбираем кого-нибудь одного, тот идет в церковь, пробует просвиру, пьет вино и приносит нам того и другого. Дайте мне сейчас целый кувшин муската, я его выпью одним духом!

— А вот недалеко от нас, в Дор Мэрунт, на Яломице, есть такое вино, что пальчики оближешь, — прищелкнул языком Олтенаку.

— А я, ребята, выпил однажды в Ораде такую водку, что забыл даже, как меня зовут, — вставил Илиуц.

— Подумаешь, водка — ерунда. Вот когда мы придем в Бая-Маре, я вам дам попробовать турецкий напиток — чистый спирт!

— А я, господин старший сержант, — вздохнул Безня, — совсем не могу пить.

— Ну и дурак, — мстительно сказал Лука, который еще не забыл про луженое ведро.

— Кончится война, схожу к доктору. Я ведь собираюсь жениться, а разве можно не выпить со свекром!...

— Плохо дело. Мы не знаем, чем себя занять, и говорим глупости, — мрачно заключил Наста. — Стоим здесь уже три дня и начинаем покрываться плесенью. Мне кажется, что наше начальство решило помочь фашистам благополучно убраться из долины Праховы. Так что мы пойдем в наступление тогда, когда там уже никого не будет!

— Старший сержант прав — это наверняка устраивает наших начальников! Ведь они все четыре года, как псы, служили своим хозяевам, вместе воровали, вместе набивали карманы золотом, вместе распевали «Лили Марлен». А теперь, думаете, вот так, за здорово живешь, отвернутся от немцев и с распростертыми объятиями встретят русских?!

— Ну, найдутся такие хитрецы, которые именно так и сделают!

— Я думаю, мы ждем, пока подойдут советские войска, наших ведь слишком мало! — заметил Илиуц.

— Глупости ты говоришь, философ! Что ж мы дадим фашистам спокойно убраться? Нет, браток, надо им так всыпать, чтоб жарко стало.

Наступили сумерки. Небо нависло как темно-синий бархат.

Пушки, люди — все было покрыто пылью, будто это не батарея, а мельница, и зенитчики казались мельниками, запорощенными мукой.

К вечеру из штаба возвратился на мотоцикле младший лейтенант Арсу.

— Все в порядке, грузимся!

Около акаций появляются машины. Орудия берутся на прицеп, люди садятся в грузовики, и батарея трогается в путь. Куда? Никто не знает!

Колонна минует Плоешти, объезжает окопы, обгоняет батальон пехоты и время от времени останавливается из-за огромного скопления телег на дорогах.

Всюду — следы кровопролитных боев: разрушенные траншеи, вырванные с корнем деревья, исковерканные машины. Недалеко от дороги, рядом с разбитым пулеметом, валяются два мертвых фрица. Три перепачканных землей сапера копают ямы, а старшина стоит рядом и, сморщившись, зажимает нос. Время от времени он отворачивается от трупов и вдыхает свежий воздух.

Чем дальше продвигается колонна, тем страшнее картины войны: сожженные поселки, дома, разрушенные мосты.

Вот и Кымпина. Здесь тоже были бомбежки. Город похож на раздетую донага девушку, над которой надругались хулиганы.

Жители, рабочие-нефтяники, приветливо машут солдатам. У них изнуренный вид, но глаза светятся улыбкой.

В курортном местечке Синае в окнах богатых домов, загородных вилл видны испуганные, злые лица. Вот из роскошного особняка, возле которого батарея остановилась на привал, вышла молодая, вызывающе одетая девица с крашеными волосами, в брюках. Тудор спросил ее насмешливо:

— Это ваша вилла, барынька?

Барынька покраснела, потом позеленела от злости:

— Ах вы, голодранцы, ничего вам не дала немецкая культура...

Илиуц подскочил к ней, задыхаясь от гнева.

— Вот как, мадам! Видно, вам неплохо жилось с немцами, если вы тоскуете по их культуре.

Барынька, забыв о культуре, сплюнула и, ругаясь, как извозчик, исчезла за каштанами, растущими около виллы.

— Ха, ха, ха! Хорошо тебя проучили, девка! Вот такие, братцы, и богатели на войне! Ничего, отберут у них виллы. Вернемся с фронта и сами будем здесь отдыхать.

Двое долговязых прохожих наблюдали в монокли за этой сценой. Один из них вкрадчивым голосом, сильно грассируя, вмешался в разговор.

— Догогие солдатики... Нехогошо!...

— Mais pourquoi?¹⁴ — спросил Илиуц.

— А... vous parlez francais! Parcequ'elle est une damme¹⁵.

— Ах, вот как? Дама для определенных целей?...

— О-о! — Долговязый повернулся к своему приятелю и взял его под руку.

— Подумай, mon cher, какое безобгазие. И за что мы, несчастные беженцы из Бухагеста, так страдаем? Какие ужасные времена. Здесь и пойти-то некуда, казино и то закрыли.

— Тебе бы, бездельник, надо было быть там, в Джулештях, а не тут, в казино! —

¹⁴ Но почему же? (франц.).

¹⁵ А... вы говорите по-французски! Потому что она дама (франц.).

крикнул Лука вслед удаляющимся фигурам.

Несколько элегантных легковых машин остановилось недалеко от места привала батареи. Они прибыли из Бухареста. Какие-то господа сразу же окружили их владельцев.

— Ах, дорогой Жорж, я слышал, как вам трудно пришлось. Но почему вы теперь приехали?

— Я бежал от большевиков. Они уже у ворот столицы.

— Господи боже мой, это неслыханно! Подумать только! Большевики в Бухаресте!!!

— Тяжелые времена, дорогой мой. Наше счастье, что должны прийти и американцы. Мы не потеряем тогда нашей фабрики.

— Дай-то Бог, Жорж!

Курорт оживился. Из Бухареста непрерывно прибывали десятки «фордов», «бьюиков», «крейслеров».

Распахнулись ставни вилл. Захлопали пробки, будто винтовочные выстрелы. Заиграла музыка. Теперь уже не заводили немецкие пластинки, и «Лили Марлен» уступила место «Конго».

А обладатели блестящих фраков меняли свой официальный язык. Никто уже не говорил по-немецки, как это было совсем недавно. Повсюду слышно: How do you do?¹⁶ Thank you very much.¹⁷

Вокруг бойцов собирались простые люди, жители Синаи. Они как зачарованные слушают рассказы о боях с гитлеровцами в Бэнясе, Отопенях и Плоешти, приглашают солдат в гости, угощают сигаретами, глотком рома. А девушки в белых передниках — официантки ресторанов — суют им пакеты с бутербродами, взятыми тайком от хозяина. Нет, нет, это не кража, у хозяина много всего, а иногда продукты даже портятся. Так почему же и солдатам не попробовать! Ведь и у них, этих женщин, братья и мужья тоже в армии.

Безня встретил даже свою односельчанку Лину. Два года назад помещик взял ее из села служанкой в свою виллу.

— Иоане, может быть, выкупаешься в мраморной ванне, небось такого не видывал никто в твоём роду, — предложила она солдату.

— Ну а хозяин, Лина?

— Он уехал в Бухарест на своем «оптеле».

— На чем?

— Да на своей машине. Пойдем! Поговорим о своих деревенских.

Олтенаку, видя, что солдат колеблется, толкнул его и прошептал:

— Да иди ты, осел, не видишь, что ли, как она тебя упрашивает. Только, черт возьми, не очень-то задерживайся.

На фоне лилового неба белеют вершины Морару и креот Караймана. В охотничьем домике Пискул, лукаво подмигивая, светятся окошечки. Прахова весело журчит, будто нашептывая горам одной ей известные тайны. Кажется, наступил мир, только глухие артиллерийские выстрелы со стороны гор говорят о том, что война еще продолжается. Орудийные раскаты не смолкают до поздней ночи. И до поздней ночи в ярко освещенных виллах не прекращается веселье. Даже на улицах слышны звуки джаза и пронзительный хохот.

Танковая колонна молчит. Бойцы спят в грузовиках, сидя на скамейках, прислонясь друг к другу. Среди них и солдат Безня, недавно вернувшийся из богатой виллы. Солдаты спят беспокойно: то один, то другой внезапно вздрогнет, протрет глаза, осмотрится и, улыбаясь, снова заснет. Нет, это только сон. Фашистов в Бухаресте больше нет. И сам он жив. Так что все в порядке.

¹⁶ Как поживаете? (англ.)

¹⁷ Большое спасибо! (англ.).

Не спится лишь Думитру Айленей. Он вынимает из кармана часы и удивленно качает головой. Уже за полночь. Думитру закрывает крышку, на которой выгравировано «Костикэ Айленей».

— Бедный брат, где-то теперь в России гниют твои кости... После Сталинграда он не написал ни строчки. А год назад почтальон принес извещение: «Солдат Константин Айленей пал за веру».

Думитру сжимает часы в руке и чувствует, как они стучат, словно удары человеческого сердца. Так билось сердце Костикэ, когда после покоса они отдыхали в тени орешника. Костикэ ко всему относился с душой... Как он не хотел идти в армию!

— Кому это нужно? Фашистам? Разве не они убили нашего отца в Ойгузе? И после этого я должен воевать вместе с ними? Ну да что делать. На, возьми часы. Правда, они не бог весть какие дорогие, но ходят хорошо. И Думитру хранил эти часы во время всех бомбардировок и боев в Бухаресте, прошел вместе с ними через окопы и заграждения. Он носит их в верхнем кармане у сердца.

Утром колонна снова тронулась в путь. Машины, танки и орудия продвигались сквозь рыхлый, похожий на вату, туман, который, как закипающее молоко, поднимался из долины.

По обочине шоссе шли горные стрелки с ранцами за спиной, в лихо сдвинутых набекрень пилотках. Шинели они несли в скатках и немножко напоминали музыкантов из духового оркестра на параде.

Время от времени им приходилось останавливаться, чтобы пропустить машины, мотоциклы и танки. Стрелки, вытирая пот с лица, с завистью смотрели на счастливых, ехавших в машинах:

— Эх, видно, и на том свете так будет! Кто в карете, кто в телеге, только мы с тобой пешком...

— Эй, друг, у вас нет никого из Телеормана? — кричали стрелки бойцам, когда машины останавливались.

— Есть кто-нибудь из Крайовы?

— А из Бэрэгана? А-а? Бэрэган не то что ваша Крайова.

— А вы из какой части, ребята? Случайно, не из третьего, заячьего полка?

— Нет, он остался в Молдове, а наш Антонеску заблаговременно перебросил сюда. А вы из какого?

— Из полка антифриц.

Вдали виднеется Преद्याл. За ним, как огромная тыква, покрытый лесом Постэвар. Солнце со стороны Чиопля уже осветило вершины деревьев.

— Вы, мазилы, снимите шинели, ведь тепло же.

— А если пойдет дождь?

— Какой там дождь! Когда идет дождь, Постэвар одевает шапку. А сейчас, смотрите, ни облачка.

Колонна проходит через Преद्याл. Шоссе совершенно пустынно. И вдруг над колонной раздается пулеметная очередь. Зенитчики отцепляют орудия и подыскивают место, где можно их установить. Машинам и танкам развернуться негде, и они застывают на шоссе.

— Если прилетят «мессеры», они из нашей колонны сделают простоквашу!

— Ну нет, не такая у нас закваска!

Головная часть колонны просит прислать орудия. Машины с прицепленными орудиями быстро выдвигаются вперед. Зенитчики сидят согнувшись в машине, держа наготове автоматы. Они напряженно всматриваются в небо и прислушиваются к каждому звуку.

Проехав маленький мостик и преодолев крутые повороты Преद्याла, машины достигли головной части колонны, состоящей из танков и мотоциклов.

Капитан-танкист показывает рукой на автоцистерны со свастикой на борту, проходящие внизу, по долине.

Орудия снова отцепляют и устанавливают на поворотах серпантина. Кажется, что они отдыхают на ступени огромной винтовой лестницы.

Рядом — кладбище героев 1916 года. На ржавых, покосившихся крестах с трудом можно разобрать надписи, на которых написаны одни и те же слова: «Пал в боях с немцами!» А выше, прямо у выхода из Предрял а, стоит величественный, потемневший от времени бронзовый памятник поэту Сэулеску, герою боев в Предряле в 1916 году.

Наста, Олтенаку и Тудор подносят боеприпасы, проверяют и заряжают орудия и ждут появления гитлеровской колонны автоцистерн, которая скрылась за поворотом.

Как бы предчувствуя опасность, на шоссе сначала появляется только одна машина. В кабине машины виден пригнувшийся к рулю гитлеровец.

— Огонь! — командует Арсу.

Первый снаряд, потом еще три — и автоцистерна вспыхнула.

Через некоторое время, когда огонь загоревшейся машины стал затухать, другая автоцистерна выскочила из-за поворота, но и ее постигла та же участь. Дорога на Тимиш была заблокирована, гитлеровцы, бросив автомашины с горючим, отступили к северу. Это была последняя нефть, которую гитлеровцы пытались вывезти из долины Праховы.

Ночью гитлеровцы оставили Брашов. Жители города встретили своих освободителей хлебом и солью. Из Брашова танковые части двинулись по шоссе, идущему на Мидиаш через Фэгэраш, Чинку, Агниту. 101-я зенитная батарея вместе с пехотинцами и кавалеристами выступила в направлении Сфынтул-Георге.

По замыслу румынского командования немецкие альпийские дивизии должны были быть окружены в районе между Олтом и Мурешем. Но на Олте гитлеровцы не дали возможности румынским войскам продвинуться дальше. В первых числах сентября фронт стабилизировался.

Зенитная батарея заняла позиции у выхода из Хармана прямо перед селом Илиени, еще занятым хортистами.

Из Бухареста через освобожденную долину Праховы шли на фронт эшелоны с войсками и боеприпасами. На станции Брашов ежедневно разгружались сотни вагонов, но железнодорожный узел все же не успевал справляться со всей этой массой людей и техники. Поэтому многие эшелоны останавливались за две станции до Брашова, и солдаты шли маршем прямо на Хэрман, минуя Брашов.

Однажды вечером появились пандуры. Известие о том, что хорошо обученные и вооруженные советским оружием воины выгрузились в районе боевых действий у Хэрман — Илиени, вызвало такое воодушевление среди солдат, что они буквально осаждали тех, кому уже посчастливилось с ними встретиться. Прибывший в Илиени из Брашова связной 6-го Кэлэрашского полка, хваставший, что он своими глазами видел панду ров, был буквально атакован солдатами.

— Значит, ты говорил с ними?

— Ну как же все это случилось?

— Как они выглядят?

— Прекрасно, приятель. Все на них новенькое. Одеты во все советское, курят русскую махорку, и оружие у них первый сорт; в общем, войско что надо. И без ругани и зуботычин, не то что у нас.

— Скажешь тоже... Армия без зуботычин все равно что свадьба без музыкантов.

— Дайте ему рассказать! Значит, ты говоришь, они идут сюда?

— Да, сегодня же ночью они должны занять позиции между нами и горными стрелками.

Если бы вдруг стало известно, что кто-то прибыл с Луны или с далекой планеты, то и подобная весть была бы встречена, пожалуй, с меньшим интересом, чем приход панду ров. Солдаты возбужденно переговаривались. Подумать только, целая дивизия, да нет, даже две дивизии: говорят, недавно сформирована еще одна! Представляете, в открытом бою, бок о бок с советскими войсками, расквитаться с гитлеровцами за всю их «помощь» и «заботы»! Вот это здорово!

Той же ночью добровольцы-пандуры заняли позиции. Справа от 101-й батареи окопалась рота противотанковых ружей.

Лейтенант Вишан, командир роты, и младший лейтенант Костя, пришли навестить своего соседа младшего лейтенанта Арсу.

По свежевырытому окопу Илиуц проводил их на командный пункт батареи.

— Принимаете гостей? — спросили пандуры.

— Милости просим. Извините только, в квартире еще нет ванны...

— Да у нас тоже пока нет. Дождя-то еще не было... — поддержал шутку Вишан.

— Стаканчик рому?

— Ну вот еще. Когда идешь на свидание, берешь с собой что-нибудь получше! — Костя вынул из кармана фляжку с водкой.

Выпив но глотку, все склонились над картой, освещенной электрическим фонарем. Вишан и Арсу договорились о взаимодействии в бою, условились о едином коде и сигналах. Наста вместе с несколькими зенитчиками попросился в роту пандуров.

— Хотите нанести нам ответный визит? — спросил его Вишан.

Арсу разрешил.

По дороге сержант-пандур Епуре рассказал зенитчикам о том, как вся его рота попала в плен на Дону в 1942 году, как застрелился дурак-капитан, как они, румынские военнопленные, словно стадо, под конвоем, долго добирались до лагеря. Здесь они медленно, очень медленно стали приходить в себя и разбираться в происшедшем. Нет, не они, а буржуазия и правительство, пославшие их сюда на смерть, были виноваты в том, что Румыния воевала с Россией. Вскоре делегация военнопленных попросила разрешения у советского командования принять участие в борьбе против фашистов. Советское правительство пошло навстречу военнопленным. Они прошли подготовку в специальном лагере под Рязанью и отправились на фронт. События 23 августа застали их дивизию на Днестре. Пандуры дошли до Бухареста и двинулись оттуда дальше на фронт.

Айленей свернул самокрутку из махорки, предложенной ему сержантом Епуре, и спросил:

— А в каком полку вы были, когда попали в плен?

— В двадцать втором Дымбовицком.

— В двадцать втором?! — Айленей бросило в дрожь. Ведь его брат был тоже в том же полку... — В двадцать втором полку тринадцатой дивизии?

— Да-да, именно так!

— Может, вы знали моего брата, он погиб под Чернышевской. Так было написано в телеграмме, присланной нам из полка.

— Я тоже попал в плен под Чернышевской. Как звали твоего брата?

— Капрал Айленей Константин... Он был пулеметчиком.

— Айленей Константин? И ты говоришь, он погиб?

— Да, мы получили извещение, мама уже четыре раза варила кутью с тех пор.

— Ну что тебе сказать? Я не помню, чтобы у нас был пулеметчик-капрал с такой фамилией. Но у нас есть офицер-пандур, командир третьей роты, младший лейтенант. Его зовут не то Апарией, не то Айленей.

— Да нет, какой там офицер!... Мой брат простой капрал!

— Эхе... Это ничего не значит. У нас, пандуров, как и в Красной армии, каждый солдат может стать офицером, если у него голова на плечах. Вот, например, младший лейтенант Костя тоже был сержантом. Понимаешь?

Айленей недоверчиво покачал головой. Документ есть документ: «Капрал Айленей Константин пал за веру». Мертвые не воскресают. Только Лазарь — воскрес, да и то в Библии. А он, Думитру, в святых не верит.

Епуре бросил на землю окуроч, растер его сапогом и стал внимательно слушать сержанта Насту, который рассказывал о том, как тяжело им пришлось на фронте в Джулештях во время налетов и как они захватили немецкую батарею ночью 23 августа.

Вспомнив о Сасу, Наста сжал кулаки и выругался:

— Сволочь, предатель, сбежал с фрицами. Попался бы он мне, я бы с него шкуру спустил.

Пандуры слушали как «зачарованные и с восхищением смотрели на Насту и остальных зенитчиков. Да, им есть чем похвалиться. Что ни говори, немецкая зенитная батарея и два «мессершмитта»! А вот пандуры еще не получили боевого крещения, они еще не воевали с фашистами.

Айленей уже ничего не слышал. «А если все-таки Костикэ жив... — думал он. — Ведь и Епуре считался погибшим. Да и тысячи других пленных... Может быть, и Костикэ удалось спастись. Может, он был только ранен. Его могли подобрать русские...»

Сержант Наста кончил рассказывать, зенитчики собирались возвращаться к себе на батарею. Расстались, как старые друзья.

Епуре, видя погрустневшего Айленея, который тоже собрался уходить, поднялся с копны сена и обнял его.

— Давай пойдем в третью роту. Сам посмотришь на нашего младшего лейтенанта. Терять тебе нечего. Если это не он, уснешь спокойно. А так будешь мучиться всю ночь...

— Как же можно будить офицера, сержант? Он же обругает нас за то, что мы подняли его среди ночи.

— У нас, браток, никто не ругается и никто рук не распускает, у нас ко всем человеческое отношение, понял? Ну, может, удивится — и только. Да и удивительного ничего нет. Кто теперь не ищет родных? Пойдем! Тут недалеко, всего сто метров.

— Ну, ладно, сержант. Может быть, это снимет камень с моей души.

Наста и зенитчики остановились.

— Мы подождем тебя здесь, Айленей, — сказал Наста. — Только осторожно, не разбудите фрица!

Епуре и Айленей ушли. Острые листья кукурузы блестели в свете луны. Одна за другой гасли звезды, и только Полярная звезда мерцала холодным спокойным светом.

Слышались одиночные выстрелы. Изредка в небо взвивались красные нити, на концах которых вспыхивали яркие белые звезды, освещая Олт, поле и позиции румынских частей. Тогда Епуре и Айленей прижимались к земле и лежали неподвижно до тех пор, пока вражеская ракета не гасла. Когда они подошли к 3-й роте, их окликнул часовой.

— Я не могу вас пропустить, — заупрямился капрал. — По-вашему, мы не должны соблюдать дисциплину? Младший лейтенант отдал приказ никого не пропускать в расположение роты.

Епуре попытался его уговорить, но Айленей прервал его:

— Не надо, сержант, все равно там нет моего брата...

— Да что ты, парень, зря мы, что ли, пришли сюда?

Услышав, что незнакомый солдат ищет брата, которого считают погибшим, капрал подобрел. У него тоже есть брат. Сказали, что он пропал без вести. Что если он пойдет на поиски пропавшего брата и часовой его не пропустит?

— Послушай, солдат, ведь рота велика... почему ты думаешь, что он именно здесь, и почему ты пришел искать его ночью? А как звали твоего брата?

— Айленей Константин!

— Айленей? Есть у нас такой. Это наш командир. И зовут его тоже Константин. Он стал младшим лейтенантом, когда мы были на Днестре.

— Как? Значит, раньше он не был офицером?

— Нет, конечно! Он был не то сержантом, не то старшиной, точно не помню...

В темноте послышались шаги. Часовой повернул винтовку, направив ее в ту сторону, откуда раздался шум, и тихо спросил:

— Стой, кто идет?

— Младший лейтенант Айленей. С кем ты говоришь, капрал Соаре?

Зенитчик шагнул вперед. Он не видел офицера. Но голос... Голос был таким

знакомым... Правда, теперь он стал суровым и решительным, но все-таки это был голос его брата.

— Господин младший лейтенант, я солдат Айленей Думитру...

Тяжелые мозолистые руки обхватили Думитру за плечи и притянули к себе.

— Митя, неужели это ты, малыш!

— Костикэ, дорогой... Ты жив! Если бы ты знал, как плакала мама. Как часто я видел тебя во сне... Значит, ты жив. Дай Бог здоровья тем, кто спас тебя...

— Ну, перестань, а то я тоже заплачу.

Солдат и офицер, обнявшись, долго сидели в окопе, под одной шинелью.

Солдат вытащил из нагрудного кармана часы, на крышке которых было выгравировано имя...

— Возьми их обратно, Костикэ. Они нужны тебе больше. Я с ними никогда не расставался.

— Оставь их себе, малыш, оставь навсегда... Я купил другие там, в России...

Той же ночью в стареньком домике в Излазе Романацилор радостно сжалось во сне сердце матери. Ей приснилось, будто оба ее сына вернулись домой; стоят под окном и стучат по стеклу. Она вскакивает с постели и настезь распахивает окно. Но там никого нет. Холодный, осенний ветер с Дуная гнет айву у маленького домика, и дерево тихонько стучит своими ветвями.

Сыночки мои родненькие!...

И старушка вытерла набежавшие слезы; сколько ей пришлось их пролить, когда ее муж не вернулся из-под Ойтуза! Все же сейчас ей стало легче: мгла, окружавшая ее, рассеивалась и светлела. Где-то в глубине души она почувствовала какое-то облегчение. На востоке занималась заря. Начинало светать.

Вот уже несколько дней, как село Илиени не знало ни минуты покоя. Гитлеровцы и хортисты, чувствуя, что им долго здесь не продержаться, заминировали дорогу, ведущую на полустанок Кикин и на Доболи де жос, рыскали по домам, улицам, садам. Если до начала сентября в селе стояло только две-три роты СС, то теперь здесь расположилось несколько полков. С наступлением сумерек никто из жителей села не имел права выходить из дому, зажигать огонь. А если кто-нибудь на какое-то мгновение открывал дверь и при этом мелькал слабый луч света, гитлеровцы тут же стреляли из автомата. Поэтому в селе лампы вообще перестали зажигать.

Известие о том, что Румыния теперь сражается против фашистов, быстро дошло и до Ардяла. Сельская знать, румынские и венгерские кулаки во главе со старостой, писарем и жандармом ходили сами не свои. Они знали, что скоро румынские и советские войска перейдут Карпаты и освободят Ардял. Если староста и писарь еще на что-то надеялись, то старший жандарм не находил себе места от страха. Ведь тех трех крестьян (двух румын и одного венгра), которых он расстрелял год назад, не скоро забудут на селе. И сейчас, как ни старался он заискивать перед односельчанами, он чувствовал — прощенья не будет.

Испокон веков в Илиениях жили румыны и венгры. Крестьяне вместе обрабатывали землю, помогали друг другу, делились горьким трудовым хлебом.

И из века в век каждую осень на селе играли свадьбы: румыны женились на венгерках, венгры — на румынках. И сколько ни старались румынские и венгерские кулаки, либералы, царанисты, а затем и хортисты поссорить крестьян, натравить румын и венгров друг на друга — все было напрасно. И по-прежнему игрались на селе свадьбы, где румын женился на венгерке, а венгр — на румынке.

Так было и с Ириной Олтяну.

Ирина родилась в Брэиле. Она рано осталась сиротой и выросла в сиротском доме. Еще в приюте она помогала на кухне, убирала в спальне, и директриса пожалела ее и устроила учиться в школу.

И вот в 1936 году молодая учительница получила место в начальной школе в Илиениях.

Она была совсем одинока — ни родных, ни друзей. Вскоре она поняла: ее друзья крестьяне. Только они относились к ней хорошо. Сельские же богачи, не найдя в ней свою единомышленницу, стали просить министерство отозвать девушку, как не справившуюся со своими обязанностями.

Ирина билась почти два года, получая нищенское жалование. В угоду богачам все учителя сторонились ее. Не раз ей приходила в голову мысль уехать отсюда, попросить другое назначение. Но Ирина не сдавалась: она должна была остаться здесь учить крестьянских детей.

Летом 1938 года во время страшной засухи Ирина заболела малярией. Она лежала в комнате одна, голодная, без лекарств; уже два месяца она не получала жалованья.

О ней позаботился красивый крестьянский парень венгр. Он привез из Сфынтул-Георге доктора, купил ей лекарств, а его мать каждый день приносила Ирине куриный бульон.

Девушка больше не чувствовала себя одинокой. Ее покровителя звали Иштван Картеш. Он окончил всего семь классов, но зато был сильным и очень трудолюбивым. Все кулаки старались заполучить его к себе в батраки. Но Картеш трудился на своем клочке земли. Он уже давно любил Ирину, но скрывал это от всех.

Через месяц после выздоровления Ирина вышла замуж за Картеша, и крестьяне весело погуляли на их свадьбе, а вскоре и на крестинах близнецов — Никулая и Илоны.

Потом Илиени попали под власть хортистов. Ирину, как румынку, сразу же уволили с работы.

Ее муж поехал в Будапешт искать справедливости, но был обвинен в прорумынских настроениях и попал сначала в лагерь, а потом в венгерскую армию, в кавалерийский полк, который был вскоре послан на Восточный фронт.

Четыре года Ирина жила без мужа, без работы, одна с маленькими детьми. Последние два года она не получала никаких известий об Иштване. Наконец пришла бумажка, в которой сообщалось, что Иштван Картеш пропал без вести.

Одна с двумя детьми! И всего два югеря¹⁸ земли! Но Ирина попросила у соседа-венгра плуг, волов и вспахала свой клочок земли, чтобы иметь возможность как-нибудь прокормить детей. Соседи помогали ей. И она снова убедилась, как много значит дружба бедных людей.

Однажды ночью ей приснилось, будто Иштван вернулся домой. После этого она и наяву бредила его возвращением. Она верила, что он вернется.

И Ирина ждала освобождения. Она слышала, что пандуры в Хэрмане. Скоро они освободят Илиени. Ирина потеряла сон. Она часто стояла по ночам у открытого окна, ожидая, не принесет ли ветер какую-нибудь весточку из Брашова о приближении освободителей.

Маленькие Никулай и Илона сладко спят. Ирина счастлива уже тем, что у ее детей есть мать и им не приходится воспитываться в сиротском доме, как ей самой.

Вдруг выстрел из орудия, стоящего позади ее дома, разбудил малышей. Задрожала земля, ребята испуганно заплакали.

— Ничего, ничего, детки, это просто немцы играют со своими пушками у нас в саду. Пойдемте в подпол.

К утру гитлеровские орудия смолкли. Наступила зловещая тишина.

Только слышно, как мерно катит свои воды Олт. А если хорошо прислушаться, то, пожалуй, можно услышать, как в гневном молчании идут по родной земле пандуры, «погибшие у Волги и Дона». Они переправляются через Олт и все ближе подходят к Илиениям. Сейчас они встретятся с врагом; это их боевое крещение. Как долго они ждали этого часа! Противотанковая рота подошла к окраине села. 101-я батарея заняла позицию у большого фруктового сада. Арсу, Наста, Олтенаку, Илиуц, Тудор понимают друг друга без слов. Они ведут наблюдение за дорогой, за тем флангом, где протекает Олт, и дают

¹⁸ Югерь — двадцать десятин.

возможность панду рам войти в село. Приказано огня не открывать до того, как противник заметит передвижение частей.

Стоит предутренняя тишина. Солдат Айленей смотрит куда-то вправо: там, на правом фланге, его брат-офицер, вместе со всеми пандурами тоже готов к бою.

Тишину нарушает глухой скрежет гусениц. И вдруг на позиции румынских частей обрушивается целый град пуль, яркий свет ракет освещает небо, десятки тяжелых орудий выплевывают в сторону пандуров огненные снаряды, разлетающиеся на тысячи раскаленных осколков. Это сигнал. В атаку идут пандуры. Они неудержимо катятся вперед к переднему краю противника, как волны моря к скалистому берегу. Вперед, только вперед!

Ирина услышала тихие голоса. Кто-то говорил по-румынски. Пришли! Через маленькое окошко в подполе в предрассветном тумане она увидела сержанта, который осторожно полз около ее дома. Вот он приподнялся и подал знак кому-то позади себя. И сейчас же залаял пулемет.

У Ирины перехватило дыхание. Немцы! Ведь в саду немцы! У них есть и орудия, и танки... Надо предупредить своих!

Она накинула платок на плечи и бросилась к люку. Крестьяне, находившиеся вместе с ней в подполе, пытались ее остановить.

— Нет, нет, я должна их предупредить! Это мой долг!

Она подняла люк и вдруг увидела, что какой-то офицер в румынской форме направил на нее пистолет.

— Не стреляйте, я румынка. Там, в саду, немцы... У них танки и орудия. Я вас проведу, пойдемте...

Младший лейтенант Айленей со своей ротой ворвался в сад. Началась ожесточенная рукопашная схватка.

На дороге появилось шесть гитлеровских танков. Они, словно слепые чудовища, безжалостно шли прямо на солдат-пандуров. Младший лейтенант Айленей, раненный, едва держась на ногах, нечеловеческим усилием сделал несколько шагов навстречу приближающемуся танку. Он посмотрел в сторону зениток, махнул рукой и, напрягая голос, закричал:

— Митя! Не пропускайте врага!

Солдат Айленей вздрогнул. Ему показалось, будто он слышит голос брата. Он повернул орудие и вдруг в ужасе вскрикнул: фашистский танк надвигался прямо на Костикэ. «Почему он не прячется, почему стоит прямо перед танком? Как же я могу открыть огонь? Ведь я попаду в него?!»

Но Думитру все понял, когда увидел, что Костикэ с миной в руке бросился под танк. Страшный взрыв пригвоздил к месту стальную махину.

Солдат Айленей с ожесточением стрелял по танкам. Он не плакал. Он не имел права плакать! Его глаза должны были быть сухими и ясными. Он должен хорошо видеть врага, чтобы вести по нему огонь, чтобы отомстить за брата, погибшего за освобождение родной земли...

Бой становился все более ожесточенным. Фашистские танки вклинились в нашу оборону и стремились изолировать их от соседей, сорвать атаку.

В отделении сержанта Епуре кончились патроны для противотанковых ружей. А танки все шли и шли. Как их остановишь? А если сделать так же, как младший лейтенант Айленей? Не беда, что под рукой нет противотанковой мины, можно взять просто связку гранат, залечь в окопе и, когда танк подойдет совсем близко, броситься под него. Гусеницы пройдут по гранатам и тогда танк не пройдет!

И танк не прошел. Он стоит исковерканный на обочине шоссе. Рядом с ним лежит тело сержанта.

Но подходят другие танки. Их пять. Сверху пикирует вражеский самолет, яростно сбрасывая бомбу за бомбой.

101-я батарея готова к бою. Младший лейтенант Арсу молча показывает зенитчикам на

небо и дает команду «Огонь». Фашистские самолеты наспех сбрасывают свой смертоносный груз, так что бомбы сыплются даже на немецкие позиции, и улетают. Но вот идет новая волна самолетов, а фашистские танки опять ворвались в Илиени. Ирина не хочет этому верить. Она так мечтала об этом дне, четыре года она ждала своих освободителей... Но они попали в беду!...

И вдруг Ирина услышала отдаленный грохот. Не помня себя она побежала по шоссе к деревне Доболи, откуда доносился шум. Вдали показались танки. Неужели фашисты? Тогда конец! Но нет! У фашистов должна быть свастика, а на этих танках горят яркие звезды. Большие красные звезды! Это же советские танки!

— Друзья! Мы знали, что вы придете. Мы так ждали вас! Спасите наше село!...

К вечеру Илиени, первое трансильванское село, было освобождено от фашистов.

Старики, женщины и дети высыпали на улицу. Они обнимаются, смеются, целуют советских танкистов и плачут от радости.

Ирина прижимает детей к груди. Никулай и Илона никак не могут понять, почему их мама плачет. Когда они вырастут, Ирина им обо всем расскажет. Она ничего не забудет. Разве можно забыть то, что произошло в Илиениях?! Разве можно забыть младшего лейтенанта Айленя, сержанта Епуре и других героев? Она будет помнить о них всю жизнь.

V. НА МУРЕШЕ И ТЫРНАВЕ

После взятия Илиеней батарея младшего лейтенанта Арсу получила приказ вновь слиться с бронеполком. В ту же ночь зенитчики двинулись в путь.

Батарея догнала отряд на шоссе за Агнитой, недалеко от города Блаж.

Когда вошли в город, ефрейтор Тудор обнаружил, что его орудие нуждается в срочном ремонте. Случайно встреченный на окраине города автомеханик сказал зенитчикам, что в городе есть мастерская с автогенным аппаратом; там и можно будет починить орудие.

И действительно цех автогенной сварки Бухарестского авиационного завода был эвакуирован в Блаж еще весной из-за частых бомбардировок столицы. Этот цех расположился на Блажском выгоне, приспособленном теперь под аэродром.

Сюда после революционного переворота 23 августа была эвакуирована из Турды вся гражданская и военная авиация.

На аэродроме царил полнейший беспорядок. Без всякого присмотра здесь скопились румынские самолеты и немецкие с еще не стертой на бортах свастикой. Аэродром чем-то напоминал музей авиационной техники: сотни устаревших самолетов разных типов заняли несколько гектаров выгона.

Командир батареи Арсу приказал старшему сержанту Насте вместе с ефрейтором Тудором и орудийным расчетом доставить орудие на аэродром и как можно скорее его отремонтировать; батарея продолжала свой марш по долине Тырнавы, в направлении Четатя де Балтэ.

Разыскав начальника аэродрома, Наста доложил ему о прибытии орудия, и тот сразу же вызвал сварщика. Вместе с Настой сварщик направился к ангару. Тудор вместе с солдатами вталкивал орудие в ворота ангара. Вдруг он услышал чей-то очень знакомый голос:

— С той стороны, ребята, в другие ворота.

Тудор вздрогнул и обернулся. Рядом с Настой шел человек в фуражке, сдвинутой на затылок, в очках, с сигаретой во рту.

Тудор бросился ему навстречу:

— Отец!

— Тудор! Сын! Вот так встреча! Как мама?

— Здорова, скучает по тебе. А ты как?

Захлебываясь от радости, перескакивая с одной мысли на другую, Тудор стал рассказывать о Джулештях, о знакомстве с товарищем Георге, о бое в Бэнясе. Он хотел рассказать и об Иляне, но не решился.

Проверяя карбид и натягивая шланг, Марин слушал своего сына, и его охватывало чувство гордости. Да, он сумел вырастить его храбрым и честным! А как он боялся оставлять его одного! Но нет, он был не один, он жил среди солдат, он нашел товарища Георге, а через него — путь к правде...

— Кто тебя познакомил с Георге?

Тудор покраснел.

— Иляна.

— Вот как? Иляна чудесная девушка... Она уже окончила школу?

— Да. Я тоже окончу, отец. Как только разделаемся с фашистами, обещаю тебе. Но почему ты скрывал от меня, что ты коммунист? Конечно, я понимаю, ты боялся за маму. Она бы переживала за двоих...

Марин улыбнулся. Значит, Тудор знает о нем все. Старому мастеру стало легче на душе. Он боролся тайно, а сын его борется сейчас открыто против того же врага, рядом с теми же друзьями.

Марин включил аппарат. Сильная огненная струя вырвалась из шланга. Нагнувшись над орудием, как хирург над операционным столом, и надвинув на глаза темные очки, он сшивал трещину на шасси нитью из расплавленного металла. Через несколько минут на месте сварки осталась только красная полоска, как рубец после раны.

Не успела погаснуть последняя искра, как в воздухе послышалось продолжительное гудение.

— Воздух! В укрытие! — крикнул кто-то у ворот ангара. Все кинулись к убежищам.

Наста вышел из ангара. Со стороны Тырnavы, из-за холма, покрытого виноградником, появились три серых «мессера».

Они пролетели на большой скорости над Блажем, сделали круг над беззащитным городом и затем на бреющем полете стали поливать из пулеметов дома и улицы. Было обеденное время, и перепуганные жители, бросив начатый обед, бежали на окраину города, ища укрытия в садах и виноградниках. Женщины с криком бежали по улицам, таща за собой плачущих детей. Некоторых настигала пулеметная очередь, и они, взмахнув руками, падали в дорожную пыль.

Повернув на юг, фашистские самолеты обнаружили аэродром и, как голодные стервятники, обрушились на стоявшие там машины. Старые беспомощные самолеты были легкой добычей для «мессеров». Несколько самолетов загорелось. Крылья самолетов трещали, охваченные играющими языками пламени. Солдаты из пожарной команды тушили огонь, но «мессеры» вновь возвращались, и пламя охватывало все новые и новые самолеты.

Фашистские пираты совсем обнаглели, они перешли на бреющий полет и летали над самой землей, осыпая аэродром градом зажигательных пуль.

Вдруг Тудор вспомнил, что у них в грузовике есть ящик со снарядами; он подбежал к грузовику, снял ящик и поднес его к воротам ангара.

Наста моментально зарядил обойму. Тудор в это время вместе с солдатами осторожно вытащил орудие из ангара. Он глянул в прицел как раз в тот момент, когда головной самолет делал новый заход над аэродромом.

— Пусть долетит до ангара, — крикнул Наста. На лбу у него блестящими крупинками выступил пот. — Даю голову на отсечение, что мы общипаем хоть одного из них. Положись на меня. Следи за приборами!

— Господин старший сержант, первый самолет уже в прицеле...

— Держи его так! И когда скажу — бей прямо в клюв, слышишь? Ишь ты, как разошелся, сукин сын! Думает, здесь нет ни одной зенитки! Ну и повезло же нам, Тудор, что твое орудие стало на ремонт!

«Мессеры» снова открыли огонь и безнаказанно подожгли еще две или три машины. Головной самолет опустился так низко, что, казалось, в него можно было попасть камнем. Он летел на высоте 50... 40... 30 метров... Вот пепельно-серое брюхо попало в прицел.

— Бей его, Тудорикэ. Бей!

Наста впервые отдавал неуставную команду. Слыхали? Бей его, Тудорикэ!...

Первый снаряд прошел возле пропеллера, остальные прорешетили фюзеляж фашистского стервятника.

— Целься во второй самолет! — радостно закричал Наста.

Но второй самолет трусливо свернул с курса и повернул назад; за ним пошел и последний самолет звена.

Тем временем головная машина, завывая, как смертельно раненный зверь, падала. Охваченная пламенем, она врезалась в землю возле Сола.

— Ура! Ура! — раздалось со всех концов. Это кричали жители Блажа, рабочие, летчики, наблюдавшие за боем из укрытия. С трудом пробираясь сквозь толпу, начальник аэродрома спешил к артиллеристам.

— Молодцы ребята! Поздравляю! Вы настоящие герои! Не будь вас, фашисты сожгли бы весь аэродром. Я немедленно доложу о вас командованию армии. Никогда не думал, что эта тридцатисемимиллиметровая пушечка может так хорошо бить!

— Ну, это зависит от того, кто из нее стреляет, господин командир, — улыбаясь, сказал Марин.

— В самом деле, кто же из вас стрелял?

— Ефрейтор Тудор Улмяну, — ответил, вытянувшись, наводчик.

— Это мой сын, господин командир, — произнес с гордостью Марин. — Я думал, он прихвастнул, когда рассказывал о боях под Бухарестом, а теперь вижу, что нет.

В тот же день командованию румынской армии сообщили об отваге зенитчиков. Ефрейтора Улмяну представили к награде.

Под вечер, когда Наста с товарищами прибыл в район Четатя де Балтэ в расположение своей батареи и хотел доложить о происшедшем, младший лейтенант Арсу, не дав ему произнести ни слова, крепко обнял его. Он уже знал о подвиге артиллеристов.

На стволе второго орудия появился еще один кружок. Теперь оно заняло первое место в батарее, имея на счету три сбитых самолета.

После ужина быстро стемнело. Серые тучи, как фантастические горы, вырастали то на одной, то на другой стороне неба.

... Бронеотряд расположился на шоссе, ведущем в Тырнэвени. Его задачей было вести наблюдение в секторе между селами Жидвей и Четатя де Балтэ.

Установка батареи закончилась поздно вечером. Солдаты устраивались на ночлег в стогах сена. Крестьяне, покинувшие село, через которое проходила линия фронта, оставили сено прямо на поле.

Река Тырнава гнала в долину свои воды, спокойное течение которых иногда прерывалось небольшими порогами.

Проверив посты, младший лейтенант Арсу вошел в укрытие, где находился сержант Илиуц. С некоторых пор Арсу стал приглядываться к Илиуцу, старался чаще бывать с ним. Ему нравился этот смелый, умный и решительный человек, нравилось его на редкость добросовестное отношение к своим обязанностям. Илиуц, например, никогда не допускал, чтобы кто-нибудь другой нес или чистил его прибор. Дальномер — это глаза батареи, без него она сразу ослепнет. Если в показаниях дальномера будет допущена погрешность хотя на одну тысячную, то, как бы верно ни была определена скорость самолета, как бы мастерски ни были произведены расчеты, как бы хорошо ни велась стрельба, все пойдет насмарку.

Да и в любом деле, если допустишь ошибку в самом начале, все потом пойдет прахом.

Арсу хорошо знает об этом из опыта своей учительской жизни. В первом классе ребенок очень живой и любознательный, а когда через несколько лет ему вручают аттестат об окончании школы, он мало что знает и ничем не интересуется. Почему? Потому что систему обучения нужно изменить. Но об этом никто не думает — ни министр, ни инспектор, ни учителя. Никому нет дела до того, что большинство детей не ходит в школу. Зимой им не в чем: нечего одеть и обуть, а летом им нужно пасти коров. Но директор школы всегда готов выдать аттестат то за овцу, то за поросенка, то за пять мерок кукурузы. Чем

больше он выдаст аттестатов, тем больше будет у него доход. А от него что-то перепадет ревизору, от ревизора — инспектору. Да и сам министр не останется в обиде. А если же совесть не позволяет тебе делать подобные вещи, то все они непременно нагрянут к тебе с проверкой. «Хочешь, чтобы за границей над нами смеялись? Плюнь ты на этих мужиков, выдай им аттестаты. Ведь одно или два добавочных жалованья тебе не помешают. Если никто не будет брать взятки, то как же мы будем жить?»

Так мы сами себя обманывали. Вот почему у нас в армии много неграмотных солдат. А ведь все они имеют аттестаты об окончании четырех классов!

Арсу и сам не заметил, что начал высказывать свои мысли вслух.

— Возьмем, к примеру, нашу батарею, господин младший лейтенант, — поддержал его Илиуц. — В ней шестьдесят человек. Только я один окончил политехнический институт, да и то случайно. Впрочем, и в румынской армии я случайно, призывали-то меня в вермахт. Затем Тудор, он окончил шесть классов гимназии, Наста — четыре класса начальной школы, Олтяну не закончил трех классов, Ставараке — два класса и Лука — один класс. Остальные пятьдесят четыре человека — совершенно неграмотные, причем сорок из них имеют аттестаты по полной форме.

— Знаю, знаю, Илиуц, все обвиняют в этом учителей. Но рыба портится с головы, не так ли? А эти неграмотные парни, которых постоянно держали в темноте, здесь, на фронте, жертвуют своей жизнью. Они многое узнали и теперь хотят знать правду, с надеждой думают о будущем.

— Да, будущее — это главное. Но будущее нужно готовить уже сейчас. В шестнадцатом году¹⁹ мы тоже воевали за будущее, а что из этого вышло!

— Верно, Илиуц, но ведь сейчас сорок четвертый. Мы уничтожили в нашей стране фашистский режим. Неужели ты не понимаешь, что прошлое больше не вернется?

Недалеко от укрытия собралась группа солдат. У них тоже свои разговоры. Вот Лука смотрит на черное, как смола, небо и восклицает:

— Эх, самое подходящее время лошадей красть!

Безня поглядывает на него с недоверием:

— Где уж тебе! Не таким, как ты, красть лошадей!

— Не таким, как я? Да знаешь ли ты, что я однажды украл у одного барышника сразу двух лошадей. Меня булибаша²⁰ на это послал.

— Врешь!

— Да упадет бомба на мою голову, если это не так. Пусть Бог лишит меня ног! Я пригнал пару двухлетних жеребцов из Кревадня через Влашку... Я их заметил еще с вечера, подождал, пока барышник даст им корму и воды, и затем, как только подошли сторожевые псы, вывел их из конюшни.

— От чего же они подошли? Ты что, дал им отравы?

— Зачем отравы? Я их накормил мамалыгой с булавками. Проглотили такую пилюлю, и все.

— А как же ты вывел жеребцов из конюшни?

— Это, друг, профессиональная тайна. Я расскажу тебе, ты разболтаешь другому, у нас появятся конкуренты. Так и прогореть можно...

Тудор тоже не мог уснуть. Если бы была луна, он написал бы письмо в Бухарест. Поезда уже начали ходить, правда, только два раза в день. Если бы он написал письмо сегодня вечером, завтра бы связной отвез его на почту, послезавтра письмо было бы доставлено к поезду, а через четыре-пять дней почтальон постучал бы в калитку дома № 66 на улице Фрасин...

¹⁹ В 1916 году Румыния вступила в Первую мировую войну. — Прим. ред.

²⁰ Вожак цыганского табора.

— Почта-а!

Тудор представил себе, как Иляна подбегает к калитке, берет письмо, рвет конверт и читает: «Дорогая Иляна, вчера я сбил самолет...» Нет, слишком много хвастовства с первых же строк. Сначала лучше спросить, как она поживает, написать, что он тоскует, сказать, чтобы она не беспокоилась, что фронт — это, в общем, пустяки; правда, бывают и тяжелые дни, как вчера, например, когда он сбил вражеский самолет, но это бывает редко. Попросить ее, чтобы она достала ему учебники для седьмого и восьмого классов гимназии — после возвращения с фронта он хочет сдать экстерном экзамены сразу за два года. Ой! Чуть было не забыл. В Блаже встретил отца. Он передает всем привет, особый привет Георге. Что еще? Надеется, что вскоре будет освобожден Клуж, что к Новому году, если дела пойдут так же хорошо, все вернутся домой...

Арсу и Илиуц не спали. И только поздно ночью, когда все разговоры о прошлой жизни были исчерпаны, они улеглись на обочине шоссе.

Очевидно, где-то была гроза, и Четатя де Балтэ величественно вырисовывалась в ярком свете зарниц, изредка освещавших небо. Это была старая крепость, построенная лет пятьсот назад колонистами-тевтонами, которые поселились на австро-венгерской границе, чтобы у короля или императора были на границе надежные люди для защиты вновь захваченных чужих земель. Чаще всего эти земли были румынскими. Правда, некоторые румынские господа, например Штефан Великий²¹, давали отпор захватчику. Когда австро-венгры вторглись в Байю, Матиаш едва спасся, получив на память два удара копьем в спину. В знак «дружбы» с храбрым правителем Штефан Великий получил позднее в дар крепости Чичеу и Четатя де Балтэ.

И кто знает, может быть, как раз на том месте, где сейчас с автоматами в руках ходят охраняющие батарею зенитчики, несколько столетий назад стояли на страже лучники Штефана Великого, присланные сюда из Молдовы. Да, много видели эти древние стены! Изгнанная княжна ожидала здесь своего мужа, арапник боярина полосовал спину крепостного, военный совет заседал здесь перед боем.

После 23 августа 1944 года хортисты совершали набеги из Ардяля на пограничные села и города. Так было в Турде, в Лудуше и в районе Тырнэвени, где находится крепость Четатя де Балтэ. Гитлеровцы, после того как румыны повернули против них оружие, в бешенстве поджигали дома румынских крестьян, убивали детей, насиловали женщин.

В селе Корнешти хортисты захватили разведывательный дозор одного из румынских пехотных полков. Когда через несколько часов после этого полк вступил в село, глазам солдат представилась страшная картина: голые, с выколотыми глазами, изуродованные дозорные лежали в канаве с нечистотами.

Зенитчики еще вечером узнали от пехотинцев, расположившихся на правом фланге, о судьбе дозора. В ту ночь Арсу и Илиуц долго не могли уснуть. Почти одновременно они заметили, как на шоссе появились две машины. Тонкие полоски света плохо замаскированных фар пронизывали ночь.

— Смотри, Илиуц, эти чудачки, видно, и не подозревают, что противник совсем близко. И какой дурак послал их сюда в такой поздний час?

— Нужно остановить их, пусть потушат фары, — сказал Илиуц.
Машины приближались.

Не успели Арсу и Илиуц выпрыгнуть из окопа, как головная машина остановилась в нескольких шагах от них. Сквозь приглушенный шум мотора кто-то крикнул по-немецки:

— Хайль Гитлер!... Здесь шестьдесят девятый полк СС?

Арсу как обухом по голове ударили. Что-то сдавило ему горло и перехватило дыхание. Ночь была такой темной, что рассмотреть говорившего было совершенно невозможно. Арсу растерялся и оцепенел от неожиданности. Мысль выхватить пистолет даже и не пришла ему

²¹ Господарь Молдовы в 1457—1504 гг. — Прим. ред.

в голову. Далее все произошло с молниеносной быстротой. Едва немец повторил свой вопрос, в котором уже чувствовалась некоторая настороженность, как Илиуц на чистом немецком языке ответил, что не знает точно, где находится 69-й полк СС, так как они с батареей прибыли сюда недавно, несколько часов назад. Но он слышал, что этот полк расположился несколько сзади, и удивляется, как машины могли проехать мимо него.

— Danke!²² — прервал его раздраженный голос.

— Schnell! Schnell! Zur²³! — последнее, видимо, относилось к шоферу.

— По фашистским машинам, огонь!... — скомандовал опомнившийся Арсу.

Выстрелы зенитных орудий нарушили тишину ночи.

Вспыхнул бензобак одной из машин, и артиллеристы увидели немецкий «фольксваген»; два гитлеровца выскочили из него и бросились в канаву, пытаясь скрыться.

Но это им не удалось. Несколько подбежавших артиллеристов окружили их и взяли в плен.

Второй машине удалось вырваться далеко вперед. Через некоторое время ее остановил начальник пропускного пункта соседней части, поднятой по тревоге. Он очень удивился, когда увидел в свете фонаря выходящего из машины разъяренного румынского офицера.

— Ты что, старшина, с ума сошел, потуши свет! Я с зенитной батареей.

— Как, со сто первой батареи?

— Да, да, со сто первой, — сказал офицер с легкой дрожью в голосе. Нас атаковали броневые автомобили. Я еду на трофейной машине в штаб дивизии.

— Ваш пропуск, господин младший лейтенант. После девяти часов всех проезжающих через КПП нужно регистрировать...

— На, смотри... Ну что, все в порядке?

— Одну минуточку, я только запишу в книгу вашу фамилию: младший лейтенант Сасу...

— Да, да... Эрнест Сасу... Записывай поскорее.

— Пожалуйста, можете проезжать.

Старшина отдал честь, и машина исчезла в темноте.

На второй день командование вынесло благодарность батарее за взятие в плен двух фашистов: гауптмана Штробля и фельдфебеля Шфагера. Начальник пропускного пункта получил взыскание за то, что упустил предателя Сасу.

Артиллеристы были вне себя.

— Как же так, не схватить Сасу!

— Да, не повезло нам. Лучше бы мы упустили гауптмана, его бы все равно задержали на КПП.

Вскоре стало известно, каким образом попали в расположение румынских войск эти две немецкие машины. Они следовали из Сын-Паула в Лудуш, но перепутали дорогу и, вместо того чтобы поехать на восток, поехали на юг, перпендикулярно шоссе Блаж — Тырнэвени. Ночь была темной, и они смогли незаметно проскочить мимо румынского сторожевого охранения.

...На следующий день танки с ходу атаковали город Тырнэвени и освободили его. Зенитчики проехали через город и расположились севернее, на шоссе, ведущем к Тыргу-Муреш, на холме Кучердя.

Было воскресенье, 10 сентября. Колокола звали к молитве, в город возвращались бежавшие в леса люди. По всем дорогам бесконечной вереницей тянулись повозки, поднимая к небу столб пыли, видневшийся за версту.

— Как бы опять не налетела авиация, — крикнул Олтенаку, показывая на обоз,

²² Спасибо! (нем.)

²³ Быстро, быстро, назад (нем.).

который извивался у подножия холма, занятого зенитчиками.

— Вполне возможно, — подтвердил Илиуц, устанавливая свой дальномер на вершине холма.

Зенитчики уже давно заметили, что каждый раз, когда бронепоезд продвигался на большой скорости, поднимая пыль, в небе появлялись гитлеровские самолеты; и вот с некоторых пор во главе колонны шли две автоцистерны с установленными на них разбрызгивателями, которые прибавали дорожную пыль, скрывая от немцев продвижение бронепоезда. Налеты авиации на колонну значительно уменьшились и происходили лишь в тех случаях, когда гитлеровский разведывательный самолет случайно оказывался над колонной. И когда горбатые бомбардировщики с пронзительным свистом пикировали на колонну, она растягивалась, оцетинившись стволами зенитных орудий и пулеметов.

Батарея младшего лейтенанта Арсу заняла позицию. На позиции это не то что во время марша, когда негде развернуть орудия, ограничено поле обзора, да еще шоферы только и знают, что гнать машину.

Арсу любил устраивать укрытие, когда батарея располагалась на позиции. Он обкладывал укрытие белой плетеной ракией, а длинную нишу с небольшим выступом, служившим ему полкой для книг, драпировал полевой полынью. У него было только две книги: «Апостол» Цезаря Петреску и «Ион» Ливиу Ребряну. Обремененный заботами, одурманенный политиками и попами, задавленный бедностью, старый трансильванский учитель Херделя²⁴ с большим трудом сводил концы с концами; он старался выдать своих дочерей замуж, скрыть свою бедность перед селом. Сколько унижений претерпел он из-за куска хлеба!

— И в нынешнем румынском селе, — думал Арсу, — ничто не изменилось. То же взяточничество, та же бедность, может быть, даже еще более жестокая, та же продажность и за церковными дверями, и за воротами поместья.

Десять лет назад, получив диплом с отличием, Арсу приехал в село Триану на берегу Дуная. Он мечтал бороться за правду, мечтал все село научить грамоте. Но в действительности все случилось не так, как он хотел. Всю осень школа совершала «экскурсии» то на виноградник директора школы Оцетя, то на мельницу, принадлежащую священнику Юлиану, то в усадьбу помещика. Ведь Оцетя имел десять гектаров виноградника, священник Бэлану построил вместе с псаломщиком Ристикэ вальцовую мельницу и маслобойню, а помещик усиленно занимался разведением хлопка и кукурузы. И все они были не прочь воспользоваться даровым трудом. А вечерами помещик приглашал в гости в свою усадьбу всю сельскую знать: он любил выдавать себя за добродетельного, хлебосольного хозяина. На самом деле больше всего ему нравилось всеобщее повиновение. Самое главное — добиться, чтобы его боялись и слушались, чтобы не повторился 1907 год²⁵, когда крестьяне подожгли старую помещичью усадьбу его родителей.

Вначале Арсу был принят в поместье очень хорошо. Помещик выдавал себя за просвещенного человека, любил беседовать с «апостолами» села, читал Руссо, любил похвастаться, что несколько лет учился в Париже. Однако все это, говорил он, хорошо только в книгах.

— Детям наших крестьян не нужны школа, учитель. У нас и так достаточно безработных интеллигентов. Нам нужны рабочие руки. Наша страна по своему призванию аграрная, и школой для крестьянских детей должны быть борозда, скотный двор, кукурузное поле. А учиться нужно сыновьям священников, старост, жандармов, учителей. Иначе кто придет на смену сельской интеллигенции? Ведь это традиция!

Но Арсу не хотел следовать помещичьей традиции. Он заходил вечерами к крестьянам,

²⁴ Герой романа Ливиу Ребряну «Ион».

²⁵ В 1907 году в Румынии вспыхнуло крупное крестьянское восстание. — Прим. ред.

беседовал с ними, убеждал, что их дети должны быть грамотными, чтобы в будущем понимать, почему одни едят до отвала, а другие умирают от голода.

Директор Оцетя посоветовал учителю не вставать на пути помещика. Арсу лишь пожал плечами, а на другой день отказался вести свой класс на «экскурсию» по сбору хвороста в помещичьем лесу.

Вечером к нему пришли родители детей из его класса.

— Господин учитель, мы не хотим ссориться с помещиком, у нас с ним договор. Пустите детей на «скурсию», не делайте беды. А если не хотите, мы переведем их в класс госпожи Фицы.

Госпожа Фица — жена Оцети и сестра священника — дама, интересующаяся молодыми людьми, вначале была на стороне нового учителя. Но когда Арсу отказался посетить ее, она из кошечки превратилась в тигрицу.

К счастью, в село приехал молодой фельдшер, который взялся за «лечение» госпожи Фицу, успокаивал ее нервы, особенно в дни, когда Оцетя уезжал в город.

Через два года Арсу был переведен в соседнее, еще более бедное село Чуперчени. И здесь все крестьяне были должниками трианского помещика. Помещик имел руку не только у префекта города Турну, но и в парламенте, в Бухаресте. Когда спустя еще два года Арсу опять перевели в село Сяка, расположенное на земле того же помещика, он понял, что сделать ничего нельзя.

В 1941 году Арсу призвали в армию. Он был рад, что наконец-то вырвался из этого заколдованного круга, где господствовала тирания помещиков и жандармов. Вместе с десятками тысяч других людей он был послан прямо в район боевых действий. В армии его оскорбляли кадровые офицеры, он был свидетелем массовых грабежей, происходивших в Одессе, видел, как больные, завшивевшие солдаты, брошенные на произвол судьбы, гибли, как мухи. И он был почти счастлив, когда его ранили в плечо.

В госпитале, в Кишиневе, была та же обстановка. Размалеванные дамы из Красного Креста флиртовали с врачами, расхищали медикаменты, а раненые целыми днями лежали на носилках, плодили вшей и червей в ранах, на которых неделями не менялись повязки.

Только один раз в Кишиневском госпитале вдруг засияла необычайная чистота, правда, всего лишь на несколько дней. Чистое постельное белье и новое нижнее белье для раненых, медикаменты на столике у каждой койки, температурный листок у изголовья — все говорило о том, что ожидается важный визит. Даже питание стало гораздо лучше: кроме каждодневной чорбы, давали еще что-нибудь на второе.

Спустя несколько дней после этих лихорадочных приготовлений в госпитале появился генерал с моноклем и несколько дам из Патронажа²⁶, среди них была сама мадам Антонеску. Весь персонал выстроился в шеренгу, и главный врач госпиталя отрапортовал:

— Господин министр, тыловой военный госпиталь рад приветствовать высоких гостей!

Министр и дамы, щедро расточая улыбки, совершили обход палат.

После обхода в госпитале в честь высоких гостей был устроен банкет.

К обеду прибыл грузовик, полный посылки, а с ними два кинооператора.

Мадам Антонеску и несколько дам из Красного Креста раздавали раненым подарки, улыбаясь и позируя перед киноаппаратом, который увековечил этот великодушный акт.

Не успела колонна легковых автомобилей выехать за ворота госпиталя, как в палате появился главный врач госпиталя.

— Все! Отдавайте назад посылки, ребята. В других госпиталях тоже будут кино съемки.

— Господин майор, разве это не подарки?

— Подарки-то подарки, только не для вас, а для кино. Разве вы не знаете, как ведется пропаганда? Все как в театре!

²⁶ Благотворительное общество.

После того как орудия были смазаны, Тудор разрешил расчету отдыхать, а сам, немного волнуясь, начал писать письмо Иляне. Он говорил с Иляной, держа бумагу на коленях и забыв на секунду о противнике, о войне, обо всем на свете...

Ставараке вытащил из кармана колокольчик и с гордостью показал его Безне.

— Где ты взял это?

— Память о Жидвей.

— Велика важность, колокольчик. Ты лучше посмотри, братец, какое ожерелье я стащил у одного мироеда в Грэешгах. Чистое золото. Подарок для Агриппины. Ей золото очень идет...

Заметив в руках Луки сверкающее на солнце ожерелье, Арсу подошел к солдатам.

— Лука, что это у тебя?

Солдат нехотя разжал руку. Взбешенный Арсу собрал батарею. Рассказав перед строем о поступке Луки, он предупредил солдат, что каждого, кто позволит себе повторить что-либо подобное, он, Арсу, пристрелит на месте, как собаку.

— Мы же освободители, а не мародеры. А ты... Ты, видно, Лука, забыл, что находишься в армии, а не в цыганском таборе? Вот что Илиуц, садись в машину и вместе с Лукой поезжай в Грэешти. Там вызови в примарию²⁷ пострадавшего и при свидетелях передай ему ожерелье. Не забудь взять расписку с подписью и печатью.

— Я не могу, господин младший лейтенант, мне совестно.

— Выполняйте приказание, сержант. А ожерелье пусть передаст Лука.

Лука опустил голову.

Затем младший лейтенант проверил ранцы солдат. Правда, он нашел только мелочь, но его возмущала сама позорная привычка к воровству. «Эх, да разве только они виноваты в этом? — размышлял Арсу. — Что они знают о морали, о том, что хорошо и что плохо? Кто их учил этому? Они ведь даже расписаться не умеют! Нет! Нужно менять все в основе. И в армии тоже нужно многое изменить! Что видит призванный в армию рекрут? Воровство, взяточничество, махинации на призывном пункте, подношения офицеру, дающему солдату увольнительную. Нет, нужно менять все, решительно все!»

Неожиданно раздался гул, напоминающий жужжание осы. На горизонте, со стороны Тыргу-Муреша, показалось несколько самолетов, летящих клином, как стая журавлей.

Арсу с досады сплюнул: и зачем он только отослал дальномерщика?

— Разрешите мне перейти к дальномеру, господин младший лейтенант, — сразу понял Арсу Наста, — я учился вместе с Илиуцем, справлюсь. Это «юнгерсы». Пока они долетят до нас, мы успеем произвести расчеты.

— А как твое орудие?

— Все будет в порядке. В моем расчете каждый знает свое дело не хуже меня, особенно наводчик Ставараке. Я его ни на кого не променяю.

— Ладно, старший сержант, переходи к дальномеру.

Увидев самолеты, беженцы бросились врассыпную. Они на своем горьком опыте знали, к чему ведет скопление людей и повозок на прифронтовых дорогах.

Сирены заводов, расположенных на окраине, резко, протяжно завывали. Из города по шоссе мчалось несколько машин, со станции отошел поезд с рабочими, на берег реки Тырнава и к глубоким карьерам красного песка бежали люди.

Так и не успев закончить письма, Тудор вместе с орудийным расчетом ждал приближения бомбардировщиков.

— Четыре тысячи, три тысячи, две тысячи, — считал Наста, впившись в дальномер.

Но самолеты изменили курс и направились к скоплению повозок. Сделав широкий разворот, они с пронзительным ревом обрушились на растянувшийся обоз, обстреливая его из пулеметов и пушек.

²⁷ Сельская управа.

Несколько лошадей сорвались с места и бешеным галопом помчались далеко в поле. С повозок прыгали люди, падали сундуки, узлы.

Белый жеребец, раненный в горло, встал на дыбы. Из его холки била кровь. Он упал на спину, задергал ногами и, обессилев, безжизненно застыл.

Какой-то мужчина в сапогах и белой рубашке, подпоясанный красным кушаком, нес на руках женщину; из ее рта сочилась черная клейкая струйка крови.

Поле, вспаханное бомбами и засеянное тысячами пуль, представляло собой жуткую картину кровавого побоища.

Батарея молчала. Только когда один из самолетов вошел в пике и снизился так, что можно было различить черный крест на его крыльях, Арсу подал команду открыть огонь. Со снарядами зенитных орудий скрестились пулеметные очереди с самолета. «Юнкере» продолжал пикировать с тем же оглушительным воем и пронзительным свистом, ведя огонь из всех пулеметов и приближаясь с головокружительной быстротой. Из-под желтоватого фюзеляжа оторвалась черная точка; Арсу видел, как она быстро приближается. В ту же секунду он заметил, что в фашистский самолет попало сразу три снаряда.

— Братцы, «юнкере» упал... Так и не вышел из пике, — крикнул Наста дрожащим от радости голосом.

Тудор прервал его, указывая рукой на небо:

— Внимание, справа новая волна самолетов!

Арсу хотел сделать шаг вперед, но почувствовал, что в спину ему будто глубоко вонзился нож, боль отдалась в желудке. Арсу согнулся, а затем упал, обессиленный. Мокрые, дрожащие руки нащупали пуговицу на френче. Арсу стал смотреть, как она блестит в лучах полуденного солнца. Боли он больше не ощущал. Хотелось отдохнуть, уснуть, как после долгого, бесконечно долгого пути. Он шел по нему через нищие села, через помещичьи усадьбы, по широким украинским степям и заканчивал его здесь, в Тырнэвнях.

...Тудор видел, как быстро растет оторвавшаяся от головного самолета черная точка. Он выпустил всю обойму и успел заметить, что его снаряды повредили фашистский самолет.

Потом его орудие зазвенело под градом осколков. Прицел был разбит, затвор поврежден в нескольких местах. Откуда-то доносился протяжный свист. Он догадался, что это летят осколки малокалиберных снарядов, выпущенных с самолета.

Тудор внезапно почувствовал какой-то зуд в левой ноге. Не сводя глаз с подбитого самолета, он инстинктивно почесал ногу. Рука нащупала возле колена что-то теплое и стала мокрой. Взглянув, он увидел, что обмотка и штанина пропитаны кровью. «Господи, — неожиданно подумал он, — как же я теперь буду танцевать с Иляной на свадьбе?»

Раздавшийся в это время взрыв заставил его броситься на землю.

...Возвратившись на батарею, Илиуц быстро соскочил с машины и поспешил на командный пункт. За ним, опустив голову, спешил Лука. Сейчас он подойдет к Арсу и скажет:

«Господин младший лейтенант! Больше это никогда не повторится».

Но когда он увидел, что Арсу лежит на земле с белым как мел лицом, слова застряли у него в горле. Бой только что окончился. Илиуц склонился над офицером.

— Не волнуйтесь, господин младший лейтенант, рана не опасная, скоро поправитесь, — успокаивал он Арсу. — А хозяин ожерелья очень благодарен вам, он желает вам доброго здоровья. Лука извинился перед ним там же, в примарии. Крестьяне нас даже рюмкой водки и хлебом угостили. И расписку мы получили.

Но младший лейтенант лишь улыбнулся мертвенно бледными, пересохшими губами и устало закрыл глубоко запавшие глаза.

Рядом с ним на одеяле лежал Тудор. Его ранило в ногу осколками снаряда. Один осколок попал в вену, и кровотечение никак не удавалось остановить.

Арсу и Тудора уложили в машину. Илиуц повез их в Тырнэвеньский полевой госпиталь.

Через полчаса начальник полевого госпиталя, осмотрев раненых, беспомощно пожал

плечами.

— Господин сержант, офицер очень плох. Я ничем не могу ему помочь. Если он к вечеру не будет доставлен в Фэгэршский фронтовой госпиталь, то я ни за что не ручаюсь... Вам он очень дорог?

— Да, как родной брат, доктор. Простите, господин капитан!

— Я бы предпочел быть просто доктором. А вы кто по специальности?

— Был инженером, а теперь зенитчик. Для родины сейчас важнее уметь бить врага, чем решать интегралы...

Немного подумав, капитан вместе с Илиуцем вышел во двор госпиталя. За забором стоял замаскированный «физлер».

— Я прилетел на нем из Фэгэраша, — сказал капитан, — и привез самые необходимые медикаменты. Надо их сгрузить и этим же самолетом отправить офицера с ранеными. Через час самолет будет в госпитале.

Адъютант²⁸ Ангел ругался, проклиная свою судьбу пилота. Он не хотел лететь сейчас, а тем более с ранеными.

— Бросьте, Ангел, это же необходимо. Все равно вы завтра возвратились бы один. Раненых нужно оперировать, и как можно скорее. Боюсь, что офицер, несмотря на морфий и камфору, не выдержит.

— Я понимаю, господин капитан, — отвечал адъютант Ангел, который должен был доставить раненых, — но нас могут сбить даже свои, если обнаружат в воздухе подобную птицу.

— А если бы вы были ранены? Что бы вы почувствовали, если бы вас кто-нибудь отказался везти в госпиталь? Подумайте, Ангел?

— Ладно, я полечу, но здесь меня вы больше не увидите. Поступлю в летную боевую часть. Там хоть знаешь, что ты летчик, а не извозчик или похоронное бюро.

К одному крылу самолета привязали Арсу, к другому — Тудора.

Когда после укола Тудор пришел в себя, самолет, пробежав несколько метров, уже оторвался от земли.

Тудор никак не мог понять, где находится. Посмотрев вверх, он увидел несколько прикрепленных к фанере стальных тросов. Над ним была синевая неба. Тудор хотел немного приподняться, но почувствовал, что у него связаны руки и ноги. Порыв воздуха заставил его опустить голову. Значит, он летит. Ободренный быстротой полета, он посмотрел налево и через выпуклое стекло кабины увидел пилота. Пилот, как бы почувствовав на себе взгляд Тудора, успокоил его улыбкой, затем отвернулся и стал смотреть вперед. На другом крыле с закрытыми глазами неподвижно лежал Арсу.

Самолет летел на небольшой высоте. Тудор посмотрел вниз.

Где-то сзади и справа рвались снаряды — там фронт, там гибнут люди. Впереди — небольшие возвышенности, кукурузное поле, рыжеватые виноградники, зеленые сады и серебристые, прозрачные реки. Железная дорога выглядит точь-в-точь как на карте. Домики под красными черепичными крышами похожи на спичечные коробки; там и сям, на бескрайних пастбищах неподвижные стада коров и овец, величиной с булавочную головку. Сверху все кажется патриархальным, как в стихах Александри²⁹. Какой это город сейчас под ними? Чистые, ровные улицы и заводские трубы, пыхтящие, как маленькие трубки с табаком. Тудор призвал на помощь свои познания в географии, стал вспоминать, что расположено на карте между Тырнэвениями и Фэгэрашем, и вспомнил: Блаж. Там, на

²⁸ Первый офицерский чин в авиации в королевской румынской армии.

²⁹ Александри, Василе (1821—1890) — румынский поэт и драматург. Его «Пастели» и «Легенды» отличаются превосходными описаниями природы. — Прим. ред.

аэродроме, отец своим автогенным аппаратом сварил ему орудие. Хорошо, что отец ничего не знает. А то только будет зря волноваться и, не дай бог, матери расскажет.

Где же аэродром, черт его побери? Никаких признаков. Значит, это не Блаж. Да и откуда в Блаже взяться заводам? Ведь там была только «фабрика» попов³⁰. Значит, это Медиаш. Ну конечно, это Медиаш — промышленный город на реке Тырнава-Маре. Все-таки не зря у него была пятерка по географии! Но почему самолет летит в Медиаш? Почему он делает такой крюк и не летит прямо в Фэгэраш?

Вдали видны Карпаты, купающие свои вершины в лучах солнца. Горы отливают золотом и серебром. Вот вершина горы Молдовяну, а рядом с ней — Нягой. Как они величественны и сколько в них богатств!

Чьи это стихи?

«Наши горы золото носят,
А мы по дворам подаяние просим...»

«Нет, больше мы не будем просить подаяния. Все будет принадлежать нам, народу. За это мы сейчас воюем, за это отдаем жизни».

Как хорошо было бы, если бы самолет перелетел через Карпаты и опустился в Бухаресте. С тех пор, как он покинул этот город, прошло только две недели, но он уже сильно соскучился по нему. Здесь он родился, провел тяжелое детство, радовался, когда весна засыпала Джулешти цветами, когда в горы возвращались перелетные птицы. Здесь он встретился с Иляной, понял, что значит долг перед родиной!

Но что это там вдали? Аисты? Как высоко они летят! А вот те, другие, совсем низко. Почему они вертятся, как карусель? Аисты подлетают все ближе и ближе. Нет, это, конечно, не аисты, а самолеты. Вероятно, это эскадрилья румынских самолетов, летящих к линии фронта. Кажется, это пикирующие бомбардировщики ИАР-81. Нет, в профиль они больше похожи на «мессершмитты». Почему же наша зенитная артиллерия не встречает их огнем, почему поблизости нет ни одного нашего самолета?

Тудора охватил страх: «А если это действительно «мессершмитты»? Его опасения оправдались. Головное звено свернуло с маршрута и, спустившись немного вниз, окружило санитарный самолет: на крыле истребителя, летевшего над ними на высоте всего нескольких метров, был ясно виден черный крест, обведенный желтым кругом. Тудор бросил взгляд на пилота: его встревоженный вид подтвердил опасения раненого. Какая глупая штука жизнь! Стоило избежать смерти в бою, чтобы по пути в госпиталь погибнуть совершенно беспомощным. Ему хотелось крикнуть: «Не стреляйте, негодяи, неужели вы не видите, что на этом дряхлом санитарном самолете нет ни оружия, ни бомб, ни даже парашютов. Здесь только раненые!»

Страшно умирать, после того как лишь два часа назад спасся от смерти. Почему он не остался в полевом госпитале? А что было бы тогда с Арсу? Тудор приподнял голову и взглянул на младшего лейтенанта. Арсу лежал спокойно, он, видимо, спал, не зная, что его ждет. Ему повезло, он умрет, так и не узнав мучительных минут ожидания смерти.

«Я не хочу умирать», — простонал Тудор и, напрягая все силы, попытался высвободить хоть одну руку. Но веревка по-прежнему сжимала его, как в тисках.

Самолеты покружились, словно ястребы, учуявшие жертву, и развернулись как для атаки.

Тудор закрыл глаза и, крепко сжав челюсти, заскрежетал зубами. Неужели конец?!

Адский шум над головой трижды отдалялся и вновь нарастал. Затем вдруг стало удивительно тихо.

«Мессершмитты» удалились. А санитарный самолет летел дальше. Второй раз за

³⁰ В Блаже находится Базилианский монастырь.

сегодняшний день он вырвался из когтей смерти. Признаться, он не ожидал, что фашисты будут придерживаться правила — не обстреливать санитарные самолеты с ранеными. Вдруг Тудор почувствовал себя очень плохо, у него началась рвота, в голове зашумело. Он пришел в себя, лишь когда сильный толчок подсказал ему, что они приземлились. Вот и посадочная площадка, в глубине ее расположен ангар с белым полотном на крыше, вот флюгер, около него — санитарная машина, рядом с которой приземлился самолет.

Когда Тудора положили на носилки, он со слезами радости на глазах поблагодарил пилота.

— Спасибо, господин адъютант, дай вам бог долгих лет жизни. Видели? Выходит, и среди фашистских летчиков есть порядочные люди.

— Порядочные... Как бы не так. Клянусь, что больше никогда не буду летать в такой неразберихе.

— Все же они не стреляли в нас, раненых...

— Ну да, не стреляли... Потому что наш самолет с черными крестами. Фашисты бросили самолет, когда удирали из Медиаша.

Так вот в чем дело! Теперь Тудор понял, почему их самолет летел почти параллельно фронту далеко за Медиашем. Когда подняли носилки и поставили их в санитарную машину, он услышал, как врач сказал сестре:

— Этого быстро в госпиталь в третье хирургическое отделение. Офицера оставить в морге.

В машине по дороге в госпиталь ефрейтор протянул руку и дотронулся до холодного лба, провел по запавшим щекам Арсу... И сквозь монотонный шум мотора сестра услышала приглушенные всхлипывания, перемежающиеся прерывистыми стонами.

— Го-о-спо-дин ле-е-йте-нант...

VI. К ВЫСОТЕ ФЕЛЯК

Дни текли быстро, как горные родники. Они рождались вместе с рассветом, освещали изнуренные в тяжелых боях лица шагающих по дороге солдат и умирали в сумерках, часто унося в вечность ночи молодые сердца, неисполненные мечты и желания.

Так было с Арсу и многими другими.

В батарее осталось только одно орудие, остальные были разбиты в боях под Кучердя. Приехавшие на грузовике рабочие из ремонтной мастерской погрузили их и повезли куда-то в тыл, на завод.

Прибыл новый командир. Бойцы встретили его холодно: не могли забыть Арсу. Батарея узнала о его смерти из письма Тудора, присланного им из госпиталя. В тот день Наста, Олтенаку, Безня и Лука сварили кутью в крестьянской хате, а потом зашли в церковь и попросили священника отслужить по Арсу панихиду.

И опять все вошло в свою колею. Только батарея была преобразована теперь в стрелковую роту, состоящую из двух взводов. Первым взводом командовал старший сержант Наста, вторым — сержант Илиуц.

Олтенаку по-прежнему оставался у орудия. Машины были переданы другим подразделениям.

Новый командир, младший лейтенант Илия Ботяну, недавно окончил военную школу. Одновременно с назначением на должность командира роты, он получил и первое боевое крещение во время атаки у станции Лудуш. Ботяну залег рядом с Настой, они вели огонь по группе фашистов, укрывшихся за несколькими товарными вагонами. Вдруг прямо перед ними из окопа поднялся гитлеровец с гранатой в руке. Ботяну немного растерялся.

— Стреляй, чего ждешь? — крикнул ему Наста.

Ботяну нажал на спусковой крючок. Немец согнулся, удивленно глядя на него большими глазами, затем упал, вцепившись руками в землю.

У Ботяну на секунду закружилась голова. Это был первый человек, которого он убил.

Возле уха просвистела пуля, затем вторая, третья... Ботяну бросился вперед, беспорядочно стреляя по сторонам.

Когда бой кончился и наступила тишина, он вырвал у Насты висевшую у него на поясе флягу с ромом.

— Пейте, пейте, господин младший лейтенант. После атаки всегда мучит жажда, будто в груди горит.

— Спасибо, старший сержант, — сказал Ботяну, жадно глотая обжигающую горло жидкость, стараясь скорее забыть первого убитого им человека.

— Не думайте больше о нем, черт с ним, с фашистом. Вначале всегда так. Ничего, привыкнете.

Если мы не будем стрелять в них, то они уничтожат нас. А как обидно не дожить до победы! Я еще в Бухаресте решил остерегаться шальной пули, не потому, что боюсь, нет — я хочу дойти целым и невредимым до Клужа.

— Вы из Клужа?

— Нет, я из села Бондица, недалеко от Клужа. Дома не был четыре месяца.

— Как четыре месяца? Ведь Трансильвания уже четыре года в руках хортистов.

— Верно, но я трижды тайно переходил границу.

Вокруг них собрались люди. Илиуц и Олтенаку вспомнили, как в Джулештях по субботам все поочередно получали увольнение до следующего вечера, а Наста ждал целый месяц, чтобы поехать на четыре дня в Турду.

— Да, я просил, чтобы по увольнительной меня отпускали в Турду, как полагается. Если бы я сказал, что еду в Клуж, господин Сасу связал бы меня как сумасшедшего.

— А почему ты не остался дома, в своей Бондице?

— Тогда я работал в Бухаресте на заводе «Вулкан», а в Бондице у меня только брат да старики-родители, сестра же вышла замуж и живет в Турде.

— Тем более тебе нужно было быть дома.

— Да что говорить... Я тогда встречался с Лукрецией... Она работала вместе со мной на том же заводе. Мы хотели пожениться. Она, чертовка, свела меня с ума. За нос водила, а вышла замуж за другого. Прошло время — я успокоился, попал в армию... И вот однажды я подумал: «А не проведать ли мне своих?» Целый месяц я не брал увольнительных, и, таким образом, у меня было четыре дня. Я сел в поезд и отправился в Турду, к сестре. Граница была близко; многие переходили ее ночью, пронося с собой контрабанду. На той стороне очень нуждались в керосине. Вот и я купил полную бочку керосину, переоделся в крестьянскую одежду — я ее взял у своего кума, работавшего в Кымпия-Турзий, — и переполз границу, катя перед собой бочку. Там я продал ее довольно дорого, за три тысячи пенго³¹, и на вторую ночь пришел в свою Бондицу. Родители очень обрадовались. Они думали, что я перешел границу законно и останусь у них навсегда. Но когда они узнали, что я пробрался сюда тайком, то чуть не умерли от страха. Кроме родителей, о моем приходе знала только Нуца, дочка Буни, нашего соседа, которая на следующий день зашла к нам за ситом. За три года, с тех пор как я ушел из дому, Нуца очень похорошела. Мои родители вместе с соседями уехали в поле, и я целый день был вместе с ней. И о Лукреции забыл. Ночью я ушел. Из заработанных на керосине денег я две тысячи отдал своим, а на тысячу пенго купил шелку, как мне наказывала сестра. По эту сторону, в Турде, шелк был очень дорог. На вырученные от шелка деньги я купил два бочонка керосина для следующего раза.

Утром в Турде я переоделся в военную форму и вечером был в Бухаресте. Так я трижды переходил границу, пока меня не поймали.

— Тебя поймали?

— Да, я тогда не вернулся вовремя на батарею.

Илиуц и Олтенаку вспомнили, как однажды Наста опоздал на целые сутки и,

³¹ Денежная единица, бывшая в обращении в Венгрии во время режима Хорти.

смертельно усталый, еле доплелся до палатки. На его счастье, Сасу был тогда мертвецки пьян и ничего не узнал.

— В тот раз, взяв с собой керосин, я опять перешел границу, опять выгодно продал его и в ту же ночь пришел домой. Теперь на нашем винограднике меня всегда ожидала Нуца. Всю ночь мы просидели там вместе, не боясь, что кто-нибудь забредет сюда: виноград был еще незрелым.

— Там тебя и поймали?

— Нет, не спешите, я все расскажу по порядку. На другой день мои ушли в поле, и я опять остался с Нуцей. Нуца проводила меня до самого леса, дальше я пошел один. К рассвету я дошел до границы. Только я стал переходить ее, как меня зацапали два венгерских пограничника. Один из них был румын — парень из нашего села, звали его Чербу. Мы вместе с ним ходили в школу. Я подмигнул ему, он мне тоже; он притворился, что не знает меня, я тоже. Старший дозора, унтер-офицер, отвел меня на пограничный пост. Здесь офицер потребовал у меня документы. Видали, что захотел! Документы! Документы-то мои были в Турде, у моей сестры вместе с обмундированием. Сильно избив меня ремнем, офицер опросил:

— Откуда ты?

— Из Цара Оашулуй, начальник.

— Почему же ты хочешь перейти границу? Занимаешься шпионажем, а?

— Нет, я не хочу перейти границу, я хочу устроиться на работу в лесу, я плотогонщик.

— Ладно, ладно, посмотрим. Как твоя фамилия? Сейчас все выясним.

— Георге Шандру.

— Село?

— Негрешти, из Негрешти я, отца моего кличут Штефан Шандру, он работал в Биксаде, у лесничего.

— Закрой его в сарае и поддержи там, — приказал венгерский офицер старшему унтер-офицеру.

— Если соврал, сгинешь на каторжных работах, — угрожающе крикнул он мне.

Так я и просидел весь день, запертый в сарае, все думая, как бы вырваться оттуда. И больше всего меня пугала мысль, что я не смогу вернуться в поло женное время на батарею. Этого я боялся, пожалуй, больше, чем наказания за мой обман, если он раскроется.

Село Негрешти находится далеко, по ту сторону города Бая-Маре, и выяснить, сказал я правду или соврал, можно только по телефону. Я знал, что там действительно был плотогонщик Штефан Шандру, у которого был сын Георге, так как раньше работал с ними в городе Биксаде, на распилке бревен.

Вечером пришел Чербу и опять повел меня к офицеру. Перед входом в канцелярию он шепнул мне на ухо: «Ночью давай смоемся, слышишь? Убежим вместе...»

Офицер опять сильно избил меня. Он сказал, что Шандру действительно проживает в селе Негрешти, но его сын взят в армию и послан на фронт в Россию. Выходит, что я не его сын. А если же я его сын, то, значит, я дезертировал с фронта. Так что, говорит, от каторги ты спасен, а вот за дезертирство тебя расстреляют.

Я начал доказывать, что я действительно Георге Шандру, что меня возьмут в армию лишь осенью, что сейчас мне только 20 лет. Но офицер не обращал внимания на мои слова и стал опять меня бить.

Не помню, как я добрался до сарая. Я был еле жив. Мне казалось, что у меня поломаны все кости, стонал я беспрерывно.

— А что же Чербу?

— Пойдите, я все расскажу по порядку. Спустя некоторое время произошла смена караула. И кто бы вы думали был новым часовым? Чербу! Ночь была настолько тихой, что я слышал шелест листьев в лесу, Прошло около часа, и до моего слуха донесся тихий звук осторожно поворачиваемого в замке ключа. Я встал и подошел к двери. Я так обрадовался, что даже перестал чувствовать боль. Чербу открыл дверь и дал знак следовать за ним. Только

когда мы отошли метров на сто от сарая, он сказал:

— Через час мы будем на той стороне, в Румынии.

— А ты почему бежишь, Чербу?

— Сыт по горло службой у Хорти. А теперь меня должны отправить на фронт, в Польшу.

— А в Румынии ты что собираешься делать?

— Явлюсь в полицию как беженец. А потом поступлю на фабрику в Кымпии, там я работал до армии.

— Вот и весь мой сказ. Да, мы чуть было не наткнулись на наших же пограничников; они проходили мимо нас, но мы укрылись в кустарнике и остались незамеченными. Хотя это были уже свои, но у меня как у военнослужащего были бы большие неприятности. В Турде все смотрели на нас с удивлением. Я очень ослаб, и Чербу — он был в форме солдата венгерской армии с винтовкой на плече — поддерживал меня под руку. Но мы все-таки спокойно добрались до моей сестры. Она очень рассердилась, узнав, что я не принес ей шелку: венгерский офицер отобрал у меня весь товар. Так я и опоздал на целые сутки из увольнения. Я никому об этом случае до сегодняшнего дня не рассказывал.

— А почему до сегодняшнего?

— Потому что сегодня мы вступили в Ардял, господин младший лейтенант. Значит, скоро освободим и наше село — Бондицу. Теперь-то мы с Нуцей обязательно поженимся. Она так и не знает, почему я не пришел тогда. Но теперь не нужно будет тайком пробираться домой. Не так ли?

— Да, когда-нибудь мы все наконец доберемся до своего дома.

В ту же ночь рота двинулась по дороге на Клуж, преследуя отступающего противника. И каждый думал о Бондице как о своем родном селе. Только вместо Нуцы в тайниках сердец была Мария, Аникэ или Иоана.

На следующее утро связной доставил приказ: рота младшего лейтенанта Ботяну переходила в подчинение 2-го пехотного полка. А к вечеру по болотам, лесным тропинкам и проселочным дорогам, обгоняя повозки и походные кухни, рота вышла в отведенный ей район.

Несколько раз солдат заставляли возвращаться, говоря, будто их рота демаскирует занятые частями позиции. А артиллеристы даже грозили, что откроют по солдатам огонь, если те продвинулись хоть на один шаг. Пришлось снова возвращаться, делать крюк в несколько километров и по карте и компасу устанавливать новый маршрут. Вдобавок ко всем несчастьям пошел проливной дождь. Колонна двигалась вперед, завернувшись в плащ-палатки, медленно скользая, как огромный червь, сжимаясь при подъеме и растягиваясь при спуске. Идти было трудно: ноги утопали в липкой грязи, в лицо дул сильный ветер с дождем.

Автоматы, ручные пулеметы оттягивали плечи. Когда кто-нибудь останавливался перевести дух, следующие сзади натыкались на него и начинали ругаться.

— Эй, ты, двигайся. Что пялишь глаза на небо?

— Эх, жаль, Илья-пророк освобожден от военной службы. Дать бы ему потащить пулемет при такой погоде, сразу бы успокоился.

В пути иногда встречались раненые с исхудавшими, бледными лицами. Их везли в повозках. На одном из раненых развязался красный от крови бинт, он развевался, как лента, а конец его волочился по грязному мокрому снегу.

— Откуда раненые?

— Из-за Муреша. Весь день нас там колошматила артиллерия. И вот везу я их, сердечных, по этим оврагам и не знаю, довезу ли когда-нибудь до полевого госпиталя.

Пролетевший над колонной снаряд с силой разорвался где-то справа.

— Снаряды у них — страшные, пропади они пропадом, — вмешался в разговор один из раненых. По-видимому, он был ранен легко, так как его лицо, светившееся какой-то

затаенной хитрецей, было спокойно.

— Ну что, братец, болит?

— Очень болит, но я доволен, что теперь буду освобожден от военной службы.

— Вот так здорово! Да разве с такими вояками, как ты, мы выиграем войну?! Ты, видно, сам поднял руку из окопа и попросил, чтоб ее прострелили...

— Да? Какой ты умный. Подожди, тебе тоже прострелят, и без всякой просьбы. Доберись только до высоты триста третьей!

Наконец вечером намокшие и продрогшие солдаты добрались до своих позиций. Десятки мигающих огоньков пронзили сумерки: артиллерия противника начала очередной обстрел.

Вражеские снаряды, пролетавшие над позицией, рвались где-то далеко в тылу, их свист, пронзительный и резкий, напоминал визг поросенка.

Не обращая внимания на обстрел, 2-я рота стала рыть окопы. Проносившиеся над головой снаряды заставляли солдат прижиматься к земле.

— Даже траншею не дадут выкопать, пропади они пропадом!

— Жаль, что я не говорю по-немецки. Господин Илиуц, попросите вы их, чтобы они прекратили свою «Лили Марлен»!

— Ничего, ничего, наша тяжелая артиллерия быстро их успокоит!

— И действительно румынская тяжелая артиллерия, как бы рассердившись за то, что нарушили ее покой, ответила мощными залпами.

— Настоящая сырба³², ей-богу!

Всю ночь солдаты рыли окопы. Артиллерийская дуэль то усиливалась, то затихала. На рассвете дождь перестал. Днем работать стало еще труднее, так как окопы были только по пояс и работать приходилось согнувшись или стоя на коленях; землю носили на плащ-палатках и сбрасывали в конце окопа. Грязные, усталые, солдаты были похожи на шахтеров, вышедших из-под земли после ночной смены.

Артиллерия противника вновь открыла огонь. Солдаты уже стали различать калибры снарядов и место их падения.

— Это крупновские, стопятидесятимиллиметровые, могут угодить как раз в штаб корпуса. Бедный господин генерал, лучше бы он остался в Бухаресте и командовал оттуда по телефону. Все равно он не бывает на переднем крае.

— Что ты понимаешь! Генерал свое дело знает. Ты и отделением не сможешь командовать, а у него столько полков и дивизий!

В воздухе опять раздается свист снарядов. На этот раз один из них летит прямо на позиции.

Оглушительный шум, затем сильный взрыв заставляет солдат пригнуться. Со стороны кажется, будто все они завязывают шнурки на ботинках.

— Это опять стопятидесятимиллиметровая, братцы, — слышится голос Ставараке, стряхивающего со своих плеч землю.

— Такой снаряд в один миг вспашет полпогона земли.

— Как бы он и нас не вспахал вместе с твоими полпогонами.

Пиуу... Пиуу... Пиуу... Бах... Бах... Бах... — опять разрывают воздух снаряды. Безня крестится и укрывается в окопе.

— Брось бить поклоны, служивый, какого черта!... Разве не слышишь, что снаряды рвутся далеко от нас.

— Слышу, потому и боюсь, Лука. Лучше бы их совсем не слышал!

— Когда не слышишь — плохо: они могут упасть прямо на голову.

Новый приказ заставил солдат покинуть окопы и отойти на пять километров. Где-то на левом фланге прорвались танки противника, и еще не укрепленная позиция находилась под

³² Румынский народный танец.

угрозой.

— Лишь бы нас не окружили!

— Роешь днем и ночью окопы, а затем преподносишь их в подарок противнику!

— Генерал знает, что делает. Сейчас отступим, а потом с подкреплением вновь вернемся сюда.

— Думаешь, генерал так уж печется о наших окопах?

Пиу... Пиу... Пиу... Паф, паф, паф... — раздаются оглушительные взрывы.

Смерчи из дыма и земли рассеялись. Многие остались лежать на поле боя.

Оставшимся в живых страшно оглянуться назад, страшно увидеть кровь товарищей, которые две минуты назад бежали вместе с ними, а сейчас лежат искалеченные и изуродованные. Откуда-то появляются санитары и бережно кладут на носилки раненых.

Рота строится и отправляется дальше, пробираясь через новые окопы, через порванные телефонные провода, обходя еще не убранные трупы.

— Да простит их Бог!

— Бедняга Капрэ, он будто знал, что его ждет, быстро выкопал яму да в ней и остался.

В полдень рота остановилась на лесной опушке. Неожиданно перед ней оказались тяжелые танки противника, выбрасывающие из пулеметов одну очередь за другой.

Солдаты разбежались, как стая куропаток. Только небольшие группки по пять-шесть человек, прижавшись к земле, вели огонь по «пантерам» из пистолетов и ручных пулеметов. Но пули, ударяясь о толстую броню, бессильно расплющивались, как капли дождя, падающие на камень.

Вторая рота, занявшая круговую оборону, панике не поддавалась. Когда за танками противника появились цепи пехотинцев, Наста поддал команду: «Огонь!». Град пуль из ручных пулеметов и винтовок скосил первую волну фашистов. Следующая волна, встреченная мощным огнем, в замешательстве остановилась, а затем в беспорядке повернула назад. Прорвавшиеся вперед танки, обнаружив, что отрезаны от своей пехоты, также повернули обратно.

«Болотная артиллерия» — так Олтяну любил называть свое орудие — открыла по ним огонь.

В это время на машине прибыл генерал, и порядок в полку был восстановлен. Пристыженные солдаты были очень удивлены, когда генерал вместо того чтобы отругать их, сказал спокойно:

— Трудно, ребята, очень трудно. Но занятые позиции нужно удержать любой ценой еще день-два, пока подойдут советские войска. И тогда у нас будут и танки, и самолеты, и артиллерия. Враг еще силен и опасен, как всякий раненый зверь.

Дивизия трижды атаковала высоту 303, и трижды противник отбрасывал наступавших назад. Трижды бежали они с криками «ура» в надежде овладеть высотой и трижды, обессиленные, останавливались у ее подножия: фашисты встречали их градом пуль и снарядов. В третий раз дивизия отходила на исходные позиции; солдаты тащили за собой пулеметы, орудия, раненых...

— Видно, не одолеть нам врага...

— Да, если бы у нас были танки...

Добравшись до позиций, солдаты спустились в окопы. На одну ночь, до следующей атаки, они застрахованы от пуль, от смерти.

Тяжело отступать! К котелкам, наполненным доверху остывшей чорбой, никто, кроме Луки, не притронулся. Лишь Лука жадно поглощал еду; он никогда не мог заполнить пустоту, которую постоянно ощущал в желудке. Он мог есть даже во время обстрела или бомбежки.

Разбитые от усталости люди хотели только одно го: спать, спать, спать...

Но противник атакует. Солдаты вскакивают, выставляют винтовки на бруствер окопа и, упираясь локтями в мокрую землю, стреляют.

Опять в атаку пошли «пантеры». Но солдаты уже привыкли к ним; они знают: главное — это отрезать танки от идущей за ними пехоты.

Та-та-та, та-рам, та-рам — выстрелы из винтовок и автоматов одну за другой косят движущиеся за танками серые цепи противника.

Наста раздобыл у саперов пять противотанковых мин и расставил их в ста шагах от окопов. Но «пантеры» прошли стороной. Тогда Наста, связав гранаты проволокой, притаился в глубокой яме. Головной танк шел прямо на него. Наста быстро потянул за проволоку так, чтобы гусеница танка прошла по мине. Раздался металлический скрежет, затем сильный взрыв, и раненый танк завертелся на месте.

Солдаты с удвоенной энергией продолжали вести огонь.

— Бей фашистов, черт бы их побрал вместе с их Гитлером!

Молодой офицер Ботяну не забыл устава. Но ему казалось, что, чертыхаясь и бранясь, так же как солдаты, он лучше выражает свою ненависть, накопленную им за эти несколько дней, прошедших после боевого крещения.

— Оказывается, в обороне мы сильнее немцев.

— Может, и так, но на обороне далеко не уедешь. Выходит, нескоро мы дойдем до Бондицы...

Тем временем танки противника, решив, что они попали на минное поле, повернули назад.

Опять наступила тишина и короткая передышка. Солдаты спали сидя, зажав винтовки между ног.

Не спали только Наста и Илиуц. Оба измерили по карте расстояние: один — до Клуца, другой — до Оради. Какой маленький отрезок на карте, всего несколько сантиметров! А когда подумаешь, что он равен многим десяткам километров, становится грустно...

— Скорей бы перейти в наступление и наконец разделаться с этой альпийской дивизией!...

— Я тебя, инженер, угощу в Бондице такими индюшачьими потрохами, что пальчики оближешь. А какую свадьбу мы сыграем!... На первое подадим палинку с гусиной печенью, а на второе...

...Бух... Бух... Бух...

Три взрыва так всколыхнули землю, что одна сторона окопа отвалилась, как огромный кусок халвы.

— Ух, забодай их комар! Даже о свадьбе не дают помечтать.

Опять закипела земля, поднимая черные смерчи жидкой грязи. Опять пошли в атаку танки, но на этот раз откуда-то слева. Наста злился, что танки идут далеко от него и что он напрасно держит в руках проволоку и мины.

Но что это? Опять что-то треснуло под одним из танков. И опять подбитый танк закружился на месте.

— Смотрите, этот тоже увяз!

— Кажется, у нашего Насты появились конкуренты.

— Эх, Лука, с такими конкурентами никогда не обанкротишься!

Сколько стычек было в тот день, никто не считал. И кто знает, сколько их будет еще!

Между двумя позициями, на ничейном поле, вместе с тремя разбитыми танками лежат убитые и раненые. В промежутках между разрывами артиллерийских снарядов доносятся еле слышные стоны.

— Братцы, это я, капрал Федор, из пятой, не бросайте меня, братцы!

Но гитлеровцы не позволяли приближаться к раненым: пулеметная очередь обрушивалась на всякого, кто осмеливался приподняться и звать на помощь, даже если это были раненые немцы. Что уж тут говорить о румынских санитарях!

Младший лейтенант Ботяну как-то сразу осунулся и постарел. Один день боев стоит больше, чем все годы учения в военной школе. Ему казалось, что он всю жизнь только и

делал, что шел в атаку или оборонялся. Порой он чувствовал, что у него подкашиваются ноги, ему казалось, что он медленно сходит с ума; иногда ему хотелось убежать и спрятаться, чтобы больше не слышать ни разрывов, ни пулеметных очередей, ни стонов. Ведь ему всего 20 лет. Когда он прибыл на фронт, у него за плечами был легкий ранец, наполненный не заботами пережитых лет, а беспечной молодостью; сейчас этот ранец стал таким тяжелым, будто в него положили свинец. Даже во время короткого сна его преследовали убитые, по чьим телам он ступал, идя в атаку, глядя в наполненные ужасом остановившиеся глаза.

И только среди солдат он не чувствовал себя одиноким, у него появлялась уверенность, что скоро всем несчастьям наступит конец.

Трр... Трр... — затрещал телефон в окопе.

— Алло, младший лейтенант Ботяну слушает. — В трубке что-то зашуршало, будто туда забралась мышь, и голос на другом конце провода опросил:

— Ботяну, как у тебя с личным составом и боеприпасами?

— Господин полковник, в роте осталось шестьдесят процентов личного состава.

— Это ничего, младший лейтенант, в других частях и того меньше. Вечером к нам придут гости. По сигналу ваша рота пойдет в атаку впереди батальона.

— До гостей ли нам сейчас, господин полковник?

Полковник засмеялся.

— Ладно, ладно, поговорим ночью, после атаки. Желаю удачи, младший лейтенант, не теряйте хладнокровия в бою. Я хочу награждать храбрецов при жизни, а не посмертно.

Не успел Ботяну положить трубку, как его окружили солдаты. Он внимательно посмотрел на каждого из них. Сколько их останется в живых завтра, после атаки?

— О каких гостях шла речь, господин младший лейтенант?

— Не знаю, вечером, до начала атаки, они придут сюда.

— Ночная атака?

— Да, Илиуц, будет ночной бой. Готовьте фраки. Музыка обеспечит артиллерия. Слышите, опять начинается!

Орудия гремели то с одной, то с другой стороны, дождь пуль осыпал солдат. Но пехотинцы стойко выдержали две контратаки, и фашисты оба раза вынуждены были отступить.

Вдруг со стороны противника послышался глухой шум танков, напоминающий рев разъяренных медведей.

— Сколько мы здесь еще продержимся?

— Почему нам не посылают подкрепления, почему нас никто не поддерживает?

— Наста, сколько мин у тебя осталось?

— Четыре!

— Четыре! А танков, судя по грохоту, больше двадцати только на одном нашем участке.

Дрр... Дрр... — опять затрещал телефон.

— Младший лейтенант Ботяну слушает...

— Приказываю вывести роту впереди батальона и начать атаку! Действуйте!

— Слушаюсь. Но это трудно... обстреливают. Впереди танки. От роты осталась всего половина.

— Выполняйте приказ, Ботяну, и мужайтесь. Мы вас поддержим. Не останавливайтесь, пока не достигнете высоты, ясно?

— Ясно, господин полковник.

— Рота, слушай мою команду, до акаций перебежками, вперед!

Солдаты выскакивают из окопов и бегут, стараясь выйти из зоны заградительного огня вражеской артиллерии. Они бегут тяжело дыша, спотыкаются, поднимаются и снова бегут. Возле акаций они падают на землю. Как большие фантастические существа, проходят мимо «пантеры». Теперь ими займется полк.

Рота должна идти в атаку. Нет! Еще не время! Сначала нужно занять оборону и, скосив фашистскую пехоту, отрезать ее от танков, а затем уже двинуться вперед в темноту ночи.

С флангов — справа и слева — продвижение роты поддерживает артиллерия батальона. У подножия высоты солдаты остановились в замешательстве. Атака захлебнулась. Неужели опять придется возвращаться?

— Ни шагу назад! — кричит Ботяну. — Захваченную позицию нужно удержать хоть зубами. Таков приказ: умереть, но не отступить!

Трассирующие пули белым шелком прошивают полотно ночи. Ракеты, как разноцветные фонарики, освещают на несколько минут всю местность. Из-за высоты показались новые танки. Наста поднимается, держа в руках круглую мину, которая в любую минуту может разорваться на сотни осколков...

— Оставьте мину, Наста. «Пантеры» должны пройти, не обнаружив нас. О них есть кому позаботиться.

Новый град пуль заставил всех прижаться к земле.

С тыла к окопу приближался какой-то человек. Он ловко перепрыгивал через окопы, придерживая на груди автомат. Взрыв снаряда прижал человека к земле. Затем он быстро побежал сквозь серый дым и прыгнул в окоп. Ботяну схватился за пистолет.

— Стой! Кто идет?

— Полегче, браток, полегче. Вот так пирушка! Точно такая же, как год назад на Днепре.

В свете повисшей над окопом ракеты солдаты увидели плотного, невысокого офицера в шинели нараспашку и с широкой каской на голове. А на каске... красная звезда!

Ботяну, бросившись на шею русскому, обнял его и произнес отрывисто, по слогам:

— Вы при-шли! И говорите по-нашему!

— Так я родился в Тигине³³. Меня зовут Михаил Назаров. Где здесь высота триста три?

— Вот она, перед вами, товарищ лейтенант...

Назаров посмотрел вперед, на высоту, и вытащил ракетницу. В воздух взвились две красные звездочки. В ответ на это откуда-то с тыла открыли мощный артиллерийский огонь, перевернувший вверх дном оборудованные на высоте фашистские доты.

Солдаты румынской роты, атакующей высоту 303, сразу оживились.

— Ставараке, бьюсь об заклад, что это стопятидесятимиллиметровые.

— Да, не меньше.

Вдруг небо засветилось, и по воздуху стремительно пронеслись невиданные до сих пор снаряды, издающие угрожающий свист.

— «Катюши», «катюши», — радостно зашептали солдаты, с восхищением глядя на световые полосы, разрывающие ночной мрак. Назаров пристально всматривался вдаль, а Ботяну непрерывно повторял одно и то же: «Как хорошо, что вы пришли, что мы рядом!»

Все произошло удивительно быстро. Танки Т-34 с длинными стволами пушек и красными звездами на броне, с зажженными фарами, как на ночном параде, заполнили собой всю местность. Они сметали на своем пути все препятствия: заграждения из колючей проволоки, завалы, разрушали укрытия, давили орудия и пулеметы. Поле боя стало похоже на бушующее море, высокие волны которого с силой обрушиваются на обломки потерпевшего кораблекрушение судна.

Волна за волной танки прокладывали себе дорогу, продвигаясь все ближе и ближе к страдающему сердцу Трансильвании, разбуженной в одну из сентябрьских ночей симфонией свободы, исполняемой сотнями танков, «катюш» и других орудий.

Несколько танков из последней волны остановились. Люк одного из них открылся, и из танка показалась голова советского танкиста.

33 Ныне Бендеры.

— Ну, что, Михаил, поехали?

Назаров приложил руку ко рту и что-то громко крикнул танкисту, но шум моторов заглушил его слова. Наконец, поняв, в чем дело, танкист быстро кивнул в знак согласия.

— Хорошо, только побыстрее!

— Товарищи, садитесь на танки, будем бить фашистов вместе. Младший лейтенант, распределите солдат по отделению на каждый танк.

— Ясно. Слышите, ребята? Наста, ты со своим взводом — на первые три танка. Твой взвод, Илиуц, — на остальные. На танки, бегом марш!

— Вот здорово! Теперь мы не остановимся до самой Бондицы.

— Что ты заладил про свою Бондицу! Не остановимся теперь до самого Берлина!

— Товарищ лейтенант, скоро будет мое село, разрешите мне забежать домой, поцеловать невесту, а потом двинуться на Берлин.

— Кончай разговоры! По танкам!

Взобравшись на советские танки, солдаты возбужденно и радостно кричали, уже забыв о тех трудностях, которые им пришлось пережить за прошедшие несколько дней. Усталость как рукой сняло. Один из солдат запел тонким голосом песенку про немцев, сочиненную Настой:

«На горе Феляк
Фашист терпит крах.
На Сомеше и выше
Дела его не лучше.
Беды ему не миновать,
Сюда пришел русский солдат».

Рота Ботяну оказалась впереди румынского авангарда; танки же двинулись дальше, на город Деж.

Перед ротой лежало село Бондица, в котором засели отступающие фашисты. Командир полка приказал разведать состав сил противника. Наста и Безня вызвались пойти в разведку. Наста был родом из этой деревни, он знал все ходы и выходы: ведь он трижды переходил границу.

Прошло два часа, а разведчики не возвращались.

— Ничего, подождем еще немного. Ведь с тех пор как они ушли, не было слышно ни одного выстрела.

Неожиданно из тумана выплыла какая-то темная фигура. Кто-то из села.

— Стой, кто идет?

— Я, солдат Безня, господин младший лейтенант.

— Безня? Наконец-то! А где Наста?

— Случилось большое несчастье, господин младший лейтенант. Насту схватили немцы. Они набросились на него сзади.

— А ты? Ты оставил его одного? Как ты посмел вернуться один?

Ботяну схватил солдата за плечи и начал трясти.

— Господин младший лейтенант, я не убежал, ей-богу, нет. Мне приказал вернуться старший сержант, когда два здоровенных фрица набросились на него сзади, в одном из дворов. Он только и успел крикнуть мне: «Беги. Передай нашим все...»

Что мне было делать? Я перепрыгнул через изгородь и побежал. В селе полно фашистов. У них много орудий и машин. Нас, видно, заметили, когда мы выходили из дому отца Нуцы, — он нам рассказал все, что нужно.

Из дивизии поступил приказ атаковать Бондицу до рассвета. За четверть часа до атаки рота должна была проникнуть в село и завязать бой с противником и тем самым помочь румынским частям выбить гитлеровцев из этого населенного пункта.

Незадолго до атаки в роту прибыл связной соседнего батальона. С ним была молодая

крестьянка. Девушка плакала и просила, чтобы ее провели к начальнику Насты. Она была босая, в домотканой юбке и кофте.

— Господин командир, скорее возьмите примарию. Он там, его убьют, если вы его не спасете. Они бьют его по голове, все бьют и бьют...

— А ты кто такая? Уж не Нуца ли...

— Да, это я... Он, наверное, рассказывал вам обо мне... Я провожу вас до примарии по Приозерной улице. На ней фашистов нет. Идемте, прошу вас, идемте... А то его убьют. Идемте!

— Идем, Нуца, идем... — ласково сказал ей Ботяму, держа пистолет наготове.

Рота выступила в направлении села. Каждый думал о Насте, о старшем сержанте, который обучал их ратному делу, думал о своем старшем брате, находившемся сейчас в большой опасности.

Наста вторично очнулся от обморока. Попытался собраться с мыслями. Может, все, что с ним случилось, только страшный сон? Нет, нет... Все было в действительности. Его схватили во дворе два фрица. Ах, хоть бы Безня дошел! Как трещит голова! Его сразу же ударили прикладом по голове так, что еще и теперь из раны сочится кровь и волосы слипаются. Наста попытался пошевелиться и почувствовал, что руки и ноги у него связаны. Как сквозь туман, он увидел коптящую лампу, подвешенную к потолку. У стены шкаф с надписью «Запись актов гражданского состояния». Да, это тот самый шкаф, из которого много лет назад нотариус вынул папку и дал ему метрическое свидетельство. Значит, он находится в примарии!

— Ты уже старший сержант, Наста?... Ну что ж, поздравляю тебя. Желаю дальнейшего повышения в чине!

Он вздрогнул. Где он слышал этот хриплый, пропитый голос? Очень, очень знакомый голос... Наста с трудом повернул голову, часто моргая слипшимися от крови ресницами. Как сквозь дымку, он увидел сидящего за столом человека. Человек был в немецкой форме, с засученными рукавами. Наста с трудом разглядел лицо сидящего.

— Ну вот видишь, мы снова встретились.

— Вижу, господин Сасу...

— Тебе повезло, что ты попал ко мне. Иначе бы тебя давно уже расстреляли. Я сказал им, что ручаюсь за тебя, потому что ты был в моем подчинении.

Наста вспомнил, как упустил тогда в Четате де Балтэ этого мерзавца. И вот теперь он сам у него в руках. Главное сейчас — выиграть время. Безня уже, вероятно, давно прибыл в часть. Самое позднее на рассвете должно начаться наступление на село. Ведь именно для этого их с Безней послали в разведку.

Сасу встал из-за стола. В руке у него был пистолет. Нервноничая, он подбрасывал его на ладони.

— Вот какие дела. В какой армейский корпус вас влили? Сколько дивизий в корпусе?

«Вот теперь-то начинается главное, — подумал Наста. — Каким был дураком Сасу, таким он и остался. Он никогда не знал своих подчиненных. Почему он бежал с фашистами? Боялся мести. Однажды он рассказывал нам, что вытворял в России: выстраивал подряд пять мирных жителей и расстреливал их одной очередью. Теперь боится, что придется отвечать за все преступления».

— Старший сержант, я полагаю, что говорю достаточно ясно. Отвечай!

— Но, господин Сасу...

— Я лейтенант немецкой армии. Мы, румынские легионеры, не предали Гитлера. Отвечай коротко и ясно: сколько дивизий в корпусе и в какой корпус вас влили?

— Вы спрашиваете у меня то, чего я совсем не знаю. Я же не какой-нибудь важный чин из штаба. Знаю только то, что нас с батареей направили на фронт. Вот и все.

— Ах так!... А почему ты обстрелял немецкую батарею капитана Штробля в Джулештях? А? Почему?!

— Я выполнял приказ.

— Послушай-ка, старший сержант, в моем распоряжении только десять минут для разговора с тобой. Мне будет жаль, если тебя придется расстрелять. Я тебе желаю добра. Если хочешь, можешь перейти на нашу сторону. Другого выхода у тебя нет. У нас нет времени возиться с пленными. Значит, ты не знаешь, сколько дивизий в вашем армейском корпусе? Не знаешь?

— Нет.

Удар сапогом в челюсть. Рот наполнился кровью. Наста выплюнул выбитый зуб.

— Хорошо! Видишь, что получается, когда ты меня раздражаешь? Но, допустим, что ты этого действительно не знаешь. Тогда скажи-ка мне, кто командир вашей дивизии и какие части входят в ее состав. Говори!

— Не знаю!

— Что же ты знаешь?

— Я знаю только то, что ты подлый легионер, и я очень жалею о том, что не расстрелял тебя тогда, двадцать третьего августа, когда ты бежал с фашистами.

Сасу театрально рассмеялся. Зрачки его глаз сузились, как у кошки, густые брови сошлись, лоб наморщился, губы искривились в дьявольской усмешке.

— Любопытно, очень любопытно... По правде говоря, тебе за такие слова полагается отрезать язык и выколоть глаза. Я в этом деле знаю толк, но мне все это надоело. Итак, старший сержант, я спрашиваю тебя в последний раз: сколько полков в вашей дивизии, чем они вооружены? Ну, отвечай!

Ах, Наста, Наста, как ты мечтал о том времени, когда придешь в село! И Илиуцу ты обещал, что примешь его у себя как самого желанного гостя! Значит, сержант так и не увидит Нуцу? А твои бедные старики? Может быть, если ты хоть что-нибудь скажешь, тебе сохранят жизнь? Но что это будет за жизнь? Жизнь предателя! Нет! Ни за что! Но почему наши не начинают наступления? Неужели Безня не дошел?

— Отвечай, сукин сын, слышишь?

— Мне нечего говорить. Я уже сказал, что нас перевели сюда, на фронт. Я даже не знаю, дивизия ли это, полк или батальон. Ты же меня все равно расстреляешь. Но знай, что наши тебя ищут, давно уже ищут, подлый предатель! В Четатя де Балтэ ты ведь на нас наскочил. Мы поймали только Штробля.

Сасу снова с бешенством ударил Насту сапогом. Он не ожидал, что солдат, который когда-то был в его подчинении, окажется таким несговорчивым. А он-то, Сасу, хвастался перед немецким командованием, что добудет важные сведения. Он надеялся даже на продвижение по службе. Время шло, приказа об отступлении не поступало, а фашистские передовые отряды сообщили, что с севера движется огромная советская танковая колонна. Во что бы то ни стало, любой ценой нужно вырвать у Насты необходимые сведения. Быть может, он слишком торопится? Луч ше действовать по-хорошему!...

— Послушай, Наста, зачем тебе умирать? Неужели тебе не жаль жизни? У тебя, наверное, есть родители, любимая девушка?

— Есть!

— Почему же ты молчишь? Кто об этом узнает? Из твоих — никто! Даю честное слово офицера. Расскажи мне то, что ты знаешь.

Хитер же Сасу! Теперь он подъезжает с другой стороны, чтобы вынудить его к предательству... Предать... Предать Арсу, предать тех, кто пожертвовал своей жизнью, предать тех, кто скоро, быть может даже через час, освободит его село? Но надо как-то выиграть время...

— Я ничего не знаю. Ей-богу, ничего.

— Сволочь! Проклятая сволочь! — неожиданно взвизгнул Сасу. — От большевиков заразился, да? Быстро же они тебя переделали. Но ничего, ты у меня сейчас заговоришь. Эй, вы там! Давайте сюда!

В комнату вошли два верзилы.

— Разорвите ему куртку на спине, дайте мне соль и бритву.

— Лучше мы его освежаем живьем, как тех в Грэешти.

По телу старшего сержанта пробежала дрожь. Он видел дозорных из пехотного полка: они лежали там, в полном нечистот рве, на окраине Грэешти. Их тела были изуродованы, языки вырваны, глаза выколоты. Значит, это зверство совершили тоже legionеры!

— Нет, мы его сначала просолим, тогда он выложит все, абсолютно все.

Насту перевернули, как мешок, лицом вниз. Прижали к полу, держа за плечи и ноги.

— Будешь говорить или нет? Отвечай!

— Буду, господин Сасу, буду.

— Слушаю.

Что бы ему сказать? Хоть что-нибудь, хоть какую-нибудь ерунду, солгать бы что-нибудь. Лишь бы выиграть время. Вот уже рассвет пробивается сквозь густую мглу. Утро. Сумрачное утро!

— Нас много... много... очень много.

— Сколько полков? Сколько танков, сколько орудий, есть ли «катюши»?

— Много, очень много... Столько, сколько листьев на деревьях и травы на лугах...

— Какая дивизия, какой армейский корпус вели наступление от Лудуша?

— Не знаю, я ведь вам уже сказал, что этого я не знаю...

— Хочешь провести меня, сволочь? Ничего, ничего, сейчас ты у меня заговоришь...

Еще как заговоришь... Посмотришь, как действует моя бритва. Ребята, держите его хорошенько, вот так, как свинью для закола...

Наста почувствовал, что железо прошло по его спине. Он слышал, как трещит кожа... Страшная, нестерпимая боль... Неужели это конец? Только бы не закричать. Он до крови закусил губы. Глухо застонал и потерял сознание.

— Ну, что вы теперь скажете, дорогой Наста? — услышал он, очнувшись, голос Сасу.

— А ведь это пустяки. Это все выдерживают. Бьюсь об заклад, что, после того как я натру твою спину солью, ты будешь ползать передо мной на коленях и умолять сделать тебе укол морфия, чтобы ты смог все выложить.

Наста не слышит. Он не хочет слышать. Он не должен слышать. Неужели наши все еще не пошли в наступление? Его старики даже не знают, что он здесь в деревне. Лишь бы не сказала им об этом Нуца или ее отец! Может, их и дома нет. Может, они убежали в поле. Впрочем, нет, ведь гитлеровцы никого не пускают. Они хорошо знают, что румыны и русские делают все возможное, чтобы не пострадало мирное население.

— Ну, давайте соли. И пригоршни хватит. Вот так!

Будто что-то ударило его по позвоночнику. Тысячи, десятки тысяч острых игл пронизали его грудь, лицо, глаза, мозг. Хоть бы потерять сознание и ничего не чувствовать, ничего не знать. Если бы он мог умереть! Тогда все узнают — село, Нуца, товарищи, что он погиб, но не проронил ни слова. Нуца, Нуца, я больше не могу терпеть... Помоги мне, Нуца! Нуца, я больше не могу... Рот — закройся! Мысли — остановитесь! Тело — умри наконец! Отчего вы мучаете мою душу?

— Хватит, оставьте его. Дайте мне сигарету! Самое большее через десять секунд он заговорит!

— Может, зашить его рану нитками, чтобы не рассыпалась соль.

— Не надо.

— Лишь бы он не потерял сознание.

— Ничего, он крепкий. Сутки промучается, но сознания не потеряет. Потом будет заражение крови и он умрет.

Наста не может больше терпеть. Он бьется об пол, корчится от боли. Нет, он не в силах выдержать! Почему он не теряет сознания? Боже, как жжет!

— Убейте меня, прошу вас. Стреляйте вот сюда, сюда, где так жжет...

— Нет, старший сержант, мы тебя не убьем. Если все скажешь, я сделаю тебе укол, ты успокоишься, не будешь чувствовать никакой боли, мы промоем твою рану, вымоем всю

соль, и через два дня ты будешь здоров.

— Я скажу все, абсолютно все...

— Позовите доктора, пусть сделает укол. А пока ты говори, я буду записывать. Кто командир корпуса?

— Я не знаю, честное слово, не знаю.

— А командир дивизии?

— Командир дивизии... Какой-то советский генерал.

— Ты лжешь... Позавчера большевиков здесь не было.

— Тогда, тогда...

— Говори!

— Я не помню, я ничего не могу вспомнить. От боли. Расстреляйте меня, прошу вас, господин младший лейтенант. Избавьте меня от этих мук.

— Нет, ты должен сказать все. Не будь дураком. Когда-нибудь ты будешь мне благодарен за это. Германия непобедима. Хория Сима³⁴ станет архангелом Румынии. К чему тебе умирать? Ну, скажи мне, к какому полку вас придали?

— К первому зенитному полку...

— Ага... Кто командир?

— Майор Фронеску.

— Та-ак. Значит, он перешел из дивизиона в полк? Скажи, как нам с ним связаться?

— Не знаю, меня жжет, я ничего не понимаю... Сделайте мне укол, тогда я расскажу вам все.

Вошел офицер в очках. В руках у него была санитарная сумка с медицинскими инструментами. Сасу сказал ему что-то по-немецки. Офицер вынул из сумки ампулу, отломил головку и вобрал содержимое в шприц. Затем он перевернул пленного на живот и вонзил иглу в разъединенное солью тело. Боль понемногу успокоилась. Наста почувствовал, что может заснуть. И вдруг ему показалось, что перед окном проскользнула какая-то тень. Даже не одна, а две...

— Ну что ж, Наста, ты, я вижу, немного успокоился. Итак, на чем мы остановились? Ах да, на Фронеску. Очень хорошо. Где размещен полк?

— На холме Аринь. Я его оставил там.

— Скотина ты этакая! Об этом ты должен был сказать мне с самого начала. Я напрасно только потерял полчаса. Но если ты врешь, я тебя заживо набью соломой. Так и знай!

Вдруг раздалась автоматная очередь. Наста увидел, как Сасу и доктор упали. В окно прыгнули сначала Илиуц, потом Ставараке и Безня.

Дверь отворилась, и в комнату вбежали два легионера. Илиуц прошел их короткой очередью из автомата.

С улицы доносились выстрелы, слышались радостные крики людей. Старший сержант смотрел снизу вверх и чувствовал, что погружается в какую-то обволакивающую бездну. Он боролся с собой, но ничего не мог сделать. Он почувствовал, что кто-то перерезал связывавшие его веревки и попытался открыть глаза. Рядом стояли Ботяну и Нуца. Увидев друзей, он забормотал возбужденно:

— Я сказал им неправду. Они от меня ничего не узнали. Я не нарушил военной присяги.

И, успокоенный, впал в забытие.

Через некоторое время в сооруженном под навесом медпункте старшему сержанту Насте была оказана необходимая медицинская помощь. Его жизнь теперь была в безопасности.

VII. В БУДАПЕШТЕ

³⁴ Лидер румынских фашистов в королевской Румынии.

Равнина! Насколько хватает глаз, все занесено снегом. Осень пролетела так же незаметно, как и началась. На фронте некогда считать дни. Страшно надоели окопы. Иной раз даже предпочитаешь стоять в карауле. Можно хоть немного поразмяться. Но лучше всего в походе: все время утешаешь себя мыслью о том, что скоро войдешь в город и разместишься на ночлег в теплом доме.

Какое сегодня число? Погоди, погоди... Кто-то начинает считать: в Ораде были в октябре. В Дебрецене — в ноябре... в Бекешчабе — в декабре...

— Где погиб полковник Бузояну?

— В Ораде, браток, разве не помнишь? В один день с советским майором Щербой, их отвезли вместе на танке на Руликовское кладбище.

Илиуц шагает по глубокому снегу. Поднял воротник шинели почти до самой шапки. Идет медленно, стараясь отогнать от себя всякие воспоминания.

Но разве забудешь то, что произошло в Ораде?

В течение трех дней фашисты контратаковали в Ораде пандуров и горных стрелков.

Некоторые солдаты при виде наступающего противника бросились бежать. Их, правда, немного, но все же такие были. Ведь на руке, как говорится, только пять пальцев и то друг на друга не похожи, а что и говорить о людях, которых тысячи...

— Ребята! — обратился полковник Бузояну к солдатам. — Рядом с нами советские войска. Враг не должен пройти! За свободную и демократическую Румынию вперед, ребята! Не посраим наших отцов и дедов — солдат Мэрэшешти³⁵ и Плевны³⁶!

— Нажмем, господин полковник, пусть услышат наши из Рымнику-Сэрата.

Полковник повернул голову в сторону капрала:

— Значит, ты тоже из Рымника?

— А как же! Моя мать носила вашей семье молоко и после того как вы ушли на фронт. И я тоже носил вам молоко. Все думали, что вы погибли на Дону. Жена ваша ходила все время в трауре.

— Капрал, дай-ка мне еще гранаты!

Олтенаку был очень доволен, что встретил земляка, тем более этот земляк был не кто-нибудь, а полковник. Да еще такой, который сражается рядом с ним на передовой.

— Берегите себя, господин полковник!

— А ты сам почему не бережешь себя?

— Я — капрал... таких, как я, сколько угодно... столько же, сколько листьев на деревьях, а полковников-то...

— Полковник — тот же солдат!

— Ура!... Вперед... — доносится слева и справа. Только здесь, в центре, пока нет успеха. «Пантеры» вырвались вперед. Противнику удалось захватить небольшой плацдарм. Стоит только солдатам подняться в атаку, как сразу же град пуль прижимает их к земле. Подходят все новые и новые танки. Фашисты продолжают контратаковать со стороны Леш и Ножорид, а также со стороны Бэиле Феликс.

Наступил решающий момент. Танки все ближе и ближе.

— Бей их, бей гранатами!

На головных фашистских танках появились языки пламени. Гитлеровцы выскакивают из машин, но их тут же прошивают автоматной очередью. Огромный столб дыма подымается к небу. Но танки все ползут и ползут.

— Вперед, пехота! — раздается голос Бузояну.

³⁵ В Первую мировую войну под Мэрэшешти русские и румынские войска нанесли крупное поражение австро-германским войскам. — Прим. ред.

³⁶ Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в Плевне русскими и румынскими войсками была блокирована 36-тысячная турецкая армия. После упорных боев турецкая армия капитулировала. — Прим. ред.

Вдруг он споткнулся, наклонился, рядом с ним упал и советский майор Щерба.

— Господин полковник, товарищ майор... — На глаза Олтенаку навернулись слезы.

— Никто не должен знать. Скажи, что я, что мы, мы с вами... Говори, капрал, я хочу услышать, что ты им скажешь...

Олтенаку сжал кулаки. Прыжок — и он очутился на поврежденном немецком танке. Укрываясь за башней от пуль, он кричит, кричит так, что его слышат все:

— Ребята, бейте, крушите врага... Полковник Бузояну и майор Щерба — здесь, среди нас...

К полудню немецкая контратака была отбита. Вскоре все узнали, что румынский полковник и советский майор погибли на передовой. Солдаты поклялись отомстить за них врагу.

А теперь Олтенаку молча шагал по замерзшей венгерской равнине рядом с Илиуцем и младшим лейтенантом Настой. Наста месяц пролежал в госпитале и догнал их у переправы через Тиссу.

Нет только Тудора. За неделю до рождества он прислал им письмо из тылового госпиталя в Фэгэраше. Вскоре он выписался оттуда и уехал неизвестно куда.

Рождество 2-я рота справляла в Бекешчабе. Лука поймал борова, или, как он говорил, «экспроприировал имущество бежавшего венгерского графа».

Ботяну для виду пожурил его немного:

— Как тебе не стыдно, Лука! Ты, видно, забыл, что мы не захватчики, а освободители?

— А что я такого сделал, господин младший лейтенант? Я освободил борова от эксплуатации графа. Эх, если бы мне удалось «освободить» еще и бочонок дрэгэшаньского вина...

— Тогда уж лучше токая, где же ты найдешь дрэгэшань в Венгрии?

В тот же вечер в одном из погребов графа кавалеристы нашли бочонок вина. Несколько солдат, перед тем как отправить вино в дивизион, решили его попробовать. Через некоторое время все они скончались в страшных мучениях. Оказалось, что вино было отравлено. Хортисты, отступая, всыпали в него каустическую соду.

— Хорошо, что я не служу в кавалерии, — говорил Лука. — А то бы погиб ни за что ни про что. Особенно это было бы обидно, теперь, перед Рождеством. Вот бы посмеялся наш вожак, да и весь табор! Но ничего, братцы, как-нибудь обойдемся без вина. После хорошего свиного жаркого можно попить и водички!

Пришел Новый год. Рота Ботяну должна была вести наступление вместе с пандурами, но ее влили в состав 2-й дивизии, которая после боев под Будапештом понесла большие потери.

Однажды морозной метельной ночью части 2-й дивизии были неожиданно отброшены противником на десятки километров назад. Оказалось, что гитлеровцы проникли в расположение румынских войск в результате предательства генерала Кирноагэ, который перешел вместе со своим зятем, штабным офицером, на сторону фашистов.

Это предательство стоило жизни восьмистам солдатам. Румынские войска оказались снова на том же месте, откуда они начали наступление.

Во время похода молодые девушки выпрашивали у солдат кусок хлеба.

Некоторые из них приходили в расположение румынских войск и вели себя не совсем пристойно.

Бывало, Илиуц даст им хлеба, несколько кусочков сахара, прочтет целую лекцию о морали и выгонит их. Но девушки плакали, жаловались на то, что им некуда деться. Тогда Илиуц разрешал им переночевать где-нибудь в углу и следил, чтобы солдаты не приставали к ним.

Утром девушки уходили смущенные и пристыженные. Илиуц давал им еще немного сахара и хлеба на дорогу.

В соседнем взводе заболело пять солдат. Ботяну сказал им:

— Если еще у кого-нибудь я обнаружу такого рода болезни, то напишу об этом домой, жене. Пусть знает!

С севера подошли советские войска. Вскоре прежняя линия фронта была восстановлена. В течение трех суток по шоссе между Хатваном и Будапештом прошли десятки тысяч солдат.

В начале января вернулся Тудор. Он поправился, в глазах сияла веселая улыбка. На нем была хорошо подогнанная форма, на пальце — обручальное кольцо. За время пока он был в отпуске, он женился на Иляне. Тудор привез с собой много новостей из Бухареста.

В городе царит беспорядок. Поезда ходят редко. Населению, покинувшему город во время эвакуации, вернуться назад почти невозможно. Чтобы получить хоть какую-нибудь комнатуху, нужно заплатить много денег. Взятничество, махинации с золотом и медикаментами, контрабанда процветают повсюду. На улицах хозяйничают хулиганы.

Однажды ночью поймали несколько цыган, которые, переодевшись в советскую форму, останавливали машины на шоссе Бухарест — Питешти, возле станции Сэбэрени. Они грабили проезжих и удирали на машинах в Плоешти.

— Послушай-ка, Лука, может быть, и ваш табор участвовал в этом деле?

— Замолчи, Безня! Мы занимаемся лошадьми, а не машинами.

— Так то когда было. Может, теперь ваш табор переключился на автомашины? Ведь и на фронте кавалерия уж себя не оправдывает?

— Тс... тише... Продолжай, Тудор!

— Пожалуй, это все, братцы! Положение правительства Рэдеску еще более пошатнулось, коммунисты требуют создания демократического правительства... Ах, да... Я забыл рассказать вам еще про генерала Алдя, министра внутренних дел. Он арестовал нескольких рабочих авиационного завода, среди них был и мой отец. Но рабочие завода объявили забастовку, и через два дня арестованных пришлось освободить. А как ведут себя американцы! Разъезжают пьяные по улицам, безобразничают. Правительство с ними заигрывает. Помните, Илиуц, как весной в Джулештях мы сбили американский «лайтнинг», а летчик, здоровенный детина, спустился на парашюте? Так я видел его в нашем квартале в машине с двумя девицами. Они кутили на том же самом месте, где мы его подбили. Иляна не разрешила мне подойти к ним, а то бы я сказал ему такое, что он запомнил бы меня на всю жизнь. Жаль, что парашют достался майору Фронеску, будь он проклят... Было бы хорошее подвенечное платье для Иляны.

— А за нас-то ты пил на свадьбе?

— А как же, и за вас, и за Романа, и за Арсу...

С наступлением темноты колонна отправилась дальше.

То тут, то там на шоссе были видны свежие следы боев.

Впереди слышался орудейный гул.

Наступала ночь. На одном из привалов Тудор решил выкопать себе окопчик и укрыться в нем от холода.

— Напрасно ты это затеял, — сказал ему Илиуц. — Не успеешь кончить, как колонна пойдет дальше.

— Неужели мы не останемся здесь на ночь?

— Когда преследуешь противника, о ночлеге думать некогда. Конечно, с непривычки трудно на марше. Ты небось устал?

— Спрашиваешь! Ведь я два месяца провалялся в постели да месяц был в отпуске. Вот и отвык.

— Ничего, привыкнешь.

— Конечно, привыкну. Но когда у нас были орудия и машины, было легче.

— Да... Была когда-то зенитная батарея... и вот сейчас вместо нее — рота пехоты.

Тудор на минуту о чем-то задумался, затем спросил: — Господин Илиуц, значит, Наста не сказал Сасу ни слова?

- Да, он молчал. А ты разве сказал бы?
- Не знаю, думаю, что нет... Но когда тебя ждет мучительная смерть...
- Ждет смерть. Эх ты! Лучше быть мертвым героем, чем живым предателем.
- Поучать других легко, особенно если сам никогда не был ранен.
- До Берлина и я еще успею, Тудор. Благодарю за пожелание...
- Простите меня. Я не хотел вас обидеть...

— Ладно, ладно, помолчи. Скоро отправимся дальше, так что давай поспим хоть немного перед дорогой...

«А может, и правда, мне лучше было бы остаться в тылу, как предложил в мобилизационном отделе капитан Гика», — подумал Тудор, вконец измученный от долгого пути.

Он явился в мобилизационный отдел в первую же неделю своего отпуска, на второй день после свадьбы. Офицер похвалил его за храбрость, сказал, что часть должна гордиться им, и неожиданно предложил:

— Знаешь что, парень? Ты теперь человек женатый. Пусть другие повоюют. Ты свой долг выполнил, даже кровь свою пролил. Я вижу, ты парень башковитый, и хочу тебе помочь. Согласен?

— Право, не знаю, господин капитан.

Тудор подумал об Иляне. Да, это было бы неплохо! Иляна бы занималась с ним по вечерам после работы. Она работала теперь в УТЧ³⁷, и он вскоре смог бы сдать экзамены. А иногда они ходили бы вместе в театр, в кино...

— Я завтра же отдам на тебя приказ, зачислю писарем. Никаких хлопот. Принеси мне только тридцать «старых», и все будет в порядке... Это официальная цена.

— Что?

— Тридцать тысяч лей. Что ты уставился как баран на новые ворота? С других я беру гораздо больше.

Наконец Тудор понял, о чем идет речь, и почувствовал отвращение к этому человеку. Он вспомнил об Арсу, о пандуре Айленей, о капрале Романе и обо всех тех, кто погиб во имя новой жизни. Эти же тыловые крысы, грабители в военной форме...

— Как вы можете предлагать мне такое!... — заскрежетал зубами Тудор.

— Нечего из себя корчить святую простоту. Подумаешь, обычное дело. Деньги могут сделать все!

— Господин капитан... Мне стыдно за вас... Мне стыдно... слышать от офицера такие слова.

— Что? Оскорблять меня вздумал?

— Вы сами себя оскорбляете. Люди воюют, умирают на фронте, а вы занимаетесь тут грязными сделками.

— Вон отсюда, идиот!

— Я уйду. Но вам это так не пройдет!

В тот же вечер Тудор рассказал обо всем Иляне. Через несколько дней два майора интендантской службы произвели проверку работы капитана Гика. Было установлено, что капитан, злоупотребляя своим служебным положением, набрал взятку на сумму более двадцати миллионов лей.

Обвиняемый Гика просил послать его в дисциплинарном порядке на фронт, где бы он смог искупить свою вину, но военный трибунал приговорил его к тюремному заключению.

Свидетелем на суде был ефрейтор Тудор.

Через неделю мать и Иляна провожали Тудора на фронт. Мать плакала. Иляна жадно курила (она начала курить во время бомбежек).

— Георге просил извинить его, что он не смог прийти. У нас в УТЧ заседание актива.

37 УТЧ — Союз коммунистической молодежи Румынии.

Наши сотрудники поздравляют меня с таким мужем, как ты. Муж... мой муж... Ты знаешь, дорогой, я никак не могу привыкнуть к тому, что ты мой муж, к обручальному кольцу. У нас в УТЧ кое-кто говорит мне, чтобы я сняла его, что носить кольцо — это неприципиально. Откуда им, мальчишкам, знать, что принципиально и что неприципиально! Если у нас будет девочка, как мы ее назовем? Я бы назвала ее Паче³⁸.

— Ну это слишком абстрактно.

— Тогда Аврора... это более конкретно... Ведь она родилась бы на заре нашей революции.

— Неплохо, но...

— Что но... Скажи тогда сам.

— Иляна... как тебя. Она будет похожа на тебя, она будет такой же красивой, как ты.

— Ты любишь меня?

— Нет!

— Как ты смеешь?!

— Я без тебя жить не могу!

Раздался протяжный гудок паровоза, поезд тронулся, а Тудор все еще стоял с Иляной около вагона, на котором была табличка с надписью: «Бухарест — Арад», и через черточку дописано мелом — «Будапешт!»

Иляна подняла полные отчаяния глаза; хотела улыбнуться, но губы сжались в болезненную гримасу. Сердце у нее тоскливо заныло. Опять расставание, опять она остается одна, а Тудор уезжает, и кто знает, вернется ли.

— Иляна!

— Тудор! Пиши мне, слышишь? Пиши!

Колеса поскрипывают на обмерзших рельсах. Солдат и девушка, обнявшись, забыв обо всем на свете, ищут глаза друг друга, их губы сливаются, их мысли, желаний, надежды соединяются в долгом поцелуе.

— Возвращайся поскорей!

— Жди меня!

— Да, да, я буду, буду тебя ждать!

Растянувшись, как черная гармонь, поезд покинул вокзал. Среди моря голов и рук Тудор видел только юную школьницу в сером пальто с золотыми косами.

А Иляна, застыв на месте, следила за лесенкой вагона, на ступеньке которой стоял солдат и махал шапкой над головой.

Облако пара из паровоза опустилось белой занавесью между перроном и поездом. Вагоны не отапливались, но Тудору было жарко. Он расстегнул воротник и прижался лбом к стеклу. Сквозь серый туман ничего не было видно. В стуке колес, бегущих по длинному пути, ему слышался голос Иляны: «Я буду ждать тебя... Я буду ждать тебя... Я буду ждать тебя...»

В купе сидели двое. На них были новые шубы, от которых еще пахло свежей дубленой кожей. Тудор обратил внимание на сытые физиономии своих спутников. Его заинтересовал их разговор, прерываемый время от времени визгливым смехом.

— Послушай, Григ... Игра стоит свеч. Пять вагонов венгерской подошвы — не шутка! Их в качестве трофея захватил в Ораде мой зять.

— Подумаешь, подошва! Мой сульфидин в десять раз выгоднее твоей подошвы. У меня нет зятя, mon cher, но у меня есть рука во фронтовых госпиталях. Один полковник. Товар первый сорт, и расчет, конечно, наличными. Целый немецкий склад медикаментов в Венгрии попал в его лапы. Лишь бы только война подольше продолжалась.

— Скажи мне, как тебе удалось достать вагоны?

— Вагоны? Это делает полковник. Он устраивает и документы через своего человека из

³⁸ Паче — по-русски мир.

генерального штаба. Скажу больше, он присылает мне вагоны под охраной.

— Бог милостив... Я думал, если, придут большевики, дела придется свернуть... Правду, значит, говорят, что румын никогда не пропадет...

— Большевики воюют с фашистами. Нас они не тронут. Мы будем заниматься своими делами, как и раньше. Я уже задумал одно дельце с американцами. У них можно кое-чему поучиться. Я решил взять подряд на застройку нескольких разрушенных улиц. Выручу кругленькую сумму. Что ты скажешь на это, а?

— Только меня не забудь, Григ, прошу тебя. Ты же знаешь, что это моя давнишняя мечта.

Тудор весь дрожал от негодования. Он готов был броситься на этих спекулянтов-жуликов и отхлестать их прямо по жирным физиономиям.

«Мерзавцы, подлецы. Но подождите, господа, кончится война, тогда вам крышка...»

Взяв сундучок, Тудор прошел дальше по коридору в вагон третьего класса. Вагон был почти пустой. Окна были выбиты и завешены мешковиной, которая развевалась на ветру, словно старое изрешеченное пулями знамя.

Какой-то старик задумчиво жевал кусок старого пожелтевшего сала. Молодая женщина, расстегнув кофту, кормила ребенка; малыш с жадностью сосал полную грудь. Увидев солдата, женщина улыбнулась и стала с любопытством разглядывать его.

— Добрый день! Разрешите войти?

— Как же, пожалуйста. Мой — тоже в армии. Он ушел в конце августа с горными стрелками. Сейчас в Бухаресте, в госпитале; его ранили в Тыргу-Мурэше. Отрезали ногу ниже колена, но хоть жив остался. По крайней мере, знаю, что теперь он вернется домой навсегда! Доктор говорит, что сделает ему искусственную ногу на шарнирах, и даже не будет заметно, что не своя. Ничего, зато нам дадут землю, ведь мой тоже воевал с фашистами.

Старик кончил есть сало, завязал свой узелок, вытер нож, положил его в карман и вступил в разговор.

— Будь проклята война. В тринадцатом году я был таким же молодым, как ты. Тогда мы перешли Дунай. Воевал я до восемнадцатого года. Теперь в армии мой сын и два зятя. Они были в России и оттуда пошли на запад. Сохрани их Господь! Скорее бы кончилось все это...

— Теперь скоро, дедушка. Вот разобьем немцев...

— Да, сидя в вагоне их легко бить, сынок. Я-то их знаю, встречался с ними под Жиу в шестнадцатом. Ты еще молод, только первый пушок на губе. Небось только начинаешь служить в армии?

Тудор улыбнулся. Когда он рассказал старику, что был уже ранен, а сейчас снова возвращается на фронт, в свою роту, старик удивленно посмотрел на него, и в его взгляде выразилось восхищение.

— Вот как! Выходит, ты настоящий мужчина. Настоящий жених. Видишь ли, когда я вернулся с войны, за меня хотели выйти замуж три девушки и одна вдова: тогда говорили, будто солдатам дадут землю. Но все осталось только обещанием. Счастье, что у жены было две десятины земли, это помогло нам вырастить сына. Вырастили, а теперь и он воюет. Хотя бы ему дали землю. Я слышал, что коммунисты хвастались, что дадут беднякам землю.

— Нет, дедушка, не хвастались. То, что говорят коммунисты, — святая правда.

— Э-ге... Легко говорить, а у нас, в Северине, как был помещик, так и остался. Закрома у него полны хлебом, есть своя машина, целый загон коров. Собирается выдать дочь замуж за американца. Говорит: «Если я породнюсь с американцами, мое имение останется нетронутым».

— Поживем — увидим, дедушка.

— Да и жить-то мне осталось немного, сынок, а увидеть новую жизнь очень хочется. Отобрать бы у помещиков по одному-два погона земли на каждого... Тогда бы хоть у наших сыновей была земля.

— Будет земля. Вот увидите!

Только на четвертый день Тудор прибыл в Бекешчабу, а спустя два дня он уже шагал рядом с Илиуцем, Настой, Олтенаку, Лукой...

Тудор нашел, что они изменились, стали какими-то замкнутыми, выглядели неопрятно. Заведенный Арсу порядок — бриться через каждые три дня — соблюдался не всегда. Тудор принял третье отделение взвода, которым командовал Илиуц. Из старых солдат в отделении остались только Ставараке, Безня и Айленей, остальные лечились в госпитале, либо погибли. Из новеньких Тудору больше всего понравился молчаливый небольшого роста солдат. Когда Тудор спросил, как его зовут, солдат, заикаясь, ответил:

— Со-солдат Пе-петре Ста-а-нку...

Вскоре Тудор с удивлением заметил, что Станку заикается только тогда, когда около него стоит кто-нибудь из начальства.

Заикаться он стал после того, как его сонного избил унтер-офицер: вернувшись из отпуска, Станку не привез ему никакого подарка. За эту «провинность» унтер-офицер три дня подряд бил его по голове. Однажды он избил его за косо пришитый погон, в другой раз — за то, что Станку не успел вовремя вытянуть руки по швам, в третий раз — за то, что пошатнулся в строю.

С тех пор Станку, слыша команду, дрожал как осиновый лист.

С первого же дня Тудор старался быть поближе к маленькому солдату. Он и спал всегда с ним рядом, будь то на окраине дороги, в степи или в каком-нибудь помещении у жарко натопленной печки. И бедняга Станку постепенно стал забывать о своем страхе перед начальством. Но когда Тудор получил звание капрала и медаль «За храбрость», Станку снова начал сторониться его.

Солдат Бужор Драгня был полной противоположностью Станку. С утра до вечера он болтал без умолку. Он рассказывал обо всем: и о том, как поймал первую перепелку, и о том, как впервые поцеловал девушку, и о том, как на Пасху украл из гнезда яйцо, которое продал, чтобы покататься на карусели. Но больше всего он любил рассказывать о том, как он, зажмурившись от страха, впервые стрелял в фашиста. Это было у Бекешчабы, тогда его полк получил боевое крещение.

— А теперь, когда ты еще будешь стрелять, Бужор? — перебил его как-то Ставараке.

— В Будапеште, дорогой Ставараке. Я напишу на пуле слова: «Привет от Бужора Драгня! Не забывай меня, фриц, на том свете!»

— А какие венгерки в Будапеште, мама моя родная! — вмешался Лука.

— Помолчи, Лука, они ведь не обращают внимания на цыган.

— Ну и что же? Поищем венгерских цыганок.

— Пока мы доберемся до Будапешта, всех венгерок разберут.

— Мне, все же бо-больше нравятся н-наши девушки!

— Замолчи ты, пулеметная очередь, что ты понимаешь? У нас в Титу есть одна венгерка, ее зовут Илонка, у нее такие бедра, такие икры, что...

— Как вам не стыдно? — рассердился Тудор. — А если бы о ваших женах или сестрах говорили что-либо подобное?

Солдаты замолчали. Но говорливый Бужор, глубоко вздохнув, нарушил тишину:

— Эх, черт возьми! Я оставил свою жинку только с одним ребенком, но когда вернусь, обязательно постараюсь, чтобы она мне подарила целую дюжину.

Тудор цыкнул на него, напомним, что пора спать. Но прежде чем уснуть, Тудор мысленно вернулся домой, в родной город. Он увидел Иляну. В белой фате она сидит с ним за свадебным столом. Тудор чокается с крестным отцом, с родителями и с нетерпением ждет той минуты, когда они с Иляной останутся только вдвоем.

Иляна закрыла лицо руками и тихо заплакала. Затем она посмотрела на него и едва слышно прошептала:

— Боже мой, как я долго ждала тебя...

Да, она ждала его восемнадцать лет, со дня своего рождения. С первых сделанных ею шагов, с первой их ссоры, с первой прогулки по полю Лэптару и первого пожатия рук... Она

все время ждала его, как ждет тюльпан наступления весны, чтобы отдать пчеле свой нектар.

Она подарила ему ясное и чистое понимание жизни, которая кажется такой простой и такой сложной, когда правильно изберешь путь. Их путь, хотя он и тернист, казался им прямым и светлым.

— Тудор, ты должен вступить в партию, — сказала ему как-то Иляна.

— Я?

— Да, ты. Там, на фронте, слова коммунистов очень нужны.

— Значит, ты считаешь, что я уже могу...

— Да! И сейчас, пока ты в отпуске, учись. Ведь ты не знаешь даже, что такое Коммунистический манифест. Тебе, как школьнику, нужно начинать с азов.

И Тудор стал ходить в УТЧ на лекции.

Рекомендацию для вступления в партию дал ему товарищ Георге.

Когда Тудор оказался в большом зале и начал рассказывать о своей жизни, он после первых же слов запнулся и, казалось, забыл обо всем. Его выручил товарищ Георге.

— Что там долго говорить, — сказал он. — Тудор верный товарищ, сын коммуниста. Я познакомился с ним еще до 23 августа. Тогда он получил первое партийное задание. Он храбро боролся против фашистов, был ранен и сейчас снова отправляется на фронт. Ставьте на голосование заявление солдата. Кто за то, чтобы принять Тудора Улмяну в партию?

Вверх поднялось двадцать рук. Никто не был против. Никто не воздержался. Тудор проговорил, смущаясь:

— Спасибо, товарищи. Я оправдаю ваше доверие. Буду воевать на фронте так, как подобает солдату-коммунисту.

Но вот он на фронте, и здесь, в части, нет партийной организации. К кому обратиться? С кем связаться? Завтра он напишет Иляне и спросит ее, что делать, но не прямо, иначе военная цензура не пропустит письмо. Он знает, что коммунисты в армии находятся еще на нелегальном положении.

Наступило Рождество. Он встретил его в бесконечном марше по заснеженной степи. Солдаты шли, шатаясь от сильного пронизывающего насквозь ветра.

В ту же ночь колонна 2-й дивизии вышла к Дунаю и форсировала его.

Утром 7 января на горизонте показалась столица Венгрии. Город пересекал почерневший от нефти Дунай, по которому плыли синие льдины.

Бои за освобождение Будапешта начались еще в конце октября. Хортистские и гитлеровские войска оказывали упорное сопротивление.

Рота Ботяну, ставшая теперь 6-й ротой, была придана 2-му батальону 31-го пехотного полка. Этому батальону была поставлена задача захватить казарму Франца-Иосифа, превращенную гитлеровцами в сильный опорный пункт.

Для того чтобы слиться с батальоном, роте необходимо было пересечь проспект Хунгария, непрерывно обстреливаемый хортистами. Они держали под перекрестным огнем все переулки, ведущие к нему. Бой шел за каждый двор, за каждый дом.

Дойдя до середины проспекта, солдаты Ботяну обнаружили, что он заминирован. Капрал Олтенаку по приказу командира роты пробрался на соседнюю улицу, где находился саперный взвод младшего лейтенанта Митеску. Вскоре Олтенаку вместе со взводом добрался до заминированного участка. А вечером того же дня 6-я рота с помощью саперов разминировала проспект и захватила три здания. Пункты сопротивления противника были ликвидированы, но казарма была еще в руках гитлеровцев.

Лука обнаружил провод, тщательно замаскированный в кювете. Он предложил Илиуцу подслушать разговор немцев по полевому телефону, который сержант носил с собой от самых Джулештей. В грохоте снарядов и треске пулеметных очередей Илиуц разобрал, как кто-то пискливым голосом отдавал приказание любой ценой удержать казармы Франца-Иосифа и обещал направить на подкрепление эсэсовский батальон.

Тем временем рота успешно продвигалась вперед. Илиуц и Лука заметили, что из подвала соседнего дома какой-то человек стучит им в окно. Лука хотел выстрелить, но

Илиуц отвел его автомат в сторону, осторожно, прижимаясь к стене, подошел к окошку и прикладом выбил стекло.

Человек в штатском высунул голову на улицу. Он, по-видимому, давно не брился, бледные губы потрескались, как после изнурительной болезни.

— Вы говорите по-немецки? — спросил его Илиуц.

— Ja, ja! — последовал ответ.

— Хортист?

— Нет, я житель Вены.

Человек хотел подняться на подоконник, но не смог. Илиуц подхватил его под мышки и вытащил через окно. Незнакомец поблагодарил сержанта и рассказал, что прячется здесь уже две недели. Он бежал из рабочего батальона, и сейчас его, вероятно, ищут.

— Через дорогу отсюда, — тихо оказал он, — находится гараж, его охраняют всего шесть человек. В гараже больше сорока машин. Я думаю, они вам пригодятся!

— К сожалению, нам нужно спешить, мы и так отстали от своей роты. Нас ждут.

— Тогда дайте мне автомат, и я покончу с ними в три минуты.

— А живыми их захватить можно?

— Конечно. Гараж охраняют только двое, остальные спят.

— Откуда вы все это знаете?

— В сорок первом году немцы послали меня в дисциплинарном порядке шофером в Будапешт, вот в этот самый гараж. Я проработал там четыре года.

Илиуц решил.

— Хорошо. Пойдем все вместе.

Не прошло и минуты, как они уже входили во двор, а затем через мастерскую проникли в гараж. Впереди осторожно шел австриец. Двое немецких часовых, стоя к ним спиной, через железные решетки окон напряженно следили за ходом уличных боев.

Австриец, Илиуц и Лука приставили автоматы к их спинам. В то время как Лука связывал солдат веревкой, Илиуц и австриец разбудили остальных охранников. Они были мертвецки пьяны и тупо смотрели на них. Не прошло и четверти часа, как Илиуц доложил Ботяну, что они захватили целый гараж немецких машин. Рассказал он и о подслушанном разговоре.

Уличные бои продолжались с еще большим ожесточением. С крыш домов, с балконов, из подвалов хортисты и гитлеровцы вели сильный огонь, не давая возможности продвигаться вперед и поддерживать связь между ротами.

На улицах Текели и Немzeti пехотинцы 2-й дивизии вели ожесточенный бой с фашистами, захватывая одно здание за другим.

Наблюдатели, расположившиеся на верхних этажах домов, корректировали огонь минометов, обстреливающих соседние улицы. Перепуганные жители города, не успевшие эвакуироваться, прятались в подвалах, бомбоубежищах или в метро. Пронзительно выли мины, артиллерийские снаряды, свистели пули.

Гитлеровцы, чувствуя свою гибель, минировали улицы, поджигали учреждения, бросали в бой батальоны хортистов, которые всего несколько дней перед этим научились стрелять из винтовок.

Часто русские и румыны наталкивались на гражданских патрулей с красными повязками на рукавах, выдававших себя за солдат венгерской рабочей гвардии. Но стоило им отойти, как патруль предательски стрелял в спину.

Вести бой было очень трудно. Не было ни охранения, ни прикрытия с флангов, ни разведки. Исход боя решали инициатива, личный пример, отвага и мужество солдат и офицеров.

Солдаты и офицеры 1-го батальона 31-го пехотного полка вместе с советскими воинами участвовали в боях за центр венгерской столицы.

Рота Ботяну расположилась на железнодорожной насыпи недалеко от казармы Франца-Иосифа. Слева находился взвод 4-й пулеметной роты под командой младшего

лейтенанта Николая Белерчиу.

Наступил вечер. Большими хлопьями лениво падал снег. Дымящиеся руины города, окопы, по краям которых виднелись полосы серой мерзлой земли, покрылись снежным покровом, прятавшим следы только что отгремевших боев. Этот снег покрывает и тела солдат, которые еще сегодня утром о чем-то думали, мечтали, делили с тобой последний табак, стойко перенося все трудности боевых походов. Разве можно забыть о том, что здесь происходило? Забыть сержанта Михаила Табука, наблюдателя 9-го артполка, который изрешеченный пулями до последнего вздоха корректировал с восьмого этажа огонь нашей артиллерии. Его нашли после полудня на своем посту. Он крепко сжимал в руке бинокль.

Или сержанта Иона Дуку, телефониста 26-го пехотного полка, который был смертельно ранен в тот момент, когда исправлял телефонную линию? Уже не в силах связать провод, он, умирая, плотно сжал его концы ладонями. Телефонная связь была восстановлена.

Разве можно забыть все это? Но сейчас лучше не думать о смерти. Если нервы напряжены, нужно заставить себя успокоиться, чтобы можно было уснуть на несколько часов здесь, в заснеженной яме, — завтра тебе опять понадобятся новые силы и мужество. Иначе ты будешь побежден.

Эти мысли мелькали в голове Тудора. Он смотрел то на Луку, то на Бужора, то на Безню. Тесно прижавшись друг к другу, они спали глубоким сном.

Иногда тяжело вздыхали и вздрагивали от гула далеких разрывов или выстрелов, раздающихся на окраине Будапешта со стороны Дуная.

Думал Тудор и о другой столице, находящейся на берегу реки Дымбовица, о домике в Джулештях на улице Фрасин. Как далеко отсюда до тех мест и вместе с тем как близко они в его мыслях и мечтах здесь, в Будапеште. Когда он прощался с Иляной на перроне Северного вокзала, он даже не подозревал, что так скоро исполнится желание какого-то солдата, дописавшего мелом на табличке вагона «Бухарест — Арад» слово «Будапешт».

Следующий день на участке дивизии прошел спокойно, даже необычайно спокойно по сравнению с тем, что происходило в северной части венгерской столицы, где советские войска продолжали штурмовать город.

К вечеру 2-й батальон получил приказ перейти в наступление. Во время артиллерийской подготовки гитлеровцы, почувствовав что-то неладное, стали сильно обстреливать насыпь железной дороги.

Роте все же удалось приблизиться к железнодорожному полотну, но ожесточенный огонь противника заставил ее залечь.

Наступила ночь. Чтобы сделать себе укрытие, солдаты много часов подряд копали мерзлую землю. Утром ударил двадцатиградусный мороз.

Солдаты, чтобы не замерзнуть, стучали каблуками и даже танцевали сырбу.

Лука отвинтил пробку фляги и стал пить ром. Безня и Бужор с завистью смотрели ему в рот.

— Хватит, а то захлебнешься.

— Хм?...

— Оставь и нам.

— Хм?...

— На том свете, наверное, тоже так — одни пьют, а другие смотрят.

Выпив последнюю каплю, Лука обтер рукавом губы и щелкнул языком.

— До чего же ты жадный!

— А разве ты вчера не получил такую же порцию? Тебя никто не заставлял выпивать все сразу.

Луке никто не ответил. Сержант Илиуц отвел в сторону Насту и спросил:

— Как ты думаешь, возьмем мы эту венгерскую казарму?

Траншея, проложенная ночью в снегу саперами до стен казармы, была очень узкой. По ней нужно было пробираться цепочкой и ползком, чтобы не заметил противник.

Ветер свистел и обжигал лица солдат. Лука поднялся на насыпь. Тотчас же раздалась пулеметные очереди, и по насыпи часто застучали пули.

Солдаты вскочили на ноги.

Ботяну выругался и стал кричать на Луку. Белый как полотно цыган быстро спустился с насыпи, стараясь не смотреть на офицера, но Ботяну подозвал его к себе:

— Видно, тебе, дураку, ром стукнул в голову?

— Стукнуть-то стукнул, да не ром...

Веселый взрыв хохота был прерван артиллерийской канонадой. Значит, скоро начнется атака. Рота развернулась в линию вдоль железной дороги и ждала приказа.

Наконец началась атака под прикрытием огня артиллерии. С винтовками наперевес бежали люди, из их ртов вырывался белый пар, растворяющийся в тумане. Волосы, брови, ресницы, усы заиндевели, и солдаты стали похожи на дедов Морозов.

Когда рота приблизилась к казармам, артиллерия прекратила обстрел. Противник открыл огонь из винтовок и автоматов, но передним взводам удалось вплотную подступить к стенам казармы, и, таким образом, они оказались в непростреливаемом пространстве. Тут же находились подразделения, которыми командовали Наста и Илиуц. Над их головами трещали пулеметные очереди взвода младшего лейтенанта Николая Белерчиу. Солдаты этого взвода вели огонь по бойницам казарм, давая возможность остальным пехотинцам добраться до каменной стены.

Тудор, Безня, Бужор и другие уже перелезли через стену во двор казармы. Взвод Илиуца расстреливал короткими очередями вражеских солдат, выбежавших во двор казармы. Солдаты взвода Насты уничтожили два вражеских дота, оборудованных в северо-западной стене казармы.

В разгар рукопашного боя Лука заметил, что всего в нескольких шагах от него два вражеских солдата устанавливают пулемет. Лука хотел обстрелять пулеметчиков из автомата, но, нажав на спусковой крючок, обнаружил, что патроны кончились. Недолго думая, Лука молниеносно подскочил к вражеским солдатам и ударами приклада автомата прикончил их. Затем повернул пулемет и открыл огонь по одному из окон казармы.

Через четверть часа казармы Франца-Иосифа были взяты. Как только прекратилась стрельба, красная ракета известила дивизию о том, что 2-й батальон выполнил задачу.

И тут только Тудор заметил, что Ботяну стоит у стены с мертвенно бледным лицом, держа руку за левое плечо, из которого сквозь китель сочилась кровь.

— Господин младший лейтенант, вы ранены?!

— Пустяки, Тудор. Главное — мы выиграли бой. Теперь нужно проследить, чтобы никто из фашистов не убежал отсюда, понимаешь? Собери роту.

Тудор хотел что-то сказать, но, заметив строгий взгляд командира, пошел выполнять приказ.

В тот же день над казармой Франца-Иосифа вместо свастики развевался трехцветный румынский флаг. Советское командование отметило в приказе румынские части, отличившиеся в боях за освобождение Будапешта.

VIII. НА ГРОН

Прошло почти два месяца, но орудия по ту сторону Будапешта не умолкали.

Зима, казалось, никогда не кончится. То шел снег, то мела метель. Санитарные поезда перевозили в Румынию тяжелораненых. Полевые госпитали были переполнены. Здесь действовала уже другая армия, армия в белых халатах, и она воевала с той же настойчивостью и героизмом. Врачи, фельдшеры и медсестры с изможденными от усталости лицами, с покрасневшими от бессонных ночей глазами все же улучали свободную минуту, чтобы немного поговорить с ранеными, сказать им ласковое слово.

А после боя врачи и фельдшеры дни и ночи проводили, склонившись над операционными столами. И когда очередная операция заканчивалась, хирург выходил во

двор, садился на какой-нибудь пустой ящик рядом с медсестрой или фельдшером и жадно курил.

— Разве это госпиталь? — возмущенно говорил еще совсем молодой врач в чине лейтенанта. — Думал ли я, когда был студентом, что буду работать в таких условиях! Где кропотливые лабораторные исследования, где новые эффективные средства? Мы здесь не врачи, а мясники.

— Вы опять начинаете, молодой человек? — отвечал ему хирург. — Вы хотите, чтобы врачи занимались опытами в ультрасовременных лабораториях и госпиталях, а солдаты умирали от гангрены? А ведь для того, чтобы мы могли стать докторами, инженерами, эти неизвестные солдаты отдают свою жизнь. И наш долг — спасти их. Да, нам жалко ампутировать им ноги или руки, делать тысячи молодых людей инвалидами, но другого выхода нет.

В дверях показалась сестра.

— Господин майор, — обратилась она к хирургу, — прибыла новая партия раненых — горные стрелки.

— Хорошо. Сейчас идем. Подготовьте наркоз и инструменты. Пойдем, мой мальчик, нас ждут на «бойне».

Лейтенант бросил сигарету, втоптал ее в глубокий снег, затем поднялся и последовал за майором.

Через несколько минут они уже тампонировали только что сделанный надрез, накладывали на вены зажимы, чтобы остановить кровотечение, а затем произвести ампутацию.

Много солдат, сержантов, офицеров погибло во время уличных боев. Сколько прерванных мыслей, сколько неисполненных желаний, сколько жизней унесла смерть!

Будапешт остался далеко позади. Освобожденный город медленно возвращался к жизни. В город текли нескончаемые потоки беженцев. Оборванные, одетые в тряпье, с обернутыми бумагой ногами (отступая, немцы забирали у беженцев одежду и обувь), они останавливались и несмело махали руками своим освободителям — колоннам советских и румынских войск, двигавшимся в Чехословакию. Иногда солдаты доставали из вещевых мешков буханки хлеба и банки консервов и отдавали их беженцам-венграм.

Однажды, в начале марта, рота лейтенанта Ботяну (после боев за Будапешт Ботяну получил звание лейтенанта) оказалась без неприкосновенного запаса: все отдали беженцам. Командир батальона, узнав об этом, приказал провести следствие и отдать виновных под суд.

Вечером в соседнем советском полку узнали об этом неприятном случае. И вскоре в расположение румынской роты прибыл советский грузовик с продовольствием. А на следующий день, когда приехал следователь, солдаты с гордостью показали ему свой неприкосновенный запас. Правда, на консервных банках надписи были сделаны по-русски!

Следствие было отменено.

Когда командиру полка доложили об этом случае, он очень смеялся. Командованию советских войск за разрешение этой проблемы было послано благодарственное письмо.

Наступил март. Первые весенние дни были холодными. Ночью ударяли прямо-таки крещенские морозы. Войска продолжали двигаться в сторону чехословацкой границы, оставляя за собой освобожденные города и села.

Лейтенант Ботяну выздоравливал. Рана на плече заживала. Целую неделю он пролежал в полевом госпитале, а когда узнал, что его хотят эвакуировать в тыл, в ту же ночь сбежал в роту. На рассвете гитлеровская авиация совершила налет на полевой госпиталь. Много раненых, которые не могли двигаться, было убито. А один исчез: его не нашли ни среди убитых, ни среди живых. Это и был Ботяну.

Так лейтенант опять попал в свою роту. В это время его часть вступила на территорию Словакии.

Новый командир батальона капитан Манолиу приказал Ботяну явиться к нему. Он встретил его верхом на лошади и даже не соизволил подать руку. Когда Ботяну представился, Манолиу с досадой кивнул головой.

— Не нравится мне ваша рота, лейтенант. Не чувствуется в ней дисциплины.

— Вы несправедливо обвиняете ее, господин капитан, она хорошо воюет.

— Это другое дело. А вы знаете, что ваши солдаты пишут родным в деревню? Нет? Ну... как бы вам это объяснить, их письма — просто революционны...

— Откуда вы знаете?

— Это вас не касается. Я, как командир батальона, несу ответственность за воспитание своих подчиненных. А тут наш мужик, вместо того чтобы выполнять приказы, начинает заниматься политикой.

— Я не понимаю вас.

— Вы — кадровый офицер? Когда вы окончили училище?

— В сорок четвертом.

— А-а, совсем птенец! Значит, вы не были там, за Прутом...

— Нет, не был. Я начал войну в Трансильвании вместе с ротой, которой я командую.

— М-да, хорошо, можете идти, но помните: держите свою роту в руках. Не разрешайте солдатам соваться в политику. Это дело гражданских. Да, чуть было не забыл. В вашей роте служит солдат Петре Станку. Пошлите его связным в группу управления батальона.

— Но ведь он не связной роты, господин капитан, а простой стрелок.

— Я приказываю вам, лейтенант. Ясно?

— Слушаюсь, господин капитан.

Получив приказ, солдат Петре Станку в тот же вечер взял свой ранец, винтовку и отправился в батальон. Он не понимал, почему лейтенант послал именно его. Может быть, он в чем-нибудь провинился и командир роты хочет от него избавиться?

Вначале он хотел спросить, почему именно его посылают в батальон, но при виде офицерских знаков различия слова застряли у него в горле. В общем, с ним происходило то же, что и при прощании со своей невестой, Иоаной, когда он уходил в армию. Нет, в ту светлую, звездную ночь он все-таки сказал Иоане главное...

«Иоана!» Даже когда он шепотом произносит ее имя, его охватывает волнение. Осенью, во время уборки урожая, он пек ей в горячей золе кукурузу и срывал для нее первые гроздья душистого винограда. Они тогда пасли вместе барский скот.

Так было до тех пор, пока его однажды не поймал с виноградом в руках помещик. Его сын Женикэ исполосовал Петре хлыстом, а помещик отобрал у него одежду и обувь, которые по договору дал ему к Пасхе. Иоану Женикэ не тронул. Он только посмотрел на нее, погрозил пальцем и сказал:

— А ты, воровка, приходи ко мне вечером, буду судить тебя дома.

Но Иоана не пришла. Она вообще перестала ходить в усадьбу, отказавшись даже от пяти корзин кукурузы, которые полагались ей за работу.

Петре был доволен, что Иоана не пошла на «суд» к господину Женикэ. Он знал, как Женикэ «судил» девушек. Недаром его проклинали все жители села Сегарча.

Однажды Женикэ встретил Иоану на улице:

— Ты так и осталась ненаказанной, девушка? — спросил он ее игриво.

— Я и так отказалась от своей кукурузы, какое вам еще нужно наказание, боярин? Я лучше умру с голоду, но в усадьбу не пойду.

Всю ту осень Петре Станку трудился на винограднике. Виноградник был большой, в двадцать погоню. Здесь же стоял барский дом, и помещик, сидя где-нибудь в тени, наблюдал в бинокль за Петре.

Петре должен был весь день свистеть в свисток, чтобы помещик не подумал, что он ест его виноград. Ему приходилось с рассвета до темной ночи исхаживать десятки километров вокруг проклятого виноградника: ходил он босиком по колючим кустарникам, всегда томимый жаждой, покрытый пылью.

Когда наконец виноград собрали, Петре вздохнул с облегчением. Но в тот же день его вызвал начальник жандармского поста и вручил ему повестку о призыве на военную службу.

— Послушай, Петре, — посоветовал ему жандарм, — попроси-ка помещика, чтобы господин Женикэ взял тебя к себе в полк денщиком. Иначе сгниют твои косточки в России.

Но Петре ни о чем не хотел просить помещика. Он ушел в армию светлой, звездной ночью. Его провожала Иоана. Тогда, по дороге на станцию, он сказал ей, что любит ее и что, если она хочет, он женится на ней, когда вернется.

С тех пор прошло полтора года, но он все еще воюет. Не сгнили его косточки в России, как предвещал жандарм. Его только собирались туда послать, но тут Румыния повернула оружие против Германии.

— Эй, ты, что тут бродишь? — окликнул его часовой.

Петре вздрогнул.

— Я послан связным в батальон, но не знаю, к кому мне явиться.

— Иди сюда, к господину капитану, в штаб.

Петре вошел в помещение. В глаза ему ударил резкий свет большой электрической лампы, висящей под потолком. Дверь за ним закрылась, и Петре заметил в углу за столом офицера. Он жадно пил из кружки. На столе стояла наполовину пустая бутылка рому.

— Здравия желаю, господин капитан. Солдат Станку...

— Добро пожаловать, Петре, садись, — перебил его офицер, продолжая пить.

Петре не верил своим ушам. Офицер знает его имя?! Нет, это невозможно. Вероятно, офицер спутал его с кем-то другим. Может быть, ром виноват в этом?

— Садись на стул, солдат, слышишь? Ты что, не узнаешь меня?

Петре вздрогнул. Это был Женикэ, сын помещика.

— Сл-у-у-ш-ш-шаюсь, господин капитан! К-как я м-мог в-вас н-не узнать? Но-о-о я н-не з-з-знал, что в-вы в б-ба-атальон-не.

— А я, как видишь, знал о тебе. А когда знаешь, что здесь, у черта на куличках, твой односельчанин, то чувствуешь себя как дома. Какие у тебя вести из дому, что творится там, в Сегарчя?

— Что я могу знать, господин капитан? Нищета. Мать постоянно болеет, а у отца тяжелая работа — он носильщик на станции. Неделю назад я написал им письмо.

Петре писал своим родителям о том, что здесь, на фронте, поговаривают о передаче земли беднякам, и в первую очередь солдатам-фронтовикам. Тогда же он написал пылкое письмо Иоане. Представил себе, что у него уже есть земля, которую он будет пахать, сеять, а потом вместе с Иоаной собирать урожай. Это будет их земля, и урожай, который они соберут, будет принадлежать только им. Ведь у помещика Манолиу столько земли, что если ее разделить, хватит на три села...

Но Петре ничего не сказал об этом капитану. Как он может сказать сыну помещика, что он, солдат Станку, хочет забрать у его отца землю?

Однако капитан Манолиу все знал. Он читал письма солдат своего батальона. Почти все они писали об аграрной реформе, которую поддерживали коммунисты. Когда ему в руки попался измятый конверт со знакомым словом Сегарчя, у него перехватило дыхание. Он вскрыл конверт и, с трудом разбирая «иероглифы» малограмотного парня, стал читать письмо. Этот Петре Станку писал Иоане, девушке, отказавшейся прийти к нему, Женикэ, вечером. И кто этот Петре? Батрак, которого он исполосовал нагайкой. Нет, это уж слишком! Вот до чего они дожили! Завтра этот мужик, которым он сейчас командует, заберет у него землю. Что будет с отцом, с ним? Почему они не убежали с немцами, как это сделали другие люди с головой? За что он воюет? Чтобы восстановить справедливость? Для кого? Для крестьян? Стало быть, он, капитан Манолиу, сын помещика воюет за крестьян? Да пусть они сдохнут заодно с коммунистами! Он бы своими руками уничтожил всех этих нищих болтунов. Вернутся ли когда-нибудь в Сегарчя прежние времена? Да что говорить? Как они могут вернуться, когда повсюду русские. Будь только одни румыны, тогда другое дело, а тут везде, по всему фронту, русские, а оттуда, с запада, жмут англичане, французы, американцы.

Черта с два теперь выиграют немцы!

Кто-то постучал в дверь. Капитан очнулся от своих мыслей:

— Войдите!

— Господин капитан, я сержант Лупу, связной полка. Вам секретный пакет.

— Давай сюда.

Когда связной вышел, капитан вскрыл письмо и стал читать. Брови его удивленно приподнялись. В письме, написанном неровным почерком, командир полка приказывал батальону на рассвете атаковать противника в направлении Ноград сен Потор — Добре-Нива. Это были первые населенные пункты, расположенные по ту сторону венгерской границы, на словацкой земле.

В начале одиннадцатого капитан Манолиу встал из-за стола и приказал своему новому связному, солдату Петре Станку, идти спать. Станку встал и отдал честь. Капитан подал ему руку.

— Я взял тебя к себе, так как хочу, чтобы около меня был свой человек, односельчанин. Ты напоминаешь мне о доме. Я позабочусь о тебе, Петре.

— Благодарю вас, господин капитан.

— Иди в отделение управления батальона, когда надо будет, я тебя вызову. Да, я забыл тебе сказать, что с завтрашнего дня, если хочешь, я возьму тебя в денщики.

— Я, господин капитан, привык ко всему. Ведь я же был батраком в вашем поместье.

— А ну его к черту, это поместье. Лучше бы его совсем не было. Сейчас такие времена, что я не хочу и слышать о нем. И ты забудь. Об этом никто не должен знать, понимаешь?

— Слушаюсь, господин капитан.

Через полчаса на командный пункт батальона прибыли командиры рот. Атака была назначена на следующий день. Рота Ботяну должна была атаковать в первом эшелоне при поддержке артиллерийского дивизиона 9-го артполка.

Ботяну отметил на карте все цели, определил боевой порядок. Но его очень беспокоило, что в этой подготовке к атаке не принимал участия ни один артиллерийский офицер.

— Не беспокойся, я сам все сообщу артиллеристам, — успокоил его Манолиу.

Когда командиры рот ушли, была уже полночь. Но Манолиу все еще не ложился спать. Он начертил другую схему для артиллеристов. Там были даны совершенно другие цели, причем с таким расчетом, чтобы снаряды поражали свои части.

Направив схему с новым связным в дивизион, капитан постучал в замаскированную в стене дверь. Дверь открылась, и он исчез за ней. В соседней комнате жил хозяин дома — фон Александер, виноторговец, совершивший немало сделок с немцами. С тех пор как капитан Манолиу установил здесь свой командный пункт, виноторговец принимал его весьма учтиво, разговаривал с ним на чистом немецком языке и угощал настоящим токайским вином.

О чем только не говорит человек за бокалом вина! Фон Александер жаловался на тяжелые времена, а Манолиу выражал сомнение в победе русских... В этих бесконечных разговорах оба приходили к полному взаимопониманию.

После нескольких бутылок вина языки их до того развязались, что они начали оплакивать времена фашистской оккупации.

— Какой я глупец, герр гауптман, что остался здесь... Немцы отступили ночью, это было так неожиданно для меня. На рассвете по улице уже проходили советские войска. А как же вы, культурный человек, миритесь с ними?

— Я выполняю свой долг, господин Александер, я кадровый офицер, — ответил уклончиво Манолиу.

Но на следующий день он решился поделиться с хозяином возникшей у него мыслью.

— Если вы хотите перейти на ту сторону, я помогу вам...

Фон Александер, возбужденный, с разгоревшимися щеками, вскочил, подошел к комоду и достал оттуда кольцо с жемчугами.

— Прошу принять этот дар в знак моего преклонения перед вами и в знак моей признательности.

Спустя 24 часа после этой беседы Манолиу входил через потайную дверь к хозяину дома, неся с собой план расположения немецких частей.

Склонившись над картой, они оба тщательно подсчитывали расстояние. До немецких позиций было всего шесть километров. Фон Александер знал дорогу через лес, по которой можно было пройти незамеченным вплоть до Зловенского шоссе. Но он все-таки не доверял Манолиу, боялся, что тот может предать его, несмотря на дорогой подарок. Подумав немного, Александер сказал:

— Если вы пойдете со мной, вы будете богатым человеком. Там у меня много друзей. Если даже придут американцы, мы заживем по-царски. Мои драгоценности в Швейцарском банке ждут нас обоих.

Зачарованный миражем подобной авантюры, Манолиу готов был согласиться, но, подумав, что это сопряжено с большим риском, сделал безразличный вид и отказался:

— Нет, сейчас я не могу идти с вами. А вы, когда доберетесь, скажите им, откуда мы будем атаковать. Я со своим батальоном постараюсь оторваться от главных сил полка и таким образом смогу передать немецкому командованию весь личный состав батальона. Тогда мы и встретимся с вами.

— А как известить вас, что я благополучно добрался?

— Пусть немцы ровно в четыре часа пять минут дадут зеленую ракету.

Вернувшись от артиллеристов, Станку направился в канцелярию, чтобы доложить Манолиу о выполнении приказа, но там никого не было. Разочарованный, он уселся на стоящий у стола стул и решил ждать. Вдруг послышался шорох. Он насторожился.

Шорох доносился из ящика стола. Станку быстро открыл ящик, который оказался незапертым.

Из ящика выпрыгнула мышь и, сбежав по ножке стола вниз, шмыгнула под шкаф. Все это произошло так быстро, что Станку не успел даже подняться со стула.

Он хотел закрыть ящик, но вдруг заметил в нем пачку писем. Это были письма солдат, все они были вскрыты. Среди них Станку обнаружил и свое письмо. «Как же так? — недоумевал он. — Значит, капитан оставляет у себя письма солдат? А они-то думают, что их давно уже получили в деревне. Зачем капитану понадобились их письма? Нужно немедленно спросить об этом капрала Тудора или сержанта-инженера Илиуца». Сейчас уже поздно. Но завтра, на рассвете, он обязательно скажет им об этом. Почувствовав внезапную усталость, солдат склонил голову на стол и задремал.

Когда Манолиу пинком разбудил его, была уже глубокая ночь. Быстро вскочив и вытянувшись перед офицером, Станку доложил о выполнении приказа и вручил конверт с распиской о получении пакета.

— Сейчас около четырех часов, — буркнул в ответ капитан. — Ступай и разбуди группу управления. Ровно в пять мы должны быть на участке пятой роты.

Оставшись один, Манолиу почувствовал какое-то внутреннее беспокойство. По всем расчетам, Александер должен уже быть на месте час назад. Кажется, ему никто не мешал. Дозор, находящийся у леса, был специально убран и переброшен для патрулирования вдоль дороги, ведущей в город.

Манолиу казалось, что время остановилось. Он несколько раз подносил часы к уху, чтобы убедиться, что они идут.

Когда стрелки часов показали ровно четыре, Манолиу вышел во двор и долго смотрел на север. Он мысленно отсчитывал секунды, сердце его сильно стучало. Неожиданно темнота ночи была разрезана зеленой ракетой, которая поднялась высоко-высоко, поплыла по небу и тотчас потухла.

Манолиу спокойно закурил. Сердцебиение прекратилось. Теперь все в порядке: фон Александер благополучно добрался до цели. А удастся ли это сделать ему самому? Все зависит от того, как будет действовать батальон, особенно от того, сумеют ли немцы парализовать остальные силы полка, чтобы дать возможность его батальону выйти из зоны

огня.

На рассвете батальон занял исходные позиции. Впереди в утреннем тумане едва виднелся город Потор, над которым возвышались колокольни двух протестантских церквей.

В роте Станку рассказал Тудору и солдатам о махинациях Манолиу с письмами. Всеобщему возмущению не было предела. О случившемся доложили лейтенанту Ботяну.

— Хорошо, — сказал он. — После боя разберемся, в чем дело. Может быть, был приказ свыше?

— Какой приказ, господин лейтенант? — ответил ему Тудор. — Солдаты первого батальона сегодня получили письма, а из нас никто не получает писем уже целую неделю.

И тут Станку догадался, почему Манолиу задерживает солдатские письма.

— Видно, господину капитану не нравится, что мы хотим получить землю, — сказал он. — Вот оно что! Как это я раньше не догадался. Поэтому-то Манолиу и не велел мне никому говорить, что у него около нашего села поместье.

— Так ты его знаешь, Станку?

— Еще бы, господин лейтенант. Я был батраком у его отца, помещика Манолиу. И капитан Манолиу взял меня к себе связным, чтобы сделать своим денщиком, он ведь знает меня как хорошего работника... Ой, я должен бежать, там, на командном пункте, меня, наверное, уже ищут.

Тудор пожал ему руку и сказал, прощаясь:

— Вот что получается, когда нами командует помещик. Кто знает, какие планы вынашивает наш командир батальона. Ведь волк никогда не станет овцой...

Атака началась неожиданно, без артиллерийской подготовки. Второй батальон стремительно продвигался вперед по заснеженному полю, оставив метров на сто позади себя соседние батальоны. Командир полка по телефону приказал Манолиу, чтобы его батальон держался на уровне остальных. Внезапно противник начал обстрел.

Услышав свист снарядов, рота Ботяну залегла. Остановился и весь батальон. Но снаряды рвались только на флангах, в расположении соседних батальонов. Тогда Манолиу приказал батальону выдвинуться вперед еще на сто метров.

Лейтенант Ботяну, заметив, что рота оторвалась от соседних батальонов более чем на двести метров, приказал остановиться. Манолиу подошел сзади с остальными двумя ротами и отдал приказ Ботяну продвигаться вперед.

— Мы же отрываемся от батальона, господин капитан! — ответил ему Ботяну.

— Я приказываю вам наступать, лейтенант.

— Как можно наступать, если полк скован фашистской артиллерией? Почему молчит наша артиллерия? Ведь до противника осталось не более восьмисот метров.

— Выполняйте приказ. Ясно? Я сам поведу в бой остальные две роты. Надо воспользоваться тем, что артиллерия не ведет огонь по нашему батальону.

Тудор, Илиуц, Безня, Олтенаку, Лука и другие солдаты смотрели на лейтенанта. Они догадывались, что тут что-то неладно. Соседние батальоны прижаты к земле, а их батальон оторвался от полка уже более чем на триста метров.

Неожиданно стали бить орудия артиллерийского полка. «Наконец-то», — обрадовались солдаты. Но снаряды начали рваться перед фронтом соседних батальонов и позади второго батальона, ранив нескольких солдат из роты Ботяну.

— Почему артиллерия не перенесет огонь? Ведь они бьют по своим! — возмущенно кричали солдаты.

Но Манолиу настойчиво приказывал:

— Вперед, ребята! Уйдем от снарядов нашей грешной артиллерии.

Только теперь в голове Ботяну промелькнула страшная догадка. «Вот почему вчера вечером на разборе обстановки не было артиллеристов. Значит, Манолиу сделал для них неверную схему целей. Неужели возможно такое предательство? Как же в полку не проверили его схему?»

Снаряды продолжали рваться, отделяя 2-й батальон от остальных двух батальонов полка.

— Вперед, ребята, — по-прежнему слышался голос капитана Манолиу. — Не стрелять! Лейтенант Ботяну, продвигайтесь вперед, слышите?

Но Ботяну остановил роту на месте. Они и так оторвались от главных сил полка почти на пятьсот метров.

— Что вы делаете, лейтенант? Я приказываю идти вперед. Вы что, оглохли?

Но Ботяну уже не слышал слов Манолиу. Он видел, что моторизованная рота фашистов начала вклиниваться в стык между 2-м и соседним батальоном. Головные роты попали в тяжелое положение.

— Противник справа! — крикнул Ботяну. — Рота, слушай мою команду! Ручными гранатами по бронемашинам противника, огонь!

Видя, что головной батальон атаковал бронемашины, гитлеровцы ответили ожесточенным огнем.

Когда до противника оставалось всего двести метров, Манолиу понял, что проиграл. Он проиграл только из-за Ботяну, который не согласился вести роту вперед. Ну и черт с ним. Лишь бы добраться до немцев. На пути был небольшой окоп. Манолиу прыгнул в него. Тем временем бронемашины противника открыли сильный огонь по батальону. Движущиеся со стороны противника новые бронемашины наседали на передние. Манолиу побагровел. Окружение батальона становилось неизбежным. «Может быть, мне все-таки удастся передать батальон немцам...» — подумал он.

Станку, находившийся рядом, заметил какой-то странный блеск в его глазах и почувствовал, что тот рад, что батальон попал в беду.

Рота Ботяну продолжала вести огонь. Казалось, что полк вот-вот поддержит роту. Но полк молчал. Правда, артиллерия уже прекратила обстрел своих частей и перенесла огонь на бронемашины противника.

Манолиу уже не мог командовать батальоном. Все роты действовали самостоятельно. «Если мне не удастся перебежать к немцам, меня все равно разоблачат. Ведь я дал артиллерии неправильную схему целей», — напряженно думал Манолиу.

Станку лежал в двадцати метрах от капитана. Вокруг беспрерывно рвались снаряды. В нескольких шагах от Станку раздался оглушительный взрыв. Земля задрожала, окоп засыпало. Когда Станку пришел в себя, ему показалось, что взрыв произошел в том месте, где находился Манолиу. Он поднял голову и стал напряженно вглядываться. Но Манолиу не было видно. «Где же он?» — недоумевал Петре.

В это время затрещал телефон. Затем опять и опять. Видя, что к нему никто не подходит, Станку прыгнул в окоп. Рядом с настойчиво трещающим телефоном лежал телефонист. Он был мертв. Станку снял трубку.

— Алло, да, да, господин полковник. Я — «Палтин». Господина капитана? Сейчас...

Отложив в сторону трубку, он поднялся и стал звать Манолиу. И вдруг увидел его. Спотыкаясь, с поднятыми вверх руками, Манолиу бежал к позициям противника. Станку не верил своим глазам. Он схватил трубку и крикнул:

— Господин полковник, господин капитан бежит в сторону противника. Посмотрите в бинокль, покарай меня Бог, если я вру... Как? Открыть огонь по капиталу? Слушаюсь! Будет исполнено.

Станку поднял автомат. Задержал дыхание и, поймав беглеца на мушку, с силой нажал курок. Манолиу остановился и, хватаясь руками за воздух, наклонился и упал на землю.

— Так тебе и надо, предатель, — со злобой произнес Станку, снимая палец с курка.

Вновь затрещал телефон. Станку подбежал, схватил трубку и услышал уже знакомый ему голос полковника.

— Молодец, связной. Как твоя фамилия?

— Солдат Петре Станку, господин полковник.

— Вот что, Станку, передай лейтенанту Ботяну, что я приказываю ему взять на себя

командование батальоном. Батальону занять оборону и любой ценой остановить противника. Я пришлю...

Раздался взрыв. Связь была прервана.

— Алло, ал-л-оо... — напрасно кричал в трубку Станку. Затем он выскочил из окопа и побежал в сторону роты.

Выслушав сообщение Станку, Ботяну вышел из окопа и, приложив ладони ко рту, крикнул:

— Батальон, слушай мою команду. Любой ценой задержать противника, не дать ему возможности сомкнуть кольцо. Берегите патроны. Они нам очень пригодятся...

В течение всего дня полк безуспешно пытался отбросить противника, вклинившегося между 2-м батальоном и главными силами полка. 2-й батальон из последних сил удерживал натиск противника. Зарывшись по пояс в мерзлую землю, солдаты стреляли лишь тогда, когда были уверены, что попадут в цель.

Из-за предательства Манолиу батальон потерял половину личного состава. В роте Ботяну во взводе Насты вышло из строя больше половины солдат. В тишине ночи слышались стоны раненых. Их было много, сумка санинструктора быстро опустела — индивидуальные пакеты кончились. На бинты стали рвать рубашки.

Ботяну приказал всем ротам немедленно занять круговую оборону. Каждой роте был определен участок, часть солдат оставалась в обороне, остальные — направлены на рытье глубоких траншей.

Перед каждой ротой на сто метров вперед было выдвинуто боевое охранение.

Взвод Илиуца начал рыть окопы. Видя, что во взводе Насты дело идет туговато, Илиуц послал туда отделение Тюдора. Солдат Безня с трудом поднялся на ноги.

— Какого черта я должен копать еще одну яму? У меня уже есть одна.

— Не говори глупостей, — ответил Лука. — Я готов рыть сотню ям, лишь бы не остаться с продырявленной шкурой.

— Это верно, что мы окружены? — робко спросил Айленей.

— Ерунда! А если бы мы даже и были окружены, то неужели ты думаешь, что полк или дивизия оставили бы нас?

— Так-то оно так, но если найдутся еще такие, как Манолиу, то нам не миновать плена.

— Ты что, считаешь, что все офицеры — предатели? Возьми хоть нашего лейтенанта...

— Перестаньте болтать! — крикнул кто-то. — Лучше поглубже ройте траншеи, чтобы до утра в них укрыться.

...Близился рассвет. Мороз все усиливался. Небо стало похоже на замерзшее озеро. В одном из укрытий при свете фонаря над измятой картой склонился лейтенант Ботяну. Он сделал схему по масштабу карты, нанес на нее батальон и, подсчитав расстояние до главных сил, от которых батальон был отделен вклинившимися бронемашинами противника, понял, что они находятся в ловушке. Атака против гитлеровских бронемашин силами батальона равносильна самоубийству. Ее можно начинать только в том случае, если наступление батальона поддержит полк или дивизия. Лишь тогда противник наверняка отступит.

«Проклятый Манолиу! Поделом ему, собаке! — выругался про себя Ботяну. — А ведь как все удачно складывалось! Где же выход? Чего нам ждать? Если бы я сейчас оказался в дивизии, то сказал бы: "Господин генерал, что нам делать? Сколько мы еще будем сидеть в окружении? Продукты у нас давно кончились, боеприпасы на исходе, половина личного состава вышла из строя..."»

Солдат Станку сидел, поджав ноги по-турецки, и держал фонарь, освещающий карту. Внимательно посмотрев на Ботяну и заметив его нахмуренный лоб, он спросил:

— Тяжело, господин лейтенант?

— Да, Станку, тяжело, очень тяжело. Если бы мы имели связь с нашими, все выглядело бы иначе. Но телефон больше не работает...

— А не могу ли я, господин лейтенант, заменить телефон. Напишите все, что вам

нужно передать, и я вмиг доберусь до полка или дивизии.

Да, об этом уже думал Ботяну. Но как Станку прорвется через окружение? А вдруг донесение по падет в руки врагов? Ведь тогда всему батальону будет конец. И все же это единственный выход. Если завтра, на рассвете, дивизия не перейдет в наступление, тогда... Нет, дивизия должна на рассвете перейти в наступление! И ей нужно сообщить об этом!

— Значит, прорвешься, Станку?

— Прорвусь, господин лейтенант.

— Смотри, чтоб тебя не накрыли.

— Не беспокойтесь, господин лейтенант, я проворный!

Ботяну написал на схеме, нажимая на каждую букву: «Мы атакуем завтра в 6 часов в юго-восточном направлении с целью прорвать окружение. Если и вы начнете наступление в это же время, то успех будет на нашей стороне».

Он вложил схему в конверт.

Фонарь погас. Ботяну и Станку двинулись вдоль расположения взвода Илиуца.

— Стой! Кто идет?

— Тише, Илиуц, — откликнулся Ботяну. — Это я со связным проверяю караулы. Ну как, скоро кончите рыть окопы?

— Дошли до половины, господин лейтенант, — ответил Илиуц.

— Поторопитесь, ребята. К рассвету все должно быть готово.

Достигнув линии боевого охранения, Ботяну вручил Станку конверт. Станку взял его и вытянулся перед Ботяну.

— Помни, браток, что в твоих руках находятся жизни солдат целого батальона, понимаешь? Ну, ступай с Богом... — сказал Ботяну и, обняв Станку, поцеловал его в небритое лицо.

Когда темнота ночи поглотила Станку, толстый слой туч обволок месяц, словно желая помочь связному.

Ботяну более часу находился в боевом охранении, которое в случае обнаружения Станку немцами должно было своим огнем прикрыть его отход.

Но ночь прошла спокойно, ее тишину не нарушил ни один выстрел.

...Что-то скрипнуло. Станку моментально прижимается к земле, направляет вперед автомат, щупает у пояса гранаты... Нет, все в порядке. Это шуршит снег. Станку ползет дальше. Стоит чертовски сильный мороз. Хочется остановиться, потереть руки, но время не ждет. Привыкшие к темноте глаза замечают слева бронемашину. Возле нее ходит часовой, постукивая сапогами и размахивая руками, чтобы согреться. Вот резануть бы его автоматной очередью! Но нет, этого делать нельзя, он должен пройти незамеченным под самым носом у часового. То тут, то там виднеются ямы. Впереди тоже яма. Нужно обойти ее, проклятую! Сколько приходится терять напрасно времени!... Что такое? Кажется, играют на волынке... Но откуда здесь, на фронте, может взяться волынка? Ведь немцы не любят ее. У них все «кордеон». И все же где-то играют на волынке. Господи, какой я глупый, это кто-то храпит там в яме. Приятного сна, Гансик! Ох, с каким удовольствием я отправил бы тебя на тот свет!

Тырши, тырши — скрипит снег. Его скрип слышит только Станку, который на локтях, отталкиваясь носками, скользит вперед, по переднему краю противника...

В первом часу ночи командование полка получило донесение, в котором сообщалось, что до боевого охранения добрался солдат со срочным пакетом.

Вскоре полк получил приказ начать наступление одновременно с атакой окруженного батальона.

В два часа ночи полковник в сопровождении капрала пришел в медпункт, куда поместили Станку.

Станку проснулся от скрипа отворяемой двери, сбросил с себя одеяло и вытянулся перед полковником.

— Ложись в кровать, связной, — улыбнулся полковник. — Прежде всего я объявляю

тебе благодарность за то, что ты уничтожил предателя. И особенно благодарю за выполнение последнего задания. Ответ лейтенанту Ботяну мы отправим с другим связным. Расскажи капралу, как ты пробирался сюда, чтобы и он смог удачно добраться до батальона.

— Слушаюсь, господин полковник, — ответил умоляющим голосом Станку, — но я прошу послать меня. Я помню, где я проходил, но мне трудно будет рассказать, я не могу указать ориентиры.

— Это невозможно, — ответил полковник. — Врач говорит, что тебе необходим отдых, тебе ведь только что сделали растирание спиртом.

— Господин полковник, лучше бы мне дали выпить этот спирт, а то только напрасно израсходовали... .

Полковник рассмеялся. Через несколько секунд Станку был уже одет.

— Значит, ты непременно хочешь сам доставить пакет?

— Да, господин полковник. Видите ли, господин полковник, я солдат...

— Ты был им до сегодняшнего дня. Сейчас ты уже капрал.

— Благодарю вас, господин полковник. Разрешите идти?

— Да... скажи-ка мне, чем ты занимался до армии?

— Пахал землю, господин полковник...

— Значит, крестьянин, хлебопашец. Сколько же у тебя земли?

— У меня? У меня ничего не было, господин полковник. Но теперь я надеюсь, что правительство даст мне землю.

— Да, правительство обязательно даст тебе землю. Как раз об этом сегодня говорили по радио...

— Правда? Жаль, что эту передачу не успел послушать капитан Манолиу!

— Почему ты думаешь, что это было бы ему интересно? Ты что, его знал раньше?

— Я всю жизнь батрачил у него в поместье. А теперь мы будем владеть этой землей. Она нам полагается по праву... Но сначала надо покончить с фашистами. Ой, простите, господин полковник, я тут разговорился...

— Ничего, капрал Станку. Иди! Желая удачи.

— Благодарю, господин полковник.

Было уже далеко за полночь, а второй батальон продолжал рыть окопы. Первым закончил работу взвод Илиуца. Голод стал давать о себе знать. Солдаты снова и снова перетряхивали свои вещевые мешки. Некоторым удавалось найти завалявшийся сухарь. Обрадованные такой находкой, они ломали его на мелкие кусочки и сосали, как конфету.

О том, что в штаб полка послан связной, было известно всему батальону. Все знали, что судьба батальона зависит теперь только от этого связного. Всех мучил один и тот же вопрос: удалось ли Станку добраться до штаба полка? Сколько времени прошло с тех пор, как он был послан?

Время не обращает внимания ни на мороз, ни на голод, ни на волнения. Оно поглощает день за днем, ночь за ночью, час за часом, минуту за минутой и равнодушно идет вперед. О, если бы можно было задержать время на месте, если бы ночь длилась на один-два часа дольше!

Сначала вышла большая, блестящая, как медное блюдо, луна, осветив все вокруг. Но вот луна стала бледнеть, мрак рассеялся, небо посветлело... Гитлеровцы зашевелились. Загудела земля под тяжестью бесчисленных бронемашин. В помощь наступающим фашистам прибыл танковый батальон. Машины смело продвигались вперед: со стороны окруженных румын не было сделано ни одного выстрела.

А в это время по земле, среди воронок и свежих следов гусениц полз солдат с пакетом. Он внимательно осматривал каждый клочок земли вокруг себя. Увидев воронку, мимо которой он проползал несколько часов назад, он сильно обрадовался. Но храпа из нее уже не раздавалось.

«Плохо дело, — подумал Станку. — Если часовой не спит, то вряд ли удастся

проскользнуть незамеченным». Он подполз на локтях к краю воронки и заглянул в нее. Часовой жадно курил, пряча сигарку в рукав шинели.

Станку затаил дыхание. Подтянув ноги, он напряг все силы и прыгнул вниз.

Гитлеровец инстинктивно повернул голову в его сторону, но Станку тут же схватил его за горло и сильно прижал к земле.

Послышался хриплый стон. Затем все стихло. Станку снял затвор с винтовки часового и, отбросив его в сторону, вылез из воронки. Он весь дрожал. «Отчего это? Неужели я боюсь? Может быть, ведь скоро наступит рассвет...»

Вдруг Станку услышал, что позади него раздаются какие-то неразборчивые голоса. «Кажется, смена часовых, но назад смотреть нельзя. Там смерть».

Неожиданно несколько осветительных ракет зажглись над его головой. Сзади застрочил пулемет. Пули вонзились справа от него в мерзлую землю.

«Значит, меня все-таки обнаружили». Впереди тоже раздалась автоматные очереди. Станку тяжело дышал. Это стреляли свои, прикрывая его возвращение. «Теперь, что бы ни случилось, они будут знать, что я выполнил приказ», — успокоился Станку.

Пулемет противника строчил непрерывно. Станку почувствовал, как что-то обожгло его ногу и ударило в плечо. Он ощупал себя и рукавом шинели вытер пот с затылка.

Рукав был весь в крови. «Наверно, я поцарапал себе шею, когда пробирался через сухой кустарник, — подумал Станку и снова стал ощупывать себя. — Нет, я ранен, но это пустяки. Крепись, Петре, крепись, парень...»

Станку прополз еще несколько шагов, но плечо и левая нога отказывались слушать его. Ему стало душно. Он хотел расстегнуть воротник, но не мог. Рванув его, оторвал крючок. «Отчего мне так хочется спать? Почему звезды покрылись кровью? Нет, не кровью, а красным вином, какое бывает у нас в Сегарчя...» Новая пулеметная очередь просвистела над ухом. Осветительные ракеты больше не появлялись. Наступал рассвет. У самого лица Станку рос подснежник. Жесткой рукой Петре начал разгребать снег, чтоб добраться до земли. Земля казалась ему теплой и пахла свежей, только что вспаханной бороздой. Он взял в руку несколько комочков земли и стал растирать их. Станку решил эту землю и подснежник послать Иоане. Нет, лучше один подснежник. Ведь у Иоаны сейчас уже есть своя земля. Правительство дало ей... Как хочется спать...

Пули непрерывно свистели над ним. Станку казалось, что с обеих сторон к нему приближаются солдаты. «Кто же придет первым? Фашисты. Они ближе, чем свои... Нет, братцы, напрасно вы играете в жмурки!» — Станку нащупал гранаты у пояса.

Когда Ботяну увидел осветительные ракеты, он понял, что Станку выполнил приказ и теперь при возвращении гитлеровцы обнаружили его.

Ручные пулеметы боевого охранения открыли ответный огонь. Но пулемет противника непрерывно поливал огнем ползущую по снегу фигуру. С наступлением рассвета огонь с обеих сторон усилился. Теперь уже все видели Станку. Он был на ничейной земле.

Весь батальон следил за малейшим его движением. Офицеры и сержанты напряженно вглядывались в бинокли. Станку вдруг перестал двигаться. Ранен? Убит?

Из-за подымавшегося над землей тумана показалась группа фашистов. Они быстро приближались к раненому.

— Господин лейтенант, разрешите моему взводу вынести Станку.

— Не могу, Наста. Я готов дать руку на отсечение, лишь бы спасти его. Но мы очень далеко от него. А через полчаса должна начаться атака.

— Господин лейтенант, можете меня расстрелять, но я не могу оставить раненого в руках этих гадов. По крайней мере прикажите батальону открыть по ним огонь.

Не успел Наста закончить фразу, как по сигналу Ботяну батальон начал обстрел противника... Ботяну наблюдал в бинокль. Гитлеровцы остановились.

— Наста! — крикнул Ботяну.

— Слушаю, господин лейтенант.

— Действуй, но только осторожно. Я буду все время держать их под огнем.

Однако не успел взвод Насты сделать и пятидесяти шагов, как противник тоже начал обстрел. Стреляли даже танки. И все же взвод упорно, шаг за шагом, продвигался вперед. Гитлеровцы пока намного ближе к Станку.

Наста приказывает продвигаться перебежками, один за другим. Из шести фашистских солдат четыре были убиты. Но двое уже подходят к Станку. Им осталось четыре, три, два метра... Вот-вот они схватят Станку. Один из них уже протянул к нему руку... В этот момент раздался сильный взрыв гранаты...

Когда дым рассеялся, все увидели, что оба фашиста неподвижно лежат рядом со Станку.

Солдаты Насты быстро добежали до того места, где лежал погибший солдат. Станку был изрешечен пулями и осколками гранаты. В вытянутой вперед правой руке он крепко сжимал пакет из полка. Пальцы другой руки, почти оторванной от плеча, бережно держали подснежник и несколько комочков земли...

В шесть часов утра 2-я дивизия совместно с советской танковой бригадой перешла в наступление. Не прошло и часа, как окружавшие батальон гитлеровские части были разбиты. Одна за другой были разгромлены укрепленные позиции у Добра-Нива, и весь фронт противника, почти до самого Грона, где советские войска начали крупные операции, был прорван.

Это было 10 марта 1945 года. Шоссе, ведущее в Зволен и Остра-Лука, на важные населенные пункты, стало свободным. Здесь у развилки двух дорог, у заброшенной мельницы, и был похоронен связной 2-го батальона капрал Станку.

На березовом кресте раскаленным гвоздем Наста выжиг четыре слова: «Герой капрал Петре Станку». А Тудор Улмяну приписал ниже химическим карандашом: «Мы не забудем тебя никогда!»

IX. В ВЕНСКОМ ЛЕСУ

Наступает весна. Теплый воздух напоен ароматом. Островки снега на полях с каждым днем становятся все меньше и меньше. Показалась молодая зеленая трава; на ивах, растущих у берега реки Грон, набухают почки.

Крестьяне вывозят плуги на поля, чтобы вспахать землю, по которой прошли огонь и опустошение.

Солдаты сбросили с себя шинели, а зимние шапки заменили пилотками, украсив их подснежниками и фиалками. Порой солдаты останавливаются и смотрят на поля, на небо.

— Добро пожаловать, весна-красна!

— А ну, свет-солнышко, согрей-ка хорошенько поля!

— А интересно, какова у нас сейчас пшеница?

— Неделю тому назад я получил письмо из дому: дед пишет, что ворона уже прячется в ней.

— Безня, а сколько земли ты получил от государства?

— Два погона, Лука. А ты?

— Не знаю, еще ничего не известно. Жена мне пишет, что наш вожак, видишь ли, не разрешил своему табору получать землю. Но цыганки бросились на него и чуть было не выцарапали ему глаза...

— Да, вам, цыганам, трудно будет осесть на месте и заниматься земледелием. Вы как первобытные люди.

— Первобытные или нет, господин капрал, но земля нам нужна, и я знаю одно: когда вернусь из армии, буду пахать землю. А ты, Айленей?

— У нас, в Романацах, теперь как раз делят имение Рознованов. Думаю, что и я получу землю.

— А как же?! Конечно, получишь. Нам всем дадут. Ведь мы уже почти семь месяцев

воюем.

— А дадут ли землю семьям погибших? Например, родителям Петре Станку...

Услыхав это имя, солдаты примолкли.

Как мало людей осталось из прежнего состава! Прямо по пальцам можно сосчитать. Наста, Тудор (оба ранены), Илиуц, Безня, Лука, Айленей и Олтенаку. Семь человек из семидесяти артиллеристов, которые были в Джулештях! Сколько пролито крови, сколько слез пролили матери, братья и сестры. Если бы собрать по всей стране эти слезы, Дунай вышел бы из берегов!

А разве это уже все? Ведь война еще не окончена. Гитлеровцы, чувствуя свой конец, воюют с остервенением, не останавливаясь ни перед чем. Они поджигают города и села, выставляют на передовую линию огня женщин и детей (знают, что советские и румынские войска не будут в них стрелять).

Так было в Мистрине, в Нитре, в Дол-Пиале.

2-й стрелковый батальон под командованием лейтенанта Ботяну фактически превратился в роту и поэтому был направлен на переформирование, а Ботяну стал командовать шестой ротой. Эта рота, состоящая из трех взводов по десяти человек в каждом, была включена в состав 2-го танкового полка в качестве истребителей танков.

В течение недели, находясь в тылу, солдаты осваивали новую специальность. Советский инструктор лейтенант Карташев, молдаванин из Кишинева, обучал их пользоваться бутылками с зажигательной смесью, чтобы поражать ими вражеские танки. Он объяснял им, как приблизиться к танку на расстояние пяти метров (на таком расстоянии огонь танковых орудий не опасен) и бросить бутылку.

Самым способным оказался ефрейтор Бужор Драгня. С пятнадцати метров он с поразительной точностью бросал бутылку куда угодно: в гусеницы, в щель башни танка. Для учебы использовались поврежденные гитлеровские танки, захваченные во время боев в Дол-Пиале.

Через неделю лейтенант Карташев доложил советскому генералу, командиру 27-й советской гвардейской танковой бригады, которой был придан 2-й румынский танковый полк, что подразделение истребителей танков закончило боевую учебу.

Лейтенанту Ивану Карташеву было лет двадцать пять. Он был высокий, стройный, с большими светло-голубыми глазами. На груди лейтенанта сверкал орден Красной Звезды.

— За что вы получили орден, товарищ лейтенант?

— За Кишинев.

— Это ваша родина?

— Да, я родился на окраине Кишинева, в Вистерниченях...

Когда он говорил о родном городе, глаза его мечтательно улыбались, лоб становился как будто выше, так как все морщины разглаживались.

Лейтенанту Ботяну очень нравился этот офицер, который так просто и по-дружески относится к румынским солдатам.

Обычно в перерывах между занятиями Карташев разговаривал с Ботяну, солдаты же стояли в сторонке и курили.

Как хотелось Тудору побеседовать с лейтенантом Карташевым, узнать побольше о жизни советских людей! Ведь солдатам об этом не было почти ничего известно! Только то, что говорили им пандуры, когда они с ними встретились в Илиенях и Сфынтул-Георге. А пандуры рассказывали больше о своей жизни в лагере под Рязанью, где они проходили обучение.

На седьмой день занятий, в обеденный перерыв, когда Карташев шел от опушки леса, где находился танковый полигон, капрал Тудор Улмяну, как бы случайно, вышел ему навстречу...

— Товарищ лейтенант, я бы хотел с вами поговорить.

— О чем?

— О партии.

Карташев посмотрел на него с нескрываемым интересом. Он вынул из кармана пачку папирос, предложил их Тудору и, закурив, спросил:

— А почему вы хотите об этом говорить?

— Потому что я коммунист!

Карташев удивленно поднял бровь. «Неужели он мне не верит», — подумал Тудор и вынул из кармана гимнастерки что-то бережно завернутое в газету. Он показал офицеру партийный билет.

— Нет, что вы... Я и так вам верю... А вы давно в партии?

— С декабря сорок четвертого... — Тудор рассказал, что был связан с партией еще до двадцать третьего августа, что еще в Бухаресте он воевал против гитлеровцев и во время отпуска после ранения вступил в партию.

— Вы женаты?

— Да, моя Иляна — работник Союза коммунистической молодежи. Год тому назад она окончила школу.

— Кончила школу?

Карташев помрачнел.

— Простите, товарищ лейтенант, кажется, я вызвал у вас тяжелые воспоминания.

Карташев зажмурился и, затем открыв глаза, посмотрел на солнце.

— Да, действительно ваш рассказ напомнил мне... Тамару. Мы познакомились с ней, когда она окончила школу... Она из Кишинева... Через месяц после нашей свадьбы началась война. Я ушел на фронт. Из ее первых писем я узнал, что у нас будет ребенок.

А потом... на протяжении долгих лет я ничего не получал от нее, ничего не знал... И лишь в сентябре 1944 года, когда мы освободили Кишинев, я нашел ее... На Костюженском кладбище. Фашисты убили и ее, и ребенка. Ей было всего 19 лет... Вот ее фотокарточка. Она дала мне ее в день моего отъезда на фронт.

Тудор посмотрел на фотокарточку. Совсем юная девушка, с косами, в черном школьном платье с белым воротничком. Лицо ясное, красивое, глаза немного прищурены: она смеялась, полная радости жизни, глядя с надеждой вперед, уверенная в своем счастье. Тудор молча вернул фотокарточку. Карташев сказал:

— Простите, я немного отвлекся...

— Ничего, ничего, мы сможем побеседовать и завтра, товарищ лейтенант. Я пойду, у меня собрание в роте. До свидания.

— До завтра.

С тех пор Тудор и Карташев подружились. Карташев был офицером связи между 2-м танковым полком и 27-й советской гвардейской танковой бригадой, но большую часть времени проводил у румынских истребителей танков, которых он обучал. Он гордился своими учениками, за короткое время они хорошо овладели своей новой «профессией».

— Ничего, ничего, — говорили советские солдаты, — это еще только на учении. Посмотрим, как они поведут себя в бою.

Тудор занимался очень усердно. Ведь главная задача коммуниста на фронте — быть отличным воином. Так ответил ему Ваня Карташев, когда он спросил его, какую работу должен проводить на фронте коммунист.

— Хорошо, но я не являюсь членом никакой партийной организации. У нас в армии пока еще нет парторганизаций.

— Подожди немного, товарищ Тудор. Будут, обязательно будут. А пока надо закончить войну. Это долг коммунистов всех стран. Нужно установить прочный, справедливый мир.

— А что же я должен делать?

— Быть всегда и везде впереди. Быть смелым, отважным, стойко переносить все трудности. Этим ты докажешь, что любишь свою родину.

Родину? Чтобы ее по-настоящему любить, нужно сделать ее свободной, очистить от тех, кто столько времени угнетал ее.

— Твоя родина свободна! Но надо очистить Европу от фашизма. Ясно?

— Ясно, товарищ Ваня!

Сержант Илиуц нашел в одном словацком доме, где они разместились, книгу по высшей математике. Это был его единственный боевой трофей. Он не мог попросить разрешения взять книгу у хозяина, так как в доме никого не было: все ушли из города, спасаясь от бомбежки. Тогда Илиуц оставил в библиотеке хозяина записку: «Книгу одолжил без вашего разрешения румынский инженер Эрнест Илиуц. Пусть это будет единственным ущербом, который принесла вам эта война...»

С тех пор все время, на отдыхе или в походе, он развлекался тем, что решал задачи по высшей математике...

Вот уже несколько дней, как Тудор стал заниматься с Илиуцем. Теперь книга перешла к капралу. По вечерам при свете коптилки Тудор, забравшись в машину, превращенную в автомастерскую, решал уравнения и изучал теоремы.

Илиуц тоже подружился с Карташевым, хотя лейтенант был равнодушен к математике. Он окончил сельскохозяйственный техникум, а затем пошел в сельскохозяйственный институт. Война застала его студентом второго курса. Карташев знал все виды растений, начиная от самых обычных и кончая самыми экзотическими.

Наслушавшись Карташева, Тудор решил изучать и естествознание. Илиуц и Карташев были в глазах Тудора куда выше профессоров. Тудор же хорошо разбирался в литературе, он часто беседовал о ней с Ботяну, страстным книголюбом. По мнению Ботяну, нужно читать все, без разбора, и, чем больше прочтешь, тем лучше будешь знать литературу.

— Я читал почти все, начиная от первых румынских летописей и кончая современными писателями, — говорил он.

— Но почему из-под пера одних вытекает отравы, а другие создают настоящие художественные произведения, — спросил его Карташев. — Я тоже читал все это. Ведь я учился в румынской школе, в Кишиневе. По той же самой программе, что и вы. Но только позже я понял, что различает этих писателей. Одни писатели, тесно связанные с народом, приносят пользу своими произведениями, другие, те, что оторвались от него, — вред.

Как-то вечером командир румынской танковой части полковник Зыряну, вернувшись из советского штаба, созвал командиров батальонов и рот.

Помещение, где проходило совещание, еще недавно было хлевом. В нем все еще стоял запах навоза, несмотря на то что все было тщательно вымыто, а земляной пол посыпан опилками. От электромотора автомастерской была протянута проводка, и помещение освещалось электрической лампой. В совещании, которое продолжалось до утра, приняли участие лейтенант Ботяну и советский офицер связи лейтенант Карташев. 27-я советская гвардейская танковая бригада должна была немедленно переправиться через реку Морава в Австрию. Предстояли тяжелые бои: было установлено, что с Западного фронта прибыли две танковые дивизии противника.

Полковник Зыряну, тучный мужчина с красным лицом, развернув перед собравшимися карту, отдавал распоряжение о переброске румынских частей на новый участок. Он указкой показывал на карте линию, которая, извиваясь, проходила через Цистерсдорф — Мартиндорф — Хоэнрупперсдорф — район, богатый углем.

Рассказав о положении на фронте, полковник Зыряну устало опустил на стул и знаком руки приказал начальнику штаба продолжать.

Начальник штаба майор Мэру, невысокий, толстый человек со значком выпускника военной академии (офицеры его прозвали «глобусом»), был известен своим подхалимством. Он сумел продержаться на своем посту при трех сменившихся командирах полка.

Майор Мэру встал, звякнул шпорами и слегка наклонил голову. Кашлянув, чтобы подчеркнуть значимость того, о чем он собирается сказать, Мэру заговорил тонким неприятным голосом:

— Итак, господа офицеры, мы начинаем шестидесятикилометровый марш через реку Мораву в Австрию! Вся Румыния гордится такими сыновьями, которые...

Лейтенант Карташев обменялся многозначительным взглядом с лейтенантом Ботяну, как бы спрашивая его: «Почему он не начинает излагать порядок марша?»

Полковник Зыряну решил остановить Мэру и сделать ему замечание. Таким образом, можно будет расквитаться за вчерашний вечер, когда он проиграл Мэру в покер тысячу крон, а тот без зазрения совести положил эти деньги в карман.

— Господин майор, мы здесь не на уроке истории в начальной школе, а в штабе. Вы, видимо, недостаточно изучили документы! Я сам постараюсь объяснить обстановку. Прощу вас, садитесь!

Офицеры, усмехаясь, подталкивали локтями друг друга. Мэру понял, почему полковник так поступил. Придется во что бы то ни стало вернуть ему выигранные вчера тысячу крон.

— Так вот, господа офицеры. Для марша разработан следующий походный порядок. В авангарде — взвод мотоциклистов, противотанковая рота и взвод легких зенитных орудий. Следуя впереди главных сил, танковая рота капитана Ходжи возьмет на свои танки роту лейтенанта Ботяну. Код тот же, но с одним изменением. Условное наименование наших частей «Дунай», советских — «Волга». График движения будет готов через час. Горячая пища должна быть в течение всего похода. Остальные указания получите по радио. Хочу подчеркнуть только одно — не забывайте, что нам придется столкнуться с танковой дивизией «Мертвая голова», которая недавно прибыла с запада.

— Нам с вами уже пришлось иметь дело с этими «мертвыми головами», господин полковник, — пошутил Карташев.

— Конечно, конечно, это так. Но хотя наш полк уже трижды упомянули в Москве, в приказе Верховного Главнокомандующего, нам еще рано почивать на лаврах. Желаю, чтобы мы все встретились живыми и невредимыми у ворот Вены!

— Смирно! — раздался голос начальника штаба. Офицеры встали. Полковник вышел в сопровождении майора Мэру. Сопровождение закончилось.

Ранним утром полк выступил в поход. Взвод сержанта Илиуца разместился на трех танках лейтенанта Фауста — веселого молодого парня из Констанцы, взвод старшего сержанта Насты — на танках лейтенанта Петреску, а 3-й взвод — на остальных трех танках. Помощником Ботяну был капрал Тудор Улмяну. Капитан Ходжа прошел вдоль танков, в последний раз проверяя готовность к бою людей своей роты.

— Лейтенант Фауст, сколько у вас мин и бутылок с зажигательной смесью?

— Сорок бутылок и десять мин, господин капитан. Этого нам достаточно для первого банкета с «мертвыми головами». Пусть помнят Фауста!...

— Не хватает только Маргариты и Мефистофеля...

— Маргариты ждут нас в Бухаресте. Что же касается Мефистофеля, то его мы охотно отдадим фашистам. Им-то все равно придется отправиться ко всем чертям! — Оба офицера рассмеялись.

— Послушай-ка, Фауст, кто это тебя так окрестил?

— Крестная. Ей очень нравилась опера Гуно.

— А почему у вас такая странная фамилия — Ходжа?

— А вот почему. Мой дед был старшим чабаном. По вечерам, когда собирались все чабаны, он любил им рассказывать похождения Ходжи Насреддина. Вот его и прозвали Ходжой. А моего отца иначе как Ходжа никто уже не называл. Даже в документах было записано: Ион Ходжа. Ну, а теперь по танкам! Держите связь по радио.

— А кто из вас, ребята, знает Вену? — спросил капрал Вылку.

— Я знаю, — ответил Илиуц.

— Вот и погуляем вместе, когда освободим ее. У них, наверное, тоже есть свой Чишмиджиу, где прогуливаются красотки...

— А как же, есть, Вылку... Есть у них такой лес, ты, конечно, слышал о нем. — И Илиуц начал напевать вальс: там, та-ра-ра, там-там-там... Услышав мелодию вальса,

танкисты стали выглядывать из танков.

— А-а-а, так это ж «Сказки Венского леса» Штрауса... Я помню, танцевал под эту музыку в Джурджу. Там, в саду, у нас играл военный оркестр.

Сидевшие на танках подхватили знакомую мелодию. Танковая колонна двинулась вперед.

Тихо было в Венском лесу. Уже давно не было слышно в нем музыки, веселья. Лишь иногда скорбную тишину нарушала пулеметная очередь или грубый окрик гитлеровца: по лесу часто проводили под конвоем приговоренных к смерти.

Вот и сейчас идут люди, которым осталось жить всего несколько минут... Голодные, избитые, они идут, еле передвигая ноги, поддерживая друг друга. Гитлеровские солдаты подталкивают их штыками, автоматами.

Карательный взвод размеренным четким шагом следует за группой обреченных. Барабаны отстукивают ритм марша.

Впереди взвода идет генерал, рядом с ним — майор с портфелем под мышкой. Первый — новый гаулейтер Австрии генерал Дитрих, второй — его адъютант майор Вед ель.

Но вот командир взвода, лейтенант Краус, подал знак, и колонна остановилась.

Генерал спокойно закурил сигарету, а майор, подтянув ремень и оправив китель, отдал команду взводу. Взвод приготовился, а майор, чеканя шаг, подошел к новому гаулейтеру:

— Герр генерал, обвиняемые в убийстве гаулейтера Австрии фон Шираха приведены для исполнения приговора.

Генерал, не глядя на конвой, направился к взводу и, остановившись, поднял правую руку в гитлеровском приветствии:

— Хайль Гитлер!

— Зиг хайль! — взревел взвод. Казалось, от этого рева вздрогнул старый лес.

Краус отвел взвод на пятьдесят метров от колонны, а в это время генерал скучающим голосом спросил:

— Сколько их, Вед ель?

— Семьдесят шесть, господин генерал!

— Маловато. Дайте-ка мне приказ.

Генерал громко откашлялся, вытер толстые мокрые губы, открыл папку и начал читать:

— За убийство гаулейтера Австрии фон Шираха, совершенное второго апреля, я, генерал Дитрих, командующий шестой немецкой армией и вновь назначенный гаулейтер Австрии, приказываю: расстрелять... — следует длинный перечень фамилий. — Приказ подписан сегодня, 6 апреля 1945 года. Приговор обжалованию не подлежит.

«Обжалованию не подлежит!» Греттель всего двадцать лет. Ее отца, настройщика роялей, самого лучшего настройщика в Вене, искалечили гитлеровцы. Они били его прикладами по рукам за то, что он хотел бежать из Вены навстречу советским войскам. Теперь он в концлагере. А мать ослепла, а ведь ей всего сорок... Какую она, Греттель, совершила глупость, что осталась ночевать сегодня дома. Тогда ее бы не взяли. А ведь в эту ночь сюда подойдет фронт. На груди у нее записка об этом, записка, которая жжет ее. Карательный взвод уже наготове. Вот сейчас Ведель, этот австрийский офицер, продавшийся гитлеровцам, отдаст приказ.

— Нет!... Я не хочу умирать! Не хочу...

— Achtung... Feuer!...³⁹

Гитлеровцы открыли огонь из автоматов по беззащитным мужчинам и женщинам.

Скоро все замерло: и стрельба, и жизнь...

Спектакль окончен. Быть может, завтра, послезавтра он повторится снова...

— Прекрасно, Ведель! Я вас представляю еще к одному Железному кресту... Можете отпустить взвод...

³⁹ Внимание! Огонь! (нем.)

Майор Ведель, опьяненный запахом крови, думая о новой награде, повернулся к лейтенанту:

— Краус! Прикажите, чтобы солдатам выдали в казарме по триста граммов рома. Хайль Гитлер!

— Зиг хайль!

Взвод ушел. Генерал вынул из кармана своих широких с лампасами брюк бутылочку коньяку. Наполовину выпив, он протянул ее майору.

— Послушайте, Ведель... Трупы не убирайте до вечера. Приведите сюда гражданское население, пусть посмотрят. Понятно? Порядок должен быть восстановлен!

— А как на фронте, герр генерал?

— Не беспокойтесь! По приказу фюрера несколько танковых дивизий уже переброшено с Западного фронта. Возможно, и американцам удастся прибыть сюда скорее советских войск. Я отправляюсь сейчас на радиостанцию «Донау». Надо призвать население Вены к активному сопротивлению... к сопротивлению до последней капли крови, понятно?

— Яволь, герр генерал!

Вдруг в кустах треснула ветка. Генерал мгновенно выхватил пистолет. Майор тоже.

— Ведель, посмотрите, что там...

Но он не успел договорить: раздалась очередь из автомата — и генерал упал. Майор бросился в кювет и, стреляя наугад, разрядил всю обойму. Обезумев от страха, он схватил пистолет генерала и стал не глядя стрелять по кустам. Когда он осмелился поднять голову, в кустарнике все было тихо. Он подошел к генералу. Вся грудь его была изрешечена пулями, все ордена — в крови. За кровь они были получены, кровью за них и заплачено!

Майор с ужасом глядел на труп генерала. Надо бежать! Ведь его могут обвинить в смерти нового гаулейтера Австрии.

— Краус... Краус... — стал кричать Ведель вслед ушедшему взводу. Но Краус был уже далеко. Вот он остался один в Венском лесу... Один на один с этими семьдесятю шестью трупами, которые как будто смотрят на него. Вот один из них встает... Сейчас он потребует от Веделя отчета. «Черт побери, что это такое? Встают мертвецы? Беги, Ведель, беги поскорее, иначе ты сойдешь с ума... Сейчас придет расплата за тысячи и тысячи убитых... Нет, нет, только не это... пусть мертвецы остаются в своих могилах... пусть они не встают... Черт побери, что же это такое? Я в бреду? Или коньяк был слишком крепкий?» Но действительно из кучи трупов поднялась какая-то девчонка. Что делать? В его пистолете нет ни одного патрона... А впрочем, если бы даже и были: разве можно пулей сразить приведение? Нет, это не приведение. Он чувствует, что теряет сознание, чувствует, что задыхается... Беги, Ведель, беги!...

И майор, отбросив в сторону фуражку и перчатки, бросился бежать по лесу. Из груди трупов выбралась Греттель.

— Боже, неужели я жива... Это просто чудо... Но я помню, что они стреляли... начали с правой стороны... Я же видела, как приближается ко мне огонь автоматных очередей...

Да, Греттель действительно видела смерть перед собой... Но прежде чем пришла смерть, девушка лишилась чувств. Она упала на какую-то десятую долю секунды раньше, чем автоматная очередь достигла ее. Сколько времени продолжался обморок? До тех пор, пока ее не привела в себя другая автоматная очередь... автоматная очередь австрийских партизан, убивших палача-гаулейтера.

Выйдя из лесу, Греттель побежала на восток, откуда слышались залпы орудий. Она должна доставить записку во что бы то ни стало.

После шестидесятикилометрового марша колонна 27-й советской гвардейской танковой бригады разместились в австрийском городке Цистерсдорф. Узкие улочки городка были заминированы отступающим врагом. Почти все население гитлеровцы угнали в Германию или расстреляли.

Рота капитана Ходжи разместились в западной части городка. Уцелевшие жители этого

района собрались вокруг походной кухни: там они получали горячую пищу наравне с танкистами.

Вот уже десять дней в городе свирепствует голод. Немцы отобрали у жителей все до последней картофелины.

Охрана западной части города была поручена ротам капитана Ходжи и лейтенанта Ботяну. В боевом охранении в двух километрах от города находились капрал Вылку и Безня. Утром в половине шестого они заметили приближающуюся к ним женщину. Она шла по шоссе спотыкаясь, изредка останавливаясь.

Вылку завертел ручку полевого телефона.

— Алло... алло... «Олт»? Здесь «Прицел»... Здесь «Прицел»... Докладывает капрал Вылку.

— Что случилось, Вылку?

— Господин капитан, по шоссе, к городу, идет какая-то девушка. Наверное, это шпионка...

— Ну тебя... к черту!... Ты еще выдумаешь! Пусть она подойдет, а потом, когда вы сменитесь, доставьте ее на командный пункт.

Девушка приближалась очень медленно. Капрал Вылку, наблюдавший за ней в бинокль, понял, что она очень устала. Потом девушка присела на обочину дороги.

Безня выскочил из укрытия и с автоматом в руках незаметно подкрался к девушке. Она сидела неподвижно, будто уснула или потеряла сознание. Безня наклонился над ней и погладил ее рыжеватые волосы.

Девушка вздрогнула, застонала и неожиданно вскочила на ноги.

— Постой, милая, постой... я тебя не съем. Я добрый человек, румын.

— Rumanen? Ja... Ja... — и Греттель с радостью схватила его руки и горячо поцеловала.

Безня в замешательстве отдернул руки.

— Что ты, что ты... я не поп, чтобы мне руки целовать... Или у вас здесь так принято?

— Ja... Ja... — повторяла Греттель вне себя от счастья.

Ее привели к капитану Ходже; он предложил ей сесть.

— Вы говорите по-немецки или по-французски? — спросила его Греттель.

— Да, мадемуазель, я говорю по-французски... Садитесь, пожалуйста!

Греттель, смертельно усталая, опустилась на стул. Потом прошептала, радостно улыбаясь:

— Господин офицер... у меня записка... но сначала... будьте так добры, дайте мне стакан воды...

Дав Греттель воды, Ходжа доложил о случившемся командиру полка. Командир полка — командиру дивизии, и через четверть часа девушку отправили на командный пункт.

Рассказ Греттель Илиуц переводил на румынский, а Карташев — на русский. Перед тем как ее ночью взяли из дому, Греттель получила через надежного связного письмо от отца, который был в концлагере. Она даже не успела распечатать его, как к ней ворвались гитлеровцы. Но она чудом спаслась от смерти. Двое суток она пробиралась по дорогам от Венского леса, обходя отступающих на запад фашистов.

Карташев взял в руки конверт. На нем карандашом было написано по-немецки: «Вручить первому советскому офицеру». В конверте лежала написанная по-русски записка: «Дорогие товарищи! Нам, несколькими заключенным, удалось бежать из лагеря. Спасите нас! Мы прилагаем схему того места, где находимся».

Генерал взял схему и сверил ее со своей картой, которая лежала на столе.

— М-да... Возможно, через два-три дня мы будем там, в Хоэнрупперсдорфе, и сможем им помочь. Это как раз на нашем пути. Спроси-ка, Карташев, девушку, что она думает теперь делать? Останется ли она здесь, в городе, и есть ли у нее кто-нибудь из родных или знакомых поблизости?

У Греттель здесь никого не было, и оставаться тут она не хотела.

— Могу ли я вас попросить...

— Пожалуйста, пожалуйста! — ободрил ее генерал; он немного понимал по-немецки и не дожидаясь перевода.

— Я хотела просить у вас разрешения пойти с вами...

— Пойти с нами? Куда?

— В Вену... Там моя мать, я ее оставила одну... Я могла бы быть вам полезной... Я студентка медицинского факультета... Умею делать уколы, перевязки...

— Хорошо, мы вас оставим при медпункте. — И, обратившись к Илиуцу, добавил: — А пока что накормите ее как следует.

— Разрешите мне сначала поспать... Вот уже трое суток я не сомкнула глаз. Если бы вы мне предложили сейчас хоть целый вагон апельсинов, которые я очень люблю и не ела уже шесть лет, я все равно бы не променяла на них час сна...

— Предоставьте ей походную койку в машине медпункта. Пусть бедняжка выспится как следует! — распорядился генерал.

Но в машине Греттель все-таки уговорили поесть. Девушка ела с жадностью. Потом вдруг расплакалась... Сержант Илиуц стал ее успокаивать.

— Нет, нет... Дайте мне поплакать. Я и не подозревала, что можно плакать от счастья. Ах, если бы вы знали, как я счастлива...

Вскоре она уснула спокойным, безмятежным сном.

Колонна снова двинулась в путь. Греттель проспала целые сутки. Дорожные выбоины казались ей покачиванием детской колыбели, а шум моторов — колыбельной песней, которую она слышала когда-то давно-давно.

Спустя три дня после этих событий на правом фланге 27-й советской гвардейской танковой бригады 2-й румынский танковый полк овладел Мартиндорфом.

На следующий день, 14 апреля, начался бой в районе Хоэнрупперсдорфа. У неприятеля было много «пантер» и «тигров».

Румынский полк должен был во что бы то ни стало овладеть этим населенным пунктом.

Только что закончилась разведка боем. К капитану Ходже подошел Фауст.

— Господин капитан, у меня есть ценные сведения.

— От кого?

По сигналу лейтенанта остановилась одна из танкеток.

Из танкетки вышел худой старик с длинной седой бородой. На руках у него были перчатки, слишком для него большие.

Капитан с любопытством спросил:

— Военнопленный?

— Нет. Убежал из концлагеря. Остановил меня у леса возле ориентира двенадцать, когда я возвращался из разведки. Его зовут Зиглер.

— А почему он носит перчатки?

— У него изувечены руки.

— Сержант Илиуц, позовите-ка сюда девушку из санитарной машины.

Старик сел на крыло танкетки. Он сильно кашлял, задыхался, то и дело вытирал грязной тряпкой, которая, очевидно, когда-то была носовым платком, капельки пота, выступавшие на лбу. Старик смотрел на офицеров, обменивающихся короткими фразами, и, казалось, удивлялся их словам.

Когда девушка в белом халате и в белой шапочке с красным крестом подошла к танкетке, старик Зиглер встал и пошатнулся.

— Греттель! Греттель! Это же моя девочка, Греттель!... Греттель!...

— Отец!

Девушка гладила худое, заросшее лицо отца и с грустью слушала его рассказ...

Ходжа кошачьими шагами подкрался к механику Никите, который, сидя на пне, писал

письмо.

— Как вы думаете, Никита, ждет она вас еще или нет?

— Кто, господин капитан? Я пишу письмо одному приятелю.

Стоявший рядом Карташев взглянул на конверт и, нарочито громко вздохнув, проговорил:

— Приятелю! А жаль... Все цветет, весна... Сейчас бы только девушке писать! Я думал, что у вас есть девушка... А то — приятель... Интересно, а как же зовут вашего приятеля?

Никита наморщил лоб, стараясь придумать какое-нибудь имя. Но как это трудно сделать, когда сердце подсказывает тебе совершенно другое!

— Его зовут... его зовут...

— Его зовут Мария Влад, медсестра сто двадцать пятого военно-тылового госпиталя, — прочел Карташев адрес на конверте.

Капитан Ходжа вспомнил.

— Кажется, вы там лежали после ранения, правда?

Старшина притворился обиженным.

— Право, господин капитан, разве можно сохранить какой-нибудь секрет в нашей роте. Сразу же узнает весь полк... Даже до неприятеля дойдет.

— Ну если не до неприятеля, то до соперника наверняка дойдет.

— У тебя есть соперник?

— Да, старшина-механик из четвертой роты. Мы с ним вместе лежали в госпитале. Но между прочим, Мария отвечает только на мои письма.

Все поле в районе Хоэнруперсдорфа превратилось в настоящий ад. Идет танковый бой. Сквозь черный удушливый дым истребители танков забрасывают вражеские «пантеры», «тигры» и «фердинанды» бутылками с зажигательной смесью.

Напрасно надрывается по радио вражеское командование, подбадривая солдат и отдавая один за другим приказы об атаке. Напрасно пытаются эсэсовские дивизии пробить плотное кольцо советских и румынских войск. Они окружены! Тиски сжимаются все теснее и теснее.

Солнца не видно, стоны раненых заглушаются взрывами, а дым и пыль, поднятые танками, клубясь, поднимаются к темному небу.

Перед фронтом роты капитана Ходжи появилось несколько «пантер».

Лейтенант Фауст услышал по радио в наушники суровый голос капитана Ходжи.

— Фауст, будьте внимательны. Мы снова атакуем. Держитесь ближе к моему флангу...

— Есть, держаться ближе!

Внезапно в эфир ворвался мощный голос, который прервал все переговоры:

— Внимание, говорит «Дунай»... Говорит «Дунай». Приказ «Волги»: мы атакуем. Перехожу на прием...

— Говорит «Олт»! Приказ ясен!

Наступила секунда молчания. И снова «Дунай» переходит на передачу.

— Избегайте тарана. Используйте бутылки и дымовые шашки. Атакуйте!... Желаю удачи, орлы!

Кто не был на войне, не поймет, что значит забыть обо всем, кроме поставленной перед тобой задачи. Мозг, глаза, все чувства направлены к одной цели. Все напряжено до предела. Дорого каждое мгновение.

Сержант Илиуц снял очки, закоптившиеся от дыма и сажи взрывов, и протер их. На другом танке капрал Тудор крепко сжимает в руке горлышко бутылки. Ефрейтор Бужор пристально смотрит вперед.

Луке страшно. У него стучат зубы, дрожат руки и колени. Старший сержант Наста видит это. Он тоже чувствует себя не блестяще. Но когда над головой начинают со свистом проноситься снаряды, он приходит в себя и подбадривает Луку.

— Лука, хватит дрожать! Кусай себе губы до крови, и все пройдет. Мы должны победить! Понимаешь, должны!

С левой стороны, на Т-34, рядом с Олтенаку и Безней, — лейтенант Карташев. У него за поясом связка гранат.

Враг притаился где-то вблизи. Но где? Сквозь туман дымовой завесы видны только трассирующие снаряды, которые появляются из бездны, как светлячки, все более и более увеличиваются и, как молния, проносятся где-то рядом, разрезая воздух.

Здесь, на танках, создается впечатление, что бой ведется вслепую. Но внутри танка все выглядит по-иному. Танк направляется туда, куда приказывает по радио командир.

— Алло, Фауст, прикрой меня справа. Группа «пантер», угломер 23 — 00, прицел 300, броневой... Огонь!

«Рафф!... Раф!... Раф!...» — буравит туман снаряд, за ним следует еще один, еще и еще...

Откуда-то из тумана доносится страшный взрыв. Загорелся подбитый танк противника.

По радио раздается тот же голос, в котором угадывается скрытая радость:

— Хорошо, Никита! Хорошо, Фауст! Хорошо, Вылку!... Прицел тот же... Огонь!...

— Прекрасно, ребята! Три «пантеры» испеклись. Полным ходом вперед!

Целый час уже длится бой. Изредка лучи солнца прорываются сквозь толщу искусственного тумана, на несколько мгновений освещая все вокруг.

Вдруг будто молния ударила в один из танков Т-34. А взрыв, раздавшийся где-то в центре, повредил гусеницу танка, на котором находился лейтенант Карташев.

Откинулись люки, и танкисты стали выпрыгивать из подбитых танков. Некоторые несли на руках раненых или убитых товарищей.

Капитан Ходжа понял, что под прикрытием дымовой завесы гитлеровцы хотят взять в клещи 1-й танковый батальон. Вот один Т-34 направляется к замаскированным «пантерам», чтобы ударить по ним и одновременно поставить дымовую завесу, которая бы прикрывала фронт батальона.

— Алло, Никита! Закури-ка две «большие папиросы». Не забудь маневрировать. Начинай!...

— Алло «Олт»! Разрешите и мне «покурить» вместе с Никитой.

— Хорошо, Фауст, быстро следуй за ним. Стой! Смотри, перед тобой — два танка. Скорее стреляй.

Орудие лейтенанта загрохотало, и танки противника охватило пламенем.

— Прекрасно! А теперь — догоняй Никиту. Желаю удачи!

Гитлеровские танки пытались уйти от сокрушительного огня румынских противотанковых пушек.

Единственным спасением для них было отступление сквозь дымовую завесу. Лейтенанту Ботяну, несмотря на дым, удалось заметить маневр гитлеровцев. Заметил его и Карташев.

Наступила пора действовать истребителям танков.

Бужор увидел в пятидесяти метрах от себя «тигр» и побежал к нему. Гитлеровцы его заметили. Застрочили пулеметы. Но пули впивались в землю совсем рядом от Бужора, не задевая его, так как он находился в «мертвой зоне» танка. Бужор бросил бутылку с зажигательной смесью в башню, и танк загорелся.

Крышка люка откинулась, и, когда из танка показался фашист, Бужор встретил его автоматной очередью. Затем Бужор, подкравшись сзади, точно бросил гранату в открытый люк. Раздался глухой взрыв, за ним — пронзительные крики. Поединок закончился.

Лука тоже бросил в фашистский танк две бутылки. Он все еще страшно боялся и действовал скорее от страха. Но когда он увидел вспыхнувшую, как факел, машину, страх как рукой сняло.

Бой становился все ожесточеннее.

Вот новый танк угрожающе приближается к Луке. Еще немного — и он раздавит его

своими гусеницами. И, как нарочно, нет ни одной бутылки! Да и кто знает, вдруг это румынский или советский танк?! Ведь ничего не видно даже на расстоянии двух шагов...

Вдруг танк наткнулся на другой, поврежденный Бужором, и остановился. А затем, как напуганный зверь, зарычал и начал пятиться. Лука подошел и ощупал его броню. Острые края... Это «тигр», из тех, тяжелых. Гранатой ему все равно ничего не сделаешь. Вот была бы мина...

— Бужор... Бужор!... — раздался где-то вблизи голос лейтенанта Карташева.

— Товарищ лейтенант, сюда, скорей сюда, давайте мину!

— Куда?... Куда?...

Они столкнулись в темноте.

— Ты кто?

— Это я, Лука, товарищ лейтенант... Поставьте-ка пиявку вот этому, он из тех, больших...

Карташев тоже ощупал броню. Никакого сомнения быть не может. Это «тигр».

Карташев осторожно установил на боковой стенке танка мину, повернул направо стрелку, в ту сторону, где находится буква «З» — «с замедлением». Потом схватил за руку Луку, и они побежали от танка, на ходу отсчитывая секунды: 58... 59... 60!... Взрыв!...

А в это время капитан Ходжа лихорадочно кричал в микрофон:

— Алло, Вылку... алло, Влад... алло, Мэкриш... алло, Кожокару...

Но ни Вылку, ни Влад, ни Мэкриш, ни Кожокару не отвечают. Их танки разбиты, экипажи погибли.

Из десяти танков — четыре не отвечают... А люди, люди, которые лишь вчера плясали «сырбу», их уже нет в живых... Мэкриш вчера поймал зайчиху и, после того как показал ее экипажу, отпустил, сказав: «Ну, мадам, иди-ка ты подобру-поздорову, ведь тебя ждут твои зайчата. И зачем тебе понадобилось переходить линию фронта? Твое счастье, что ты попала к добрым людям. Попала бы к фашистам — не видать бы тебе света белого, не видать бы тебе твоих зайчат...»

— Алло, Фауст, слышишь меня?

— Хорошо, дорогой мой, береги себя...

«Дорогой мой!» Что это вдруг случилось с капитаном? И говорил он таким же голосом, как тогда в Дол-Пиале, когда погиб весь экипаж его танка. Лейтенант Фауст посмотрел в перископ. Из-за разбитого «фердинанда» появились две «пантеры».

— Алло, Никита, стреляй...

Но в ту же секунду вторая «пантера» замигала красным глазом: из ее орудия вылетел снаряд. Фауст тут же отдал приказ своему экипажу:

— По вражескому танку, огонь!

Но «пантера» уже укрылась за подбитым «фердинандом», и снаряды прошли мимо цели.

Вдруг лейтенант услышал по радио стон. Он навел перископ на танк старшины Никиты и увидел, что его танк дымится, а в броне — пробоина.

Фауст почувствовал, что задыхается, что ему не хватает воздуха. С силой прижал микрофон ко рту:

— Никита!... Никита-а-а-а!...

И как с того света, откуда-то издалека, донесся тихий, как будто о чем-то просящий голос:

— Алло... Ал... брат-цы, брат-цы... отом-сти-те за ме-ня!

— Никита, Никита! Мой дорогой Никита!

Но напрасно вызывал его Ходжа. Напрасно вызывал его Фауст. Это был пятый танк, оставшийся на поле битвы в Хоэнрупперсдорфе.

К вечеру бой закончился. Танки победителей вошли в освобожденную Вену. Среди советских танков были и два румынских. Это все, что осталось от семидесяти шести машин, получивших боевое крещение месяц тому назад! И теперь полк мог бы называться не 2-м

танковым полком, а двухтанковым полком...

Сколько жертв принес этот единственный румынский полк, воевавший за освобождение Вены!

Жители Вены встретили освободителей музыкой и цветами. Греттель и ее отец Зиглер шли обнявшись рядом с капитаном Ходжей, лейтенантом Картаевым, сержантом Илиуцем и капралом Тудором. Они проходили мимо фонтана Нептуна в огромном парке, который окружает дворец Шенбрунн, построенный четыре столетия тому назад, мимо Оперного театра, поврежденного бомбами, театра, где когда-то звучала музыка Штрауса, Моцарта, Шуберта, Глюка, Бетховена. Опять повсюду зазвучали бессмертные вальсы Штрауса. Снова расцвели песни и жизнь!

В тот же вечер, 17 апреля 1945 года, приказом Верховного Главнокомандующего в 21 час Москва салютовала героическим войскам, освободившим Вену. Среди частей, отмеченных приказом Верховного Главнокомандующего, был и румынский 2-й танковый полк. В течение одного только месяца о нем упоминалось в приказах четыре раза!

Х. ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН

Наступил май. Весна одела природу в самое красивое платье, не скрыв ни одного из своих украшений. Она разбросала цветы мака по полям, одела ожерелья из вишен в цвету на автострады Чехословакии.

Жаворонки и ласточки купались в лучах солнца и исчезали, как только раздавались первые взрывы возобновившейся битвы. Тогда слеталось воронье, чуя, что ему будет чем поживиться.

И, несмотря на всю свою красоту, весна имела горьковатый привкус.

Стояли жаркие дни. Небо было ясное и чистое, как синева моря. Казалось, что небо вместе с ветром плывет вдоль дорог, а цвет фруктовых деревьев опадает, как конфетти после бала.

А сколько «балов» происходит на фронте каждый день!

Музыка тяжелых орудий, пулеметов и винтовок раздается в Моравии и на Богемских горах.

В этих «балах», помимо армии, принимают участие и «гости» из гражданского населения — чешские партизаны. Они и сами устраивают «вечеринки», взрывая мосты, поезда или автомашины с боеприпасами.

...После освобождения Вены советская танковая бригада была направлена в Чехословакию на переформирование.

Одновременно с советской бригадой туда же был послан 2-й танковый полк, в состав которого входила рота Ботяну.

Первая румынская армия в составе 4-го и 7-го корпусов наступала в направлении Брно, Коетин и Кромержж.

В начале мая рота лейтенанта Ботяну находилась на марше в восьмидесяти километрах от Брно.

Небо изредка бороздили отдельные разведывательные самолеты, прозванные солдатами «дедушка Костик». Они фотографировали позиции противника и исчезали. Если эскадрильи фашистских самолетов атаковали их, они быстро снижались (летали они не выше пятисот метров) и приземлялись на зеленеющих полях пшеницы или кукурузы.

Самым опытным воздушным разведчиком был летчик 11-й эскадрильи лейтенант Санду. Вместе с адъютантом Нягу он не раз обманывал врага, всегда уходил из-под самого его носа и возвращался на аэродром с богатыми и ценными данными фоторазведки.

На рассвете 2 мая пять разведывательных самолетов поднялись в воздух, чтобы сфотографировать расположение войск противника в районе Кресновице, Блажавице,

Соколнице — трех важных населенных пунктов, расположенных примерно в двадцати километрах южнее Брно.

Самолет Санду на аэродром не вернулся. Армейская радиостанция потеряла с ним связь в 5.35.

Обеспокоенный генерал приказал запросить о самолете Санду части, находящиеся на переднем крае. Оттуда сообщили, что самолет перелетел через передний край в 5.15 и что со стороны противника была слышна стрельба из зенитных орудий, вероятно ведущих огонь по самолету. Больше о самолете Санду никаких сведений не поступало.

Санду подбили у Кресновице. Летчик был ранен и вынужден был сесть на лесной опушке. Со всех сторон к самолету бежали немцы с собаками. Увидев это, Санду приказал Нягу взять кассеты, перейти речку и пробраться к румынским позициям.

На рассвете обессиленный Нягу добрался до передовых частей 7-го румынского корпуса, откуда обо всем случившемся доложили в штаб армии.

Командование 2-го Украинского фронта, поддерживающее связь с чешскими партизанами, приняло все меры, чтобы спасти румынского летчика. В отряде чешских партизан «Татра» ничего не знали о Санду. Известно было только, что немцы ищут какого-то летчика. О судьбе Санду отряд узнал позднее от партизана Алексы Клапки.

Начальник штаба расположенной в Кресновице фашистской дивизии майор фон Мюллер разместился в доме учителя Ионака Клапка. Это была одна из семей, в которой немного говорили по-немецки.

Жена учителя Майя проклинала своего мужа за то, что он сам, добровольно, предоставил свой дом в распоряжение немецкого офицера.

— Ионак, Ионак, — говорила Клапке его жена Майя, — что ты наделал, ты же погубил всех нас!

— Почему же?

— Как это почему? Наша дочь — врач...

— Ну и что же?

— ...Наш сын, Алекса, столько лет скрывается в горах, воюет вместе с партизанами...

— Наш сын, Алекса, умер. Об этом знает фашистское командование. Я делаю то, что считаю нужным.

— Лицемер ты, вот кто... Об этом говорит все село.

— Все село? А какое мне до этого дело?

Ошеломленная женщина выбежала в другую комнату, где ждал ее сын Алекса. Вся в слезах, она бросилась к нему.

— Ступай, ступай к отцу, открой ему глаза на все, но будь осторожен, немцы никого не щадят...

Старый учитель сидел задумавшись. Вдруг перед ним появился Алекса.

— Ты? Здесь? — удивился Клапка.

— Отец, меня послал к тебе командир отряда, поручик Влчек, мы ищем румынского летчика, сбитого немецкой артиллерией. У нас есть сведения, что он спрятан где-то в селе.

— Что ты столько болтаешь? Тайны не выдают даже тогда, когда...

— Да, но ты же мой отец!

В это время во двор вошел майор Мюллер, а за ним с двумя чемоданами в руках тащился его денщик Ганс. Алекса схватил пистолет и хотел было выстрелить, но старик сжал его руку.

— Спокойно, мой мальчик. Не путай мои расчеты...

Алекса был поражен. Неужели это его отец! Он почувствовал отвращение.

— Предатель! Наши считают тебя своим, а ты хочешь, чтобы я попал в лапы фашистов. Отойди назад, иначе я буду стрелять! Я застрелю тебя и майора, если он войдет сюда!

Но старик Клапка не обращал внимания на сына. Он быстро отогнул ковер, поднял за металлическое кольцо крышку люка и подзвал к себе Алексу:

— Твое счастье, что ты мой сын. Немедленно спускайся в подпол, слышишь?
Раздался тихий стук в дверь, затем стук повторился, но уже сильнее и настойчивее.
Подталкиваемый отцом, Алекса спустился вниз. Учитель быстро закрыл крышку, ловко поправил ковер и открыл дверь.

Остановившись у порога, Мюллер, не обращая внимания на хозяина дома, начал внимательно рассматривать комнату. Взглянул на письменный стол, на книжный шкаф, на клетку, в которой билась канарейка.

Видно, комната ему не особенно понравилась. Он поморщился и, переступив порог, вошел. За ним шагнул Ганс, высокий, худой парень, и поставил возле кровати чемоданы.

Старый учитель низко поклонился Мюллеру и предложил ему сесть, но тот, сделав вид, что не замечает приглашения, достал монокль и начал рассматривать хозяина.

— Благодарю вас, господин Ионак, за гостеприимство, — сказал Мюллер и пристально посмотрел на Ганса.

Ионак еще ниже поклонился немцу и скромно, как подобает хозяину, ответил:

— Мне выпала большая честь принимать в своем доме посланца фюрера...

При слове «фюрер» Мюллер непроизвольно вытянулся и гаркнул:

— Хайль Гитлер!

Ганс вздрогнул, стукнул каблуками и произнес:

— Хайль!

— Не верю! — неожиданно вырвалось у старика.

— Что? Почему не веришь? — оторопел майор.

— Не верю... не верю, что я сумел угодить вам так, господин майор фон Мюллер, как бы мне хотелось. Сами знаете, времена...

— Скромничаешь, учитель... Однако за преданность благодарю. Если твоя семья, и особенно твоя хорошенькая дочь, питает ко мне такие же чувства, то мы прекрасно уживемся. А теперь оставь нас. Будешь заходить в эту комнату только тогда, когда тебя позовут.

— Слушаюсь, ваше превосходительство, — сказал учитель и, церемонно поклонившись, вышел.

— Разве это комната, сукин ты сын? — обругал майор своего денщика.

— Это самый лучший дом во всем селе, герр майор, который остался целым после налета нашей авиации.

— Ну ладно, что будем есть? Ты нашел цыпленка?

— Цыпленка? У этих проклятых чехов даже тощей наседки не найти. Ведь многие сбежали к партизанам со своей домашней птицей.

Слово «партизан» всегда вызывало гнев Мюллера. И сейчас его глаза налились кровью, рот искривился.

Он сжал в руке хлыст и, подняв его, сильно резанул воздух.

— Партизаны? Я все равно поймаю этого «Татру», их руководителя! — Мюллер вспомнил еще одну неприятную вещь. — А о румынском летчике узнали что-нибудь?

— Наши напали на его след.

— Напали на след! Ну их ко всем чертям! Большевики в двух километрах, а эти болваны из гестапо ищут следы! Он, наверное, уже добрался до своих!

— Конечно, герр майор.

— Пошел вон! Вечно ты отвечаешь невпопад, безмозглая голова!

Мюллер чувствовал сильный голод. Да, здесь не то что во Франции, откуда он вернулся семь месяцев назад. Мысль о жареном цыпленке не покидала его.

— Как же так, Ганс? Неужели нельзя достать ни одного цыпленка?

— Ничего нельзя достать, герр майор. У меня есть консервы... Зато у этого Клапки такая дочь... (Ганс знал, что только женщины могут отвлечь мысли Мюллера от гастрономических удовольствий.) Лакомый кусочек, а не девушка.

— Я знаю ее, она работает в больнице врачом. Прикидывается недотрогой...

— Да, она не так вышколена, как Янина из Тулона...

— Ну ее к черту... Если бы я знал тогда, что она была в маки, я скрутил бы ей шею...

Ганс вспомнил, как однажды вечером мадемуазель Янина выкрала из планшета Мюллера все документы...

— Да, она здорово вам насолила...

Мюллер не любил вспоминать об этом случае. Он сердито посмотрел на Ганса.

— Что-то ты много болтаешь, Ганс. Если ты не будешь держать язык за зубами, то в один прекрасный день окажешься с пулей в затылке. Ступай в офицерскую столовую и принеси мне эту свинячью похлебку. Потом зайди в больницу и скажи этой докторше, Лиде Клапке, чтобы она после полудня зашла осмотреть меня. Только чтобы об этом не узнала эта корова Анна Крупова, сестра. Надоела она мне...

— Слушаюсь, герр майор!

Когда учитель выходил из дому, его жена Майя возвращалась от соседки. Встретившись с ним у калитки, она отвернулась от него.

— Ты все сердишься, старушка?

— Замолчи, Ионак. Ты мне противен. Все село ненавидит тебя. Я удивляюсь, как у тебя хватает совести показываться на людях. Ничего, скоро ты ответишь за свои поступки. Куда тебя несет?

— Меня вызывает староста. Мы должны помочь немцам восстановить разрушенный партизанами мост.

— Ты с ума сошел... Твой сын борется за нашу свободу, а ты...

— Каждый живет по-своему!

— Где Алекса? Неужели он ушел, не повидавшись со мной?... Ты что, прогнал его?

— Я же сказал тебе, Алекса умер. Гестапо знает об этом.

— Ты отрекаешься от собственного сына, от семьи, от родины. Так знай же, я сама передам тебя в руки правосудия. Теперь иди и донеси на меня твоим друзьям, фашистам!

— Замолчи, прошу тебя. Смотри, не делай глупостей, слышишь?

Но Майя Клапка уже не слышала мужа. Хлопнув калиткой, она вошла в дом.

Старый учитель шел по улице. Крестьяне отворачивались от него, делая вид, что не замечают. Все годы оккупации учитель Клапка вселял в людей надежду и уверенность, что наступит свобода. Но сейчас все возненавидели его.

Войдя в здание сельской управы, Клапка постучал в дверь, открыл ее и вошел в комнату, где сидел староста.

Староста, Вили Булик, старый агент нацистов, не спал всю ночь. Он понимал, что гитлеровцы проиграли войну и что через одну-две недели все изменится. Поэтому он очень удивился, когда неделю назад к нему по поручению нескольких местных националистов пришел учитель Клапка. Так мог поступить только безумец. Он с великой радостью готов был уступить свой пост этому чудаку, тем более что немцы вот уже два дня грозят расстрелом, если не будет найден укрытый в селе румынский летчик. Булик даже хотел спросить учителя, что его заставило открыто перейти на сторону фашистов именно теперь, когда леса кишат партизанами и немцы отступают, но страх, что учитель может донести о таком разговоре в гестапо, заставлял его молчать.

— Ну, Ионак, что нового? Как себя чувствует фон Мюллер в твоём доме?

— Думаю, что хорошо. Я все предоставил в его распоряжение.

— М-да. Ты уже знаешь, что я тебя вызвал по поводу моста. К вечеру нам нужно собрать побольше людей. Нужно показать немцам, что в тяжелую для них минуту мы не покидаем их. Ты сам возьми за это.

— Люди уже не слушают меня, Вили. Видно, готовятся к приему русских и румын.

— Молчи, нас могут услышать.

— Ты что, боишься?

— Не-е-ет, не боюсь. Скоро фюрер применит новое оружие, и тогда все будет, как в начале войны. Тогда тот из нас, кто устоит в самые тяжелые минуты, будет вознагражден.

Ты, как учитель, возможно, будешь министром, а я... мне достаточно будет получить депутатский мандат в великом рейхе. Что ты скажешь на это?

— Нужно подсчитать, сколько человек придет с подводами на работу по восстановлению моста.

Услышав скрип лестницы, лейтенант Санду решил, что за ним пришли. Он видел через оконце подпола, как во двор вошел гитлеровский офицер с денщиком, и слышал наверху чьи-то шаги и голоса. Неожиданно крышка подпола с шумом открылась и тут же захлопнулась. На лестнице остался человек. Заметив его, Санду инстинктивно хотел выхватить правой рукой пистолет, но, почувствовав сильную боль, опустил руку. Все-таки с большим трудом ему удалось вытащить пистолет левой рукой, которая тоже была ранена.

Спускающийся в подпол Алекса, услышав какой-то шум, остановился. В одной руке он держал пистолет, в другой — карманный фонарь. Направив фонарь вниз, он увидел там старые бочки, дрова и... человека в летной форме. Алекса не поверил своим глазам.

Да, судя по форме, это был тот самый румынский летчик, которого он разыскивает. На секунду у него мелькнула мысль, что румынского летчика спрятала сюда его мать. Нет, скорее это сделала Лида, сестра. Ведь люди, нашедшие летчика, отвезли его в больницу. Оттуда Лида, видимо, перевела его сюда. Старик об этом наверняка ничего не знает... Иначе он выдал бы летчика гитлеровцам.

Алекса осветил фонарем свое лицо, чтобы показать раненому, что перед ним не гитлеровец. Он спустился с лестницы, подошел к нему и прошептал:

— Партизан, розумите?⁴⁰

Санду помахал отрицательно головой. Затем его лицо прояснилось.

— Да, да, партизан, — воскликнул Санду.

— Вы говорите по-русски?

— Нет, по-французски.

Но Алекса не знал других языков, кроме родного чешского. Как сказать летчику, что он, Алекса, должен немедленно доставить его к своим, в горы, где его ожидает советский самолет? На этом самолете прибыли советский лейтенант и румынский сержант.

Между тем Санду посмотрел на светящиеся стрелки часов и левой рукой потянул к себе какой-то ящик. Сняв крышку, он начал быстро нажимать на кнопку. В ответ послышалось какое-то жужжание. Алекса понял, что летчику удалось захватить с разбившегося самолета радиопередатчик, и теперь он связан со своими.

Это было второе сообщение Санду. Первое сообщение он сделал, когда, придя в себя, понял, что сюда, в темный подвал, его спрятали друзья. Ведь не оставили бы ему передатчик враги. Тогда он, настроясь на условленную волну, сообщил в штаб армии, что находится у друзей, по всей вероятности, в селе Кресновице, на окраине которого разбился самолет, что адъютант Нягу отправлен с пленкой в штаб, и спросил, прибыл ли он.

Через час он получил ответ. Ему сообщали, чтобы он спокойно ждал помощи, его непременно спасут, что Нягу благополучно добрался до штаба.

Вторая передача была назначена на сегодня, на 14 часов. Когда Санду сообщил в штаб, что возле него находится чешский партизан, отсюда потребовали сообщить его имя.

Показывая на себя пальцем, Санду сказал:

— Еу лейтенант Санду... Константин Санду...

— Ага, — догадался партизан, — Вы... поручик Санду. А я партизан Алекса Клапка.

Вместе с фамилией чеха Санду сообщил также, что в доме, в подвале которого он спрятан, разместились немецкий майор с денщиком.

Спустя некоторое время чешским партизанам было передано следующее распоряжение: «Действуйте сегодня ночью. Кроме «Сокола», захватите с собой завтра на

⁴⁰ Я партизан, понимаете? (чешск.)

рассвете «языка». Найдете его там же».

Сидя у маленького оконца, Алекса следил за тем, что происходит во дворе, и обдумывал свое задание. Как же спасти летчика? Нужно сделать так, чтобы об этом никто не узнал, особенно отец.

Вдруг он увидел в окошко, что майор и его денщик вышли из дому. Напыщенный, выпятив вперед грудь, разукрашенную орденами, Мюллер шел так быстро, что Ганс едва поспевал за ним. Момент был самый подходящий. Но отец? Как бы он мог помочь ему в эту минуту, если бы был таким, как прежде. Почему? Почему он так изменился? И именно теперь, когда близится победа, о которой он когда-то мечтал?

Вот он идет к калитке. Он сильно сдал за последнее время. Вот и мать... О чем они говорят? Мать ругается.

Нужно будет непременно сообщить об отце партизанам. Они доверяют ему, а он, оказывается, предатель... Как бы сказать летчику, что ему нужно уйти.

Снова стукнула калитка. Алекса подошел к решетке окна и увидел, что во двор вошла женщина. Неожиданно она направилась к окошку подпола, у которого стоял Алекса.

«Боже мой, это же Лида, сестра! Как она изменилась за четыре года! Стала настоящей красавицей! Но почему она идет прямо к моему окошку... В руках — какой-то пакет. Значит, она меня заметила... Какая неосторожность! А что, если за ней следят?»

Дойдя до оконца, Лида нагнулась, сняла туфлю и снова надела. Другой рукой она незаметно дернула за кольцо оконца, оно открылось, и Лида поспешно бросила туда пакет. Как ловко она это проделала!

Алекса развернул пакет. В нем была небольшая бутылка рому, белый хлеб, два жареных цыпленка и лекарства. На клочке бумаги по-французски было написано: «Мой друг. Мужайтесь и ждите. Все будет хорошо. «Татра».

Алекса понял только подпись и изумился. Значит, «Татра» — это Лида. Неужели она стоит во главе группы? Удивительная девушка!

Санду прочел записку. Он почувствовал безграничную уверенность. Значит, даже здесь, в логове зверя, у него много верных друзей...

В доме хлопнула дверь. Лида мелкими шажками ходила взад и вперед по комнате. Нужно торопиться, Алекса должен побыстрее пробраться в горы. Ночью партизаны придут за летчиком. Как трудно говорить с человеком, не зная языка! Но наконец Санду понял, что хотел сказать ему Алекса, и крепко пожал ему руку. Когда Алекса поднялся наверх, Лида, увидев его, очень удивилась.

— Боже мой, Алекса! Это ты?

— Да, это я, товарищ «Татра»!

— Ты ошибаешься, я только выполняю его поручения.

— А кто же тогда «Татра»?

— Это удивительно ловкий человек. Вчера вечером он пустил под откос эшелон с гитлеровцами... Как ты попал сюда? Как себя чувствует летчик?

Алекса рассказал сестре о своем разговоре с отцом и о том, как он встретился с летчиком. Он хотел расспросить Лиду об отце, но вошедшая во двор девушка в белом халате помешала ему.

— Кто это? — спросил Алекса.

— Анна Крупова, сестра из госпиталя, — ответила Лида.

— Что ей здесь нужно?

— Видно, окна следит за мной, узнала, что меня вызвал к себе майор Мюллер, и ревнует...

— И ты пошла к нему?

— Наша борьба здесь отличается от той, которую ведете вы там, в горах. Но ты за меня не беспокойся! Я уже не глупая девчонка. Ступай через комнату мамы и выйди через черный ход. Но будь осторожен, за нашим домом следят. Смотри, чтобы тебя никто не заметил, ведь все думают, что ты умер четыре года назад. Через час у выхода из села, под камнем у 64-го

километра, ты найдешь записку. Маме не говори ничего. Это приказ товарища «Татры». В дверь постучали.

— Да, пожалуйста.

Вошедшая в комнату девушка была чем-то встревожена. Ее тонкие накрашенные губы дрожали. Глазами она обшарила всю комнату.

— Что случилось, Анна?

— Ничего, госпожа доктор. Дайте мне, пожалуйста, ключи от ящика с медикаментами. У больного на 26-й койке поднялась температура.

— Пожалуйста, Анна. — Лида протянула ей ключи. Сестра, вся дрожа, схватила ее за руку и начала целовать.

— Что с тобой, Анна?

— Не понимаешь? — Анна едва сдерживала рыдания. — Уже неделю майор Мюллер не ходит ко мне. Из-за тебя!

— У меня и мысли такой не было...

— Я люблю его, понимаешь? — По лицу Анны потекли слезы.

— Нет, Анна, это не любовь. Любить — это значит быть голодным, но не есть, умирать от жажды, но терпеть, изнемогать от усталости, но идти вперед.

Весь этот разговор внимательно слушал Мюллер, уже давно стоявший на пороге комнаты. Как только женщины заметили его — они сразу смолкли. Анна смотрела на него широко раскрытыми глазами. Мюллер недовольно поморщился.

— Вы здесь?

Лида решила выручить Анну:

— Она пришла за ключами от шкафа с медикаментами.

— Я приказал вызвать ко мне только фрейлен Лиду. А вы идите, — грубо сказал он Анне.

Анна продолжала смотреть на Мюллера и, лишь увидев, что он своим стэком указывает ей на дверь, поняла, что ее гонят.

— Marsch! Marsch!... Schnell!...

Шатаясь, она вышла из комнаты. Мюллер захохотал. Лида с презрением смотрела на него, насмешливо улыбаясь. Мюллер, прекратив смеяться, уставился на нее.

— Вы самая очаровательная девушка Словакии! — воскликнул он.

Лида едко заметила:

— Вы, господин майор, как видно, не особенно знаете географию нашей страны. Сейчас вы находитесь в Моравии.

— А может быть, вы меня поучите географии? — сказал Мюллер и подошел к ней, стараясь поймать ее руку. Лида пожала плечами:

— Я же не учительница, а врач, господин майор.

— Да-а, мне нравится ваша больница...

— Не так уж она хороша. После того как было сожжено настоящее здание больницы, мы помещаемся в школе.

— Ничего не поделаешь, война...

— Да, война, но не с больными и ранеными...

«Как смеет эта девчонка критиковать нас, немцев?»

— Не кажется ли вам, фрейлен Лида, что вы слишком дерзки. Вы забываете, что мы здесь хозяева.

— Относительно, — сорвалось у Лиды.

— Как, относительно?

— ...Относительно чего вы меня вызывали, герр майор? — нашлась девушка.

Довольный тем, что поставил ее на место, Мюллер начал:

— Видите ли, доктор, в чем дело. Я себя неважно чувствую, страдаю бессонницей. Не принесете ли вы мне вечером снотворного?

Лида задумалась. Может быть, это ловушка? Может быть, он узнал о том, какие у нее

планы на эту ночь? Что бы там ни было, нужно сыграть свою роль до конца.

— Вечером у меня много перевязок. Я освобожусь только после двенадцати. Впрочем, это и к лучшему, отец и мать будут уже спать... Мне не хотелось бы, чтобы они меня видели!

Мюллер был страшно рад. Он не ожидал, что так скоро уговорит Лиду.

Вот что значит быть хозяином, он попытался обнять ее, но Лида, улыбаясь, отстранилась.

«С каким удовольствием я дала бы ему пощечину!» — подумала она.

Церемонно, надувшись, как индюк, Мюллер поцеловал ей руку.

— Помни же, дорогая, я тебя жду!

Как только Лида вышла, в комнату вошел Ганс. Майор насвистывал веселый мотив из «Бель ами». Ганс был тоже доволен: ночью он пойдет к официантке Ильзе.

— Ганс!

— Слушаю, герр майор.

— Передай часовому второй смены, чтобы ночью ко мне никого не пропускали, кроме врача Клапки.

Когда партизанский отряд получил радиogramму из штаба 2-го Украинского фронта, поручик Влчек показал ее лейтенанту Карташеву. Дело осложнилось. Ведь он прилетел сюда, чтобы вывести раненого румынского летчика, и только. А теперь еще нужно захватить «языка».

Приказ о вылете к партизанам он получил, находясь в танковой бригаде. Генерал вспомнил о нем, так как знал, что он говорит по-румынски. Помощника он должен был выбрать себе сам. Кого же взять? Для такого дела ему как раз подойдет сержант Илиуц: он прекрасно говорит по-немецки.

Вначале все было ясно. Они вместе с партизанами войдут в село, освободят летчика, вернутся в горы и увезут его на самолете к своим. А теперь? Что за «язык», которого нужно прихватить с собой? Кто он? Офицер? Шпион? Кто сообщил об этом «языке» в штаб 2-го Украинского фронта?

К вечеру, когда в отряд вернулся Алекса Клапка, положение прояснилось.

Лейтенант Санду доложил о «языке» в штаб румынской армии, а оттуда, в свою очередь, сообщили об этом в штаб 2-го Украинского фронта. Теперь оставалось только решить, как поступить с хозяином дома...

«Странно, что отец таких патриотов, как Алекса и Лида, мог стать предателем? Почему Алекса не мог найти «Татру»? — размышлял Карташев.

— «Татра» — единственный человек, кто знает наш пароль, — сказал Карташев, обращаясь к Илиуцу.

— А какой у нас пароль?

— «Горы наши»!

Сержант Илиуц уже давно думал над тем, как лучше выполнить задание. Из записки, оставленной Лидой у 64-го километра, Алекса узнал, что после полуночи Мюллер будет один в доме. Значит, в это время и нужно действовать. Все же Илиуц решил еще раз спросить:

— Хорошо, а если своими действиями мы поднимем на ноги всю дивизию?

— Тогда мы поддержим ваш отход силами всего отряда, — ответил ему поручик Влчек.

— Я полагаю, что единственным нашим препятствием будет часовая. Поэтому нам надо действовать после полуночи, чтобы не натолкнуться на смену часовых, — предложил Илиуц.

— Я согласен с вами, сержант. Итак, в двадцать три тридцать мы должны быть на окраине села. Самолет нужно подготовить к вылету к четырем часам утра, — сказал Карташев, обращаясь к сидящим вокруг партизанам.

Шел мелкий, но частый дождь. С наступлением темноты Карташев, Илиуц и сорок

партизан отправились в путь... Впереди шел Алекса. Вот пройдены все партизанские посты. Вытянувшись цепочкой, партизаны тихо спускаются с гор по длинному и узкому ущелью. Изредка тишину нарушают срывающиеся из-под ног камни. Тогда люди замирают, прислушиваются и вновь идут дальше в долину, в село.

Немцы следят за маскировкой, но все же в селе кое-где виднеются огоньки, проникающие сквозь щели дверей и окон.

Вскоре отряд останавливается.

— Мы на окраине села, — шепчет Влчек.

Карташев смотрит на часы: 23.35. Партизаны во главе с Влчком остаются здесь, на пригорке, а Карташев, Илиуц и Алекса отправляются дальше, в село. Дождь не перестает.

Когда они подходили к шоссе, мимо них пронеслась машина с затемненными фарами. Люди бросились в кювет. Около полуночи они уже были у дома учителя, возле которого, шлепая сапогами по грязи, нервно шагал часовой. Вот наконец и смена часовых. Воспользовавшись этим, Алекса быстро шмыгнул во двор и спрятался за сарай. В одной из комнат горел свет. Это была комната, которую отец предоставил Мюллеру. Старик будет очень удивлен, когда узнает завтра об их проделке.

Новый часовой подошел к окну комнаты Мюллера и заглянул в нее. О, если бы Алекса был чуть поближе к нему! Но ничего. Хорошо, что немец все время смотрит в окно. Глаза привыкнут к свету и будут плохо видеть в темноте.

Алекса, бесшумно пробираясь вдоль стены, подошел к углу дома. «Фу, черт, как скользко. Вдруг часовой услышит, что кто-то шлепнул ногой по луже?» Алекса прислушался. Действительно, гитлеровец насторожился. Он повернул голову в сторону Алексы.

Алекса слышит его шаги. Все ближе и ближе. Партизан крепко сжимает рукоятку кинжала, подымает руку и... вонзает кинжал в спину гитлеровца.

Карташев, Илиуц и Алекса оттащили труп к сараю. Вдруг послышались чьи-то легкие быстрые шаги.

Илиуц надел на голову немецкую каску и, подождав, пока Алекса и Карташев спрячутся, крикнул по-немецки:

— Стой, кто идет?

— Врач Клапка. Меня вызвал майор Мюллер.

Алекса подошел к ней. Лида поняла, что первая часть плана выполнена. Теперь она знает, что летчик будет спасен.

Девушка быстро поднялась на крыльцо, подошла к двери и робко постучала:

— Герр майор, я пришла!

Дверь тут же открылась. На пороге стоял Мюллер. Он был в зеленой пижаме. Галантно раскланявшись, Мюллер пригласил Лиду в дом.

Лида, чтобы майор не успел закрыть дверь, тут же бросилась ему на шею.

— Вот я и пришла...

Ошеломленный Мюллер хотел ее обнять, но тут в дом ворвались Карташев, Илиуц и Алекса. Илиуц сунул Мюллеру в рот кляп, Алекса связал руки, а Карташев приставил к груди автомат. Лида тем временем быстро открыла крышку подпола, и Алекса с фонарем в руках спустился вниз.

Мюллер никак не мог понять, что произошло; он стонал, вырывался, но, заметив советского офицера, бессильно опустился на пол.

Илиуц рывком поднял его и поставил на ноги.

— Ну, господин майор, поскорее приходите в себя. Если будете вести себя хорошо, все будет в порядке. Одолжите мне свой плащ! И не удивляйтесь, для всех, кого встретим мы сейчас на улице, я — майор Мюллер. Вот так. Фуражку я тоже возьму. Превосходно. А вы наденьте эту плащ-палатку и мою пилотку. Если понадобится, то на улице мы выдадим вас за румынского пленного. Не вздумайте делать глупости, иначе вам крышка!

В это время Санду и Алекса поднялись из подпола.

Карташев подошел к Санду и крепко пожал ему руку. Санду застонал.

— Простите, я, кажется, сильно сжал вашу руку? Она ранена?

— Ничего. Это я так, от радости.

Войдя в комнату и увидев советского офицера и румына, Майя Клапка облегченно вздохнула.

В дверях показался и Ионак Клапка, но Алекса преградил ему дорогу.

— Назад, отец! Предатель!...

Старик улыбнулся.

— Спокойно, спокойно, мой мальчик, тем более что «Горы наши»!

Мать и сын недоуменно переглянулись. Карташев сразу догадался, в чем дело, ведь он хорошо знал, что такое подпольная работа в берлоге врага. Иногда обстановка требует действовать так, чтобы люди проклинали тебя, считали врагом. Тогда легче войти в доверие к противнику.

Так, значит, это он, старик Клапка, и есть...

— Товарищ «Татра»! Я лейтенант Карташев. Позвольте поблагодарить вас за помощь!

— Не за что, товарищ лейтенант. Я рад знакомству с вами. Надеюсь, когда придут советские войска, мы познакомимся еще ближе.

Мать и сын поняли наконец, в чем дело. Сколько унижений и обид вынес старый учитель! Но он не мог объяснить им, почему так поступает.

— Ионак!

— Отец!

Старик Клапка ухмыльнулся в бороду. Мать и сын крепко обняли его.

— Я свое задание выполнил, — заговорил учитель. — Мне было поручено пустить под откос поезд с боеприпасами и устроить ловушку для господина Мюллера, что я и сделал. Теперь мы пойдем с вами, товарищ лейтенант. Лида, ты готова?

— Готова, товарищ «Татра»... папочка!...

— Товарищ Илиуц, до выхода из села командовать нами будете вы. Если бы я не знал вас так хорошо, честное слово, я принял бы вас в этой комнате за настоящего гитлеровского офицера.

Вскоре дом опустел. По улице, в темную ночь, бесшумно шла группа людей. В селе они не встретили ни одного немецкого патруля. На пригорке, где их ждали партизаны, Илиуц возвратил Мюллеру его плащ и фуражку и взял свою плащ-палатку.

Фашисты узнали об исчезновении Мюллера только через час. Обнаружив, что вся семья Клапки исчезла, и найдя труп убитого часового, они догадались о том, что здесь произошло. Но было поздно что-либо предпринять. Партизаны уже скрылись в горах.

Мюллер сидел в углу самолета. Его мучила мысль, что же с ним будет. Только бы не расстреляли, он расскажет им все, что их интересует, лишь бы они сохранили ему жизнь.

— Жизнь! Жизнь! — истерично крикнул он, не замечая этого.

— Жизнь? Да, за жизнь мы кладем свои головы, господин майор, — ответил ему Илиуц.

На второй день по всему фронту началось наступление. Берлин был взят. Гитлеровская Германия доживала последние дни. Но в Чехословакии: в Брно, Мезиричах, Ижлаве и Праге — немецко-фашистские войска отчаянно сопротивлялись — они располагали здесь крупными силами, переброшенными с запада. Особенно много войск было сосредоточено в районе Брно, как сообщил на допросе Мюллер. Расположенные там несколько моторизованных дивизий получили приказ держаться до последнего человека.

На рассвете 5 мая началась симфония освобождения Брно.

Вступление было исполнено тысячами пушек различного калибра. Занавес боевого театра был огромный, он простирался на сотни километров, и, когда он поднялся, на сцене появились тысячи советских и румынских солдат.

Миллионы людей пели победный гимн. Они пели этот гимн на многих языках: на

русском, румынском, чешском, словацком... Он медленно плыл над Богемией и Моравией.

Самолеты, «катюши» уничтожали своим огнем издыхающую фашистскую гидру.

В воздухе работали сотни радиостанций, передающих и принимающих приказы, донесения...

— Я — «Урал». Поддержите «Муреш» противотанковой артиллерией!

— Алло, «Кришул», подтяните свой фланг ближе к «Донцу».

По телефонным проводам, проложенным через кукурузные поля, слова бегут, словно ветер.

— Отлично, полковник. Поздравляю. Еще одно небольшое усилие, и высота семьсот двадцать пять будет в наших руках.

— Так точно, господин генерал! Спасибо!

Освободительная армия непрерывно преследует фашистского зверя. Сколько дней она без передышки идет вперед? Солдаты забыли, что такое отдых.

Снова они бьют противника, идут в штыковую атаку: Карташев, ловко бросающий гранаты, рядом с Настой, ведущим на ходу огонь по противнику из своего автомата, с Безней, который припадает на раненую ногу и на все лады прокликает Гитлера и весь его род.

У капрала Тудора кончились патроны. Его ручной пулемет замолк. Это обнаружила группа фашистских солдат. Вот они окружают его, приближаются — до Тудора им остается метров тридцать. Тудор бросает в них камнями. Немцы кричат и прячутся; они принимают камни за гранаты.

На помощь приходит Илиуц. Когда немцы снова поднимаются, он дает по ним длинную очередь из автомата. Но вот Тудору доставили патроны, его пулемет снова заработал, и фашистов осыпает град пуль.

...Наступает вечер. Рота непрерывно атакует противника. Впереди бежит лейтенант Ботяну.

— В атаку, ура-а-а-а!

— Ура-а-а! Ура-аа! — подхватывают солдаты.

И вдруг все затихло. По всему фронту умолкли орудия и минометы, автоматы и винтовки.

Наступила какая-то особенная, странная глубокая тишина. Этому трудно поверить. Лейтенант Карташев, перепрыгивая через окопы, во весь дух бежит на передний край, в роту,

В ста шагах от себя Тудор неожиданно замечает немецкого снайпера, направляющего винтовку на Карташева.

— Не-ет! Не-е-ет!... — И капрал, не имея уже времени зарядить свой ручной пулемет, вырывает у Безни винтовку.

— Заряжена?

— Последний патрон, господин капрал!

Тудор прицеливается. Поймав на мушку врага, появившегося в сумерках на краю окопа, нажимает курок... Фашистский снайпер падает.

Выстрел нарушил тишину, царившую на всем фронте.

— Кто стрелял? Кто стрелял? Кто стрелял? — спрашивает батальон, полк, дивизия...

— Не стрелять!... Всем прекратить огонь!... Прекратить всем!... Всем!... — передается команда.

В окоп прыгает Карташев, останавливается на секунду, чтобы перевести дух. Кажется, после такого бега сердце вот-вот выпрыгнет из груди... Он смотрит вокруг себя и видит Ботяну, Илиуца, Насту, Тудора и только после этого шепчет:

— Братья, мир!... Мир!... — и плачет как ребенок, вытирая глаза рукавом шинели...

Наступила ночь. Окопы опустели.

Наступившая после нескольких лет непрерывных взрывов непонятная и непривычная тишина вдруг была нарушена грохотом многих тысяч орудий, автоматов, винтовок и пистолетов. В небе появились осветительные ракеты. Это был салют победы!

Победа!... Солдаты обнимались с офицерами, артиллеристы — с горными стрелками, русские — с румынами...

К роте подошел советский старшина с канистрой. Карташев крепко обнял его, взял канистру и отвинтил пробку.

— Подходите, хлопцы. Выпьем за нашу победу! Это настоящая русская водка.

Подняв вверх свои фляги, солдаты чокнулись.

— Выпейте, братья, выпейте, дорогие товарищи! Выпейте за то, чтобы, начиная с сегодняшней ночи, никто не умирал от пули. На передний край пришел Мир. Пропустите его, пропустите без пароля, пусть он властвует над миром.

Безня запрокинул голову и, приложив к губам флягу, начал жадно пить. Лука остановил его.

— Хватит тебе, дорогой, ты же не умеешь пить.

— Ты так думаешь? Теперь, когда наступил мир, я могу начать тренировку к свадьбе.

Наста радостно что-то крикнул и разрядил в воздух свой автомат.

— Куда ты стреляешь, Наста?

— В Луну, товарищ лейтенант, пусть и там знают, что на земле покончено с войной. Ты слышишь нас, Луна? На земле мир! Мир!

Да, наступил сверкающий, ясный День Победы. Небо было чистое, светлое. Солдатам казалось, что им снится прекрасный сон. Но это был не сон!...

В воздухе еще летали военные самолеты, но на орудия уже были надеты чехлы.

Только теперь узнали солдаты, почему стрелял капрал Тудор Улмяну после приказа о прекращении огня.

...Карташев сжимал в своих объятиях Тудора, румынского солдата, который последним выстрелом на этом фронте спас ему жизнь.

ЭПИЛОГ

Широкие, вчера еще совершенно пустые улицы Брно, освобожденного советскими и румынскими войсками, вдруг ожили. Люди в праздничной одежде с красными и трехцветными флажками в руках громкими криками приветствовали освободителей, которые под звуки военного оркестра шли к центральной площади, где должен был состояться парад. На трибуне находились генералы и офицеры, представители местной власти и общественности города Брно.

Силы весны, все эти грозные военные годы скованные и затерянные среди пожелтевших листков календаря, будто только теперь пробудились. Весна прошла по полям и вступила в праздничный город.

Кое-где виднелись сожженные, разрушенные дома — следы отступивших фашистов. Счастье еще, что на последнем этапе войны победители не давали им возможности отступить «гибко», «организованно». Иначе не уцелел бы ни один дом, ни одна улица, не остался бы в живых ни один человек.

Тудор стоял рядом с Карташевым и Илиуцем и с глубоким волнением смотрел на сияющие счастьем лица людей. Под звуки оркестра катилась живая лавина — плечом к плечу советские и румынские войска проходили по цветущему бульвару, направляясь на парад.

По всему пути выстроились черешни в белом весеннем уборе. При каждом дуновении ветра их ветви раскачивались, приветствуя победителей, а белоснежные лепестки цветов устилали путь триумфального шествия.

Это был парад Победы.

На тротуарах, на балконах, в окнах хор голосов скандировал:

— Здрав, здар, наздар.

Весь город вышел с песнями на улицу, с песнями, которых в стране Фучика никто не слышал уже более пяти лет; глаза у людей сияли от радости, потому что наступил мир, новая

счастливая жизнь.

Карташев стиснул руку капралу Улмяну.

— Слышишь, Тудор?

— Слышу, Ваня!

— Все поет, самый воздух поет!

— Вся земля теперь вырвалась из оков, Ваня!

— Это мы, мы ее освободили, Тудор!

На балконах расцвели чешские и советские флаги А вот виднеется и румынский флаг...

И всюду навстречу освободителям выходили дети, старики и женщины, отогретые весной, которая долго им только снилась, с цветами, со слезами радости на глазах, выходили навстречу Ване, Тудору и их товарищам.

Сводная советско-румынская рота вступила в парадном марше на новый бульвар Ленина.

Буквы, выбитые на новенькой табличке, повешенной у входа на бульвар, были свидетелями обновляющейся жизни.

Под усиленный репродукторами марш Советской Армии шла рота лейтенанта Карташева, по восемь человек в шеренге. Впереди шли Ваня, Тудор, Костя, Илиуц, Миша, Наста, солдаты с Волги и Дуная, с Дона и Муреша.

Советские и румынские танкисты, породнившиеся в бою, шли в тесном братском строю по ковру из цветов, которые летели со всех балконов.

На тротуарах люди обнимались и плакали от радости.

В толпе были женщины в трауре, потерявшие близких, мужей или детей, которые погибли от бомбежек или в гитлеровских лагерях смерти.

А рота все шла и шла.

Вот кордон новой чешской милиции приветствует красное знамя, плывущее впереди батальона.

Вдруг лейтенант Карташев вздрагивает. Тудор видит, что он пристально смотрит на один из балконов, увитый красными гирляндами цветов. На балконе стоит девушка с пышными золотистыми волосами и машет рукой.

— Как похожа на Тамару... такая же красивая... и волосы такие же... такая же юная...

Тудор внимательно смотрит на девушку. Да, эта девушка из Брно действительно очень красива. Жаль, что это не Тамара... Тамара погибла. Много Тамар погибло... Проклятые, зачем вы это сделали?! Вы никогда не знали любви! Разве вы можете понять, как лейтенант Карташев пронес в своем сердце любовь к Тамаре через окопы, через всю войну? Нет, вам этого не понять! Вы никогда не любили!

Его Иляна спаслась от гибели. И он, Тудор Улмяну, ее муж, тоже жив. Все сложилось как нельзя лучше. У нее будет ребенок. А почему, собственно, один ребенок? Будут сын и дочь. Они узнают, что такое война только из книг. Вечером, придя домой с работы, он сядет и в ожидании ужина, который готовила Иляна, возьмет детей на колени и скажет им:

— Какое счастье, что вы родились в хорошие времена. Знаете, как боролись люди за то, чтобы вы жили счастливо? Послушайте, я вам расскажу: вместе с вашим отцом воевал один человек, по фамилии Карташев...

— Это тот сказочный богатырь, который бился со змеем? — спросит его дочь...

Да, он бился со змеем-чудовищем, с гитлеризмом. Звали того богатыря Ваня...

Рота подходила в это время к Триумфальной арке. Карташев как будто услышал свое имя. Он посмотрел на капрала Улмяну, который разговаривал вслух сам с собой.

— Тудор, что с тобой, ты сбиваешься и идешь не в ногу.

— Ничего, Ваня, богатырь ты мой сказочный... Я просто рассказывал своей дочери, какое огромное дело мы с тобой сделали...

— Как, у тебя есть дочь?

— Н-нет... Но я подумал, что когда она у меня будет, как много мне надо будет ей рассказать.

— Что с тобой, Тудор, ты плачешь? Ты чем-то огорчен?

— Это я от радости, Ваня. Мне кажется, я помолодел, честное слово! Мне хочется разуться и побежать босиком, хочется почувствовать, что под ногами земля, простая мирная земля, понимаешь?

— Понимаю, Тудор, конечно, понимаю. Мы начнем новую жизнь. Но нам нельзя допускать, чтобы проклятый фашист протянул когда-нибудь снова свои грязные лапы к нашему цветущему саду.

— Мы вместе об этом позаботимся, Ваня. Правда?

— Конечно, всегда только вместе, Тудор.

Они молча стиснули друг другу руки и, шагая в ногу, прошли перед трибуной, на которой советский маршал, советские и румынские генералы, чешские офицеры приветствовали проходящие войска.

Как только батальон прошел мимо трибуны, к нему в тыл без всякой команды пристроились ребяташки.

Они двигались колонной, как на параде, как на величайшем параде, который когда-либо знало человечество.

Это был парад Жизни, Победы, Будущего!